

**Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242**

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 32

**Томск
2009**

УЧРЕДИТЕЛЬ

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(факультет психологии)

Главный редактор – Г.В. Залевский

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Богомаз, Т.Г. Бохан, Э.В. Галажинский, В.Г. Залевский, В.И. Кабрин (зам. главного редактора),
О.М. Краснорядцева, Т.Е. Левицкая, Э.И. Мещерякова, О.И. Муравьева, О.В. Лукьянов,
А.В. Серый, Г.А. Финогенова (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.Г. Асмолов (Москва), Н.А. Бохан (Томск), Л.И. Вассерман (Санкт-Петербург), Б.А. Вяткин (Пермь),
Л.Д. Демина (Барнаул), Е.Л. Доценко (Тюмень), Г.Е. Дунаевский (Томск), Г.В. Залевский (Томск),
В.П. Зинченко (Москва), Ю.П. Зинченко (Москва), В.В. Знаков (Москва), В.И. Кабрин (Томск), А.Д. Кар-
нышев (Иркутск), В.Е. Клочко (Томск), И.А. Коробейников (Москва), Г. Кунце (Кассель, Германия),
В.С. Мухина (Москва), Р.Д. Санжаева (Улан-Удэ), В.Я. Семке (Томск), С.В. Смирнова (Благовещенск),
А.В. Соловьев (Москва), А.Ш. Тхостов (Москва), К. Павлик (Гамбург, Германия), П. Шюлер (Марбург, Гер-
мания), Д.В. Ушаков (Москва), Е.П. Федорова (Чита), А.В. Юревич (Москва), М.С. Яницкий (Кемерово)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Г.А. Финогенова

Сибирский психологический журнал
включен в Перечень ведущих журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
по педагогике и психологии.
(Бюллетень Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации. 2007. № 1)

Адрес редакции: 634050, Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии
Телефон/факс: (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 32

2009 г.

Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций – Свидетельство ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.
Международным Центром ISSN (Париж) от 4 января 2003 г., печатный вариант – ISSN 1726-7080

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ	5
-----------------------------	---

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Петрова В.Н.</i> ИЗУЧЕНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	6
<i>Кадыров Р.В., Кравцова Н.А.</i> ОТНОШЕНИЕ КО ВРЕМЕНИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ	11
<i>Ральникова И.А., Ипполитова Е.А.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ КАК ФАКТОР САМООРГАНИЗАЦИИ В КРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ	18
<i>Богомаз С.А., Баланев Д.Ю.</i> ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА	23
<i>Преображенская А.О.</i> АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК ОПОСРЕДУЮЩЕЕ ЗВЕНО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИЦИИ СУБЪЕКТА	29
<i>Муравьева О.И.</i> ТРАНСКОММУНИКАЦИЯ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	34
<i>Салихова Н.Р.</i> РЕАЛИЗУЕМОСТЬ ЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СТАНОВЛЕНИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА	40
<i>Савченков Ю.И., Петросян Е.Ю.</i> К ВОПРОСУ О ПЛАСТИЧНОСТИ СВОЙСТВ ТЕМПЕРАМЕНТА	46
<i>Чернецкая Н.И.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ДИАГНОСТИКЕ ТВОРЧЕСКОЙ СФЕРЫ	52

КЛИНИЧЕСКАЯ (МЕДИЦИНСКАЯ) ПСИХОЛОГИЯ

<i>Залевский Г.В.</i> ОТ «ДЕМОНИЧЕСКОЙ» ДО «БИОПСИХОСОЦИОНОЭТИЧЕСКОЙ» МОДЕЛИ ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА	57
<i>Дусказиева Ж.Г., Ковалевский В.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ СОБСТВЕННОЙ И ПРОТИВОПОЛОЖНОЙ ПОЛОВОЙ РОЛИ ЧАСТО БОЛЕЮЩИМИ ДЕТЬМИ 5–7 ЛЕТ	65
<i>Волкова О.В.</i> ВОЛЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ ЧАСТО БОЛЕЮЩИХ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: ИССЛЕДОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ	68
<i>Потребич Ю.Г., Кравцова Н.А., Катасонова А.В.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ МЛАДЕНЧЕСКОГО И РАННЕГО ВОЗРАСТА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СПОСОБА РОДОВСПОМОЖЕНИЯ	71
<i>Неверова Г.Ю.</i> ИНТРАЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ В ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАБИЛИТАЦИИ БОЛЬНЫХ ГЕРОИНОВОЙ НАРКОМАНИЕЙ	74
<i>Смирнова С.В., Залевский Г.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ РЕБЕНКА (НА ПРИМЕРЕ БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМЫ)	78
<i>Ткаченко Г.А.</i> ТРЕВОГА И ДЕПРЕССИЯ У ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ С СОПУТСТВУЮЩЕЙ ИШЕМИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ СЕРДЦА И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ	82
<i>Якоуц О.Л.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ У ЛИЦ С НАРУШЕНИЕМ ФУНКЦИЙ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА	86

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Гуриева С.Д.</i> ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ДИНАМИКУ МЕЖГРУППОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	89
<i>Дорошина И.Г.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУПРУГОВ В ЗРЕЛОЙ СЕМЬЕ	95
<i>Морозова Е.А., Сорокина Т.Ю.</i> МОДЕЛЬ СЕМЬИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ УСТАНОВОК И ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ МОЛОДЕЖИ	100

ИНФОРМАЦИЯ

О Третьем Сибирском психологическом форуме (СПФ-3) «Человек и современность: междисциплинарные исследования»	105
Из диссертационных советов	106
Наши авторы	107
Правила оформления материалов для публикации в «Сибирском психологическом журнале»	109

CONTENTS

ADDRESS TO READERS	5
--------------------------	---

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

<i>Petrova V.</i> THE FUTURE MODEL'S STUDYING: THE METHODOLOGICAL PROBLEMS AND THE WAYS OF THEM SOLUTION	6
<i>Kadyrov R.V., Kravtsova N.A.</i> TIME RELATION OF THE PROFESSIONAL MILITARY MEN WHO WERE TAKING PART IN BATTLE OPERATIONS	11
<i>Ralnikova I., Ippolitova E.</i> TRANSFORMATION OF STUDENTS' NOTIONS ABOUT PROFESSIONAL PROSPECTS AS THE SELF-ORGANIZATION FACTOR DURING CRISIS TIMES OF STUDY IN THE HIGH SCHOOL	18
<i>Bogomaz S.A., Balanov D.U.</i> HARDINESS AS A COMPONENT OF INDIVIDUAL INNOVATION POTENTIAL	23
<i>Preobrajenskaya A.O.</i> AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE AS MEDIATED LINK OF SUBJECT'S ATTITUDE	29
<i>Muravyova O.I.</i> TRANSCOMMUNICATION AS AN ONTOLOGICAL BASIS OF INNOVATION ACTIVITY	34
<i>Saliyova N.R.</i> REALIZABILITY OF PERSONALITY'S VALUES IN MAN'S LIFE SPACE FORMATION	40
<i>Savchenkov J.I., Petrosyan E.J.</i> TO THE QUESTION ON PLASTICITY OF TEMPERAMENT PROPERTIES	46
<i>Chernetskaya N.I.</i> CONTEMPORARY REQUIREMENTS CONCERNING THE DIAGNOSTICS OF THE CREATIVE SPHERE OF PERSONALITY	52

CLINICAL (MEDICAL) PSYCHOLOGY

<i>Salevskij G.V.</i> FROM THE «DEMONIC» TO THE «BIOPSYCHOSOCIONOETIC» MODEL OF MENTAL DISEASES	57
<i>Duskaeva Zh.G., Kovalevsky V.A.</i> SPECIALITY OF EMOTIONAL SELF AND OPPOSITE SEXUAL ROLE PERCEPTION OF CHILDREN WITH WEAK HEALTH AT THE AGE OF 5–7	65
<i>Volkova O.V.</i> WILL ACTION OF PRE-SCHOOL AGE CHILDREN WITH WEAK HEALTH: SPECIALITIES AND WAYS OF PSYCHOLOGICAL CORRECTION	68
<i>Potrebich Y.G., Kravtsova N.A., Katasonova A.V.</i> THE RESEARCH OF THE EMOTIONAL SPHERE IN INFANT AND EARLY CHILDHOOD AGED CHILDREN DEPENDING ON THE OBSTETRICS WAY	71
<i>Neverova G.J.</i> INTRAPERSONAL RESOURCES IN EFFICIENCY OF REHABILITATION SICK HEROIN THE NARCOTISM	74
<i>Smirnova S.V., Salevskij G.V.</i> PSYCHOLOGICAL FEATURES OF PARENTS AS THE FACTOR OF FORMATION PSYCHOSOMATICAL OF DISEASE OF THE CHILD	78
<i>Tkachenko G.A.</i> ANXIETY AND DEPRESSION OF CANCER PATIENTS WITH CONCOMITANT ISCHEMIC HEART DISEASE AND METHODS PSYCHOLOGICAL CORRECTION	82
<i>Yakovlev O.L.</i> THE FEATURES OF PERSONS' PROFESSIONAL INTERESTS WITH DIFFERENT LEVEL OF MOVING ACTIVITY	86

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Gurieva S.D.</i> INFLUENCE THE ETHNIC FACTOR ON THE STUDYING INTERGROUP RELATIONS	89
<i>Doroshina I.G.</i> THE RESEARCH OF SPOUSES' DISPUTED INTERACTION IN A MATURE FAMILY	95
<i>Morozova E.A., Sorokina T.Ju.</i> MODEL OF FAMILY AS THE FACTOR OF FORMATION OF MARRIAGE -FAMILY INSTALLATIONS AND PERSONAL QUALITIES OF YOUTH	100

INFORMATION

About the Third Siberian Psychological Forum (SPF) «A men and contemporaneity: inter-sciences researches»	105
From dissertation advices	106
Our authors	107
Rules of registration of materials in SPM	109

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ И ДРУЗЬЯ!

В настоящем выпуске «Сибирского психологического журнала» представлены три области психологии, уместившиеся в три рубрики журнала: «Общая психология и психология личности», «Клиническая (медицинская) психология» и «Социальная психология». Первые две рубрики заявлены достаточно основательно (по 8–9 статей), третья – значительно скромней. Такая структура материалов свидетельствует, на мой взгляд, не о сужении интереса психологов к другим областям, направлениям, проблемам психологической науки и практики, а скорее об акцентах, которые, как известно, могут мигрировать. В то же время вызывает сожаление, что не представлены в данном выпуске такие области психологической науки и практики, как психология развития (возрастная психология), психология образования (педагогическая психология) и др. Очень надеюсь, что этот пробел будет устраняться уже со следующего выпуска нашего журнала.

В конце сентября этого года планируется проведение Третьего Сибирского психологического форума (см. об этом подробнее в разделе «Информация»), в котором, надеюсь, примут участие представители не только Сибири, но и Дальнего Востока, Урала, европейской части России, а также ближнего и дальнего зарубежья. Проведение Сибирского психологического форума каждые два года становится уже хорошей традицией, интерес к нему, как и число участников, неуклонно растет. Несомненна заслуга в этом томской психологической школы и факультета психологии ТГУ.

Особенностями планируемого форума является то, что, во-первых, он будет носить междисциплинарный характер – в его работе примут участие психологи, философы, медики, педагоги, во-вторых, заявлена довольно широкая и актуальная сегодня тема, базирующаяся на антропологической позиции: «Человек в современном мире: междисциплинарные исследования». Под этой «шапкой» предлагается организовать три достаточно автономные конференции, открывать и закрывать которые будут общие мероприятия – видеоконференция и общий итоговый круглый стол.

К началу форума планируется специальный выпуск «Сибирского психологического журнала», материалы форума будут печататься также в последующих его выпусках.

Приглашаем к участию в Третьем Сибирском психологическом форуме и к сотрудничеству с нашим журналом профессиональных психологов и всех, кто интересуется вопросами психологической науки и практики.

В завершение хотелось бы пожелать всем читателям нашего журнала крепкого здоровья и творческих успехов.

Главный редактор

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9

ИЗУЧЕНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В.Н. Петрова (Томск)

Аннотация. Рассматриваются основные теоретические подходы к изучению образа возможного будущего, особенности формирования жизненных планов. Обсуждаются проблемы выработки современных методологических подходов к изучению данного феномена.

Ключевые слова: образ возможного будущего; жизненные планы; методологические проблемы исследования образа будущего.

Современная психология все более осознает необходимость признания реальностей, имеющих внепространственную и вневременную природу, а также целеполагающего начала в природе для объяснения феноменов свободы действия, жизненных поступков, самореализации.

Интерес к феномену образа будущего является ровесником самой психологии. В современной литературе предпринимаются попытки изучения процессов формирования образа возможного будущего с позиций различных подходов: феноменологического, психоаналитического, генетического, социокультурного, когнитивного и др. Каждый из подходов предлагает свои теоретические постулаты и методические процедуры, но ни один из них не дает возможности построения теории, адекватно отражающей богатство феноменологии образа будущего с учетом его специфики и сложности.

Выдвижение данной проблемы на передний план вызвано рядом причин: во-первых, внутренней логикой развития самой психологической теории; во-вторых, происходящим бурным ростом сферы практической психологической работы с личностью; в-третьих, как следствие, возникновением задачи осмысления подобной практики и отработки необходимых для ее успешной реализации теоретических и методологических средств.

Идея человека как автора самого себя имеет глубокие корни в философии и психологии. Еще в Древней Греции были введены понятия «макрокосм» для обозначения Вселенной и «микрокосм» для обозначения Человека, для выражения идеи аналогии человека и мира, отражения универсума в человека, сходства законов их существования – развития. Так, Сократ указывал на зависимость судьбы человека от активности и продуктивности его работы над собой [15, 16].

Самоценность каждой личности утверждалась в трудах И. Канта, который провозгласил ее приоритетность перед любым сообществом, невозможность принесения ее в жертву обществу ни при каких условиях. Сам человек и его история, согласно философии Ф. Гегеля, есть результат собственной деятельности на основе работы самосознания, которое он даже гипертрофировал, сводя

к нему всю сущность человека. Ф. Гегель высказал догадку о волевой самопроизводности человека в его преобразующей мир деятельности, о диалектической связи его внутреннего самоизменения с совершенствованием своей предметной деятельности. Право человека на авторство в самосозидании подчеркивал Ф. Ницше, который также провозгласил самоценность человека [21].

Н.А. Бердяев говорил о том, что человек не может быть самодостаточен, он есть существо, преодолевающее свою ограниченность, и его стоит рассматривать с позиции «философии ценностей» [6].

Развивая эту мысль, М. Мид утверждает, что не внешние цели порождают стимулы для поступков, их источник и сила находятся в жизненной энергии внутреннего духовного мира человека [30].

Современная экзистенциальная традиция утверждает телеономичность человека, устремленность в будущее как предпосылку, заданную от рождения интенцию.

Отсюда напрашивается вывод о том, что при изучении человека как открытой самоорганизующейся и саморазвивающейся системы одним из интересных направлений может стать и является рассмотрение его через системное психологическое осмысление особенностей построения образа возможного будущего как детерминанты совершения жизненных поступков в контексте человеческой жизни.

Однако до сих пор понятие образа будущего не вошло в основной тезаурус психологии, если не считать отдельных научных школ. Вместе с тем неуклонно растет интерес к нему и частота использования этого понятия в самых разных контекстах, в рамках самых разных теоретических и методологических подходов.

Образ будущего представляет собой модель, которая, будучи построена на основании субъективного опыта, в дальнейшем сама опосредует восприятие этого опыта (А.Н. Леонтьев). Аналогичной точки зрения придерживается Дж. Брунер с его представлением сознания в виде процесса верификации гипотез. Такой подход, на наш взгляд, позволяет преодолеть стимульно-реактивную схему человеческого поведения [17, 18].

На наш взгляд, именно через построение образа будущего, целеполагание, постановку различных задач и целей человек получает возможность не только творить мир, но и отыскивать смысл своего существования, воплощать его в жизни в процессе реализации сущностных сил.

Современные философы дают следующее определение категории «образ будущего»: это субъективное эмоционально-когнитивное образование, являющееся носителем индивидуального видения (в широком смысле) реальности, а следовательно, и взаимодействующее с ней. Таким образом, данная структура представляет собой нечто, опосредующее весь комплекс отношений субъекта с окружающим миром, вернее, с актуально значимой его частью.

Советская психология в качестве базисной признавала теорию отражения, которая постулировала: в любом психическом акте человек воспроизводит мир в образе. В целом в отечественной психологии традиционно в первую очередь интересовались не закономерностями формирования образа будущего и принципов его системной организации, а субъективными смыслами образа будущего и закономерностями его построения и функционирования в контексте деятельности субъекта.

К.Г. Юнг понимал процесс построения образа будущего как момент интуиции, «восприятие заключенных в ситуации возможностей». С точки зрения Ж. Пиаже, освоение отношений между реально существующим и потенциально возможным является самым важным свойством формально-операционального мышления. В этих же категориях происходит осмысление связанных с построением образа будущего проблем и на философском уровне. Так, О. Шпранглер, формулируя концепцию историчности, подчеркивает, что если душу назвать возможным, а мир действительным, то жизнь предстает гештальтом, в котором происходит осуществление возможного. К. Ясперс считал, что будущее не может быть исследовано, оно скрыто в прошлом и настоящем, мы видим и переосмысливаем его в реальных возможностях. При этом видение настоящего в такой же степени зависит от прошлого, как и от прогнозирования будущего [37, 38].

Рассматривая проблему образа будущего с точки зрения современной науки, следует говорить о двух главных подходах к анализу этого феномена – познавательном и экзистенциальном.

В психологии познания образ будущего связан со способностью к прогнозированию, и наиболее важными являются два аспекта проблемы. Во-первых, при исследовании образа будущего как психического процесса необходимо определить его соотношение с познанием, мышлением и знанием. В этом плане самое существенное для психологического анализа процесса построения образа будущего – установить, как организованы знания субъекта и мыслительные действия, порождающие данный феномен. Во-вторых, нужно выявить

структуру личностных отношений субъекта, влияющих на формирование образа будущего как компонента функционального механизма социального мышления.

Различные познавательные подходы к изучению образа будущего (семантический, лингвистический, коммуникативный и др.) внесли существенный вклад в раскрытие психологических механизмов этого феномена. Современные психологи немало знают об основных условиях возникновения, различных формах, в которых он (образ будущего) проявляется, свойствах личности, детерминирующих его специфику, и т.п. Однако сегодня любому вдумчивому исследователю уже ясно, что проблеме образа будущего следует рассматривать не только как познавательную, но гораздо шире – как способ бытия человека в мире и понимания им этого мира. Такая методологическая концепция приобрела устойчивые очертания к концу XX в. В ее основание были положены размышления крупнейших мыслителей прошлого столетия – философов, психологов, социологов и др. В психологии эта позиция связана, прежде всего, с развитием экзистенциального подхода и формированием психологии человеческого бытия как относительно самостоятельной области психологической науки [34].

Идеи индивидуализации образа будущего, индивидуальной истории и биографии личности были выдвинуты еще Ш. Бюлер, которая была сторонницей принципа типизации и даже стандартизации возможного будущего, теории жизни, универсальной для всех людей (с теми или иными вариациями). Однако в ходе исследований жизненного пути Ш. Бюлер смогла структурировать только социологические (образование, профессия, карьера) и онтогенетические (детство, юность зрелость и т.д.) характеристики. Наложение же онтогенетической матрицы на социологическую приводит к малопродуктивным утверждениям, что один проходит определенный социальный этап в более раннем, другой – в более позднем возрасте. Не удалось раскрыть то, каковы личностные различия в способах формирования образов социальных структур, событий и т.д. [22].

Мы считаем, что это обусловлено тем, что связь между составляющими этой системы носит семантический характер, т.е. представляет конкретную систему значений и смыслов (в силу их соотносительности). Эти значения более ситуативны или более устойчивы в зависимости от кратковременного или постоянного характера деятельности. Таким образом, образ будущего – это функционально-динамическое качество личности, которое интегрирует и регулирует в динамике, в функционировании всю личностную структуру.

J.R. Nuttin рассматривает временную перспективу как иерархию целей личности. По мнению автора, это есть последовательность событий с определенными интервалами между ними, отраженная в восприятии, в сознании человека в некоторый конкретный момент времени. При этом временная перспектива, в отличие от про-

странственной, может быть представлена только ментально, в сознании человека. «Виртуальное» присутствие во внутреннем плане разноудаленных во времени объектов – целей создает временную перспективу, которая выступает, таким образом, как функция составляющих ее мотивационных объектов, которые определяют ее глубину, структуру, степень реальности, содержательные характеристики и т.п. [42].

Создатель эмоционально-когнитивной теории мысли и действия А. Bandura, разрабатывая проблему эффективности жизни и деятельности личности, выделяет в структуре самоэффективности ряд способностей, опирающихся на саморефлексивные процессы. Таковы способности присваивать себе, считать исходящими от себя успешные действия, формировать убеждения в собственной эффективности, удерживать позитивную самооценку. Интеграл этих способностей – «позитивную самоэффективную мысль» – он считает необходимым условием продуктивной активности человека на протяжении всей жизни. Личностей, высоко развивших у себя качества самоэффективности, А. Bandura называет продюсерами или режиссерами-постановщиками. Если люди, не доверяющие себе, присваивающие главным образом неудачи и промахи, могут лишь предвидеть свое будущее, то верящие в себя субъекты преимущественно создают свое будущее [39].

С точки зрения А. Маслоу, зрелая личность должна обладать спонтанностью, способностью к экспрессии, незапланированности, произвольности, доверию, непредсказуемости, творчеству и т.д. Соответственно жизненные цели и образ будущего должны включать в себя элементы неопределенности, а сама личность должна быть готова действовать в условиях неизвестности [25].

Современные исследования показывают, что образ будущего является сложным феноменом, имеющим собственную структуру и динамику развития.

К.А. Абульханова предлагает различать психологическую, личностную и жизненную перспективу как три различных понятия [1]. Л.И. Анциферова производит описание возможного будущего на основе имеющегося жизненного опыта и выделяет следующие его структурные составляющие: индивидуальная модель мира; мировоззрение личности; жизненная позиция, которая фиксирует процессы самоопределения личности; образ жизни, являющийся формой хранения в социальном опыте личности ее стиля самоорганизации жизни. При этом опыт может быть ригиден, но он всегда уникален, представляет интеграцию жизненного пути субъекта [3].

Опираясь на идеи П. Герстмана, М.Р. Гинзбург предложил разделять временное будущее и смысловое будущее. Исследования временной перспективы имеют принципиальные ограничения, связанные с тем, что в них психологическое будущее мыслится линейно, накладывается на хронологическое время. Смысловое же будущее (ценности) ортогонально временной оси, не зависимо от нее [11–13].

Я.Б. Частокленко считает, что процесс создания нового (в том числе постановка новых жизненных целей, формирование образа будущего) происходит в форме встречи с неизвестностью, которая включает в себя:

1. Столкновение, которое субъективно оценивается как препятствие и приводит к внутреннему конфликту. В результате происходит либо отторжение – бегство, либо преодоление возникших негативных явлений.

2. Собственно встречу человека и неизвестности, при которой образуется уникальная целостность, взаимное принятие их, «врастание» друг в друга, что дает начало порождению новой сущности.

При этом процесс формирования образа будущего можно условно разделить на два этапа: первичный образ будущего – вдохновенный, включающий только общие черты, наполненный большой эмоциональностью; вторичный образ будущего – детализированный и имеющий конкретную предметную форму [36].

Таким образом, мы можем отметить несомненную запутанность и противоречивость подходов к описанию возможной структуры образа будущего. Это еще раз подчеркивает сложность рассматриваемой проблемы и отсутствие в настоящем возможности ее простого решения.

Формирование образа будущего проявляется в постоянном разрешении противоречия между той сложной живой системой, которую представляет человек, и социальными, техническими и прочими системами. Задачей личности становится в самом широком смысле приведение в соответствие (конечно, в относительных пределах) своих возможностей и ограничений с условиями внешнего мира.

Образ будущего связан с комплексным пространством функционирования человека, складывающимся из природных, психических, личностных условий его функционирования, с одной стороны, социальных условий (во всей конкретности этого понятия) – с другой, и способов организации жизнедеятельности – с третьей.

Исходя из понимания образа будущего не как идеала, а как постоянного движения к нему, можно сказать, что нас, прежде всего, занимает соотношение реальности и идеала, реальных и оптимальных моделей. В отличие от теории управления, которая нормативно приписывает всем системам – техническим, институциональным, человеческим – более оптимальные способы организации, психология образа будущего ставит целью лишь содействие личности в поиске более оптимального способа организации собственной жизни. В этом смысле она не нормативная, а гуманитарная, целостная, гуманистическая, содействующая.

Рассматривая образ будущего в динамическом контексте и изучая закономерности его формирования, мы не можем обойти вопросы соотношения процессов построения образа будущего и общей активности личности.

В психологической литературе длительное время велись дискуссии о том, как следует понимать активность –

как нормативное или сверхнормативное образование, как общественную направленность или способ удовлетворения потребностей и т.д. Однако при этом практически не учитывались такие личностные характеристики активности, как образ потребного будущего, смыслы, удовлетворенность существующей ситуацией [31].

«Ядром» процесса постоянного изменения является столкновение с неизвестностью, с неопределенной ситуацией. D. Sarr выделяет четыре стадии реакции на неизвестность, которые реализуются в любом творческом процессе, в том числе, на наш взгляд, и при построении образа возможного будущего:

1. Отказ (отрицание).
2. Рационализация (имитация достижения результата через репродуктивные варианты действия).
3. Принятие стагнации (признание собственной не состоятельности).
4. Новый рост [43].

Сегодня, основываясь на достижениях естествознания, считают одинаково верными, точнее – взаимодополняющими, формулы «бытие определяет сознание» и «сознание определяет бытие». Принимается как данность утверждение о том, что «человек – демиург, творец своего настоящего и будущего, вынужденный считаться с законами окружающего мира, использовать эти законы для достижения поставленных целей [35. С. 9]. В связи с этим происходит переосмысление и дальнейшее развитие представлений о сущности человека, о разрывании им полноты своей человеческой сути как его функции, о значении этого процесса обновления «мира человека» – и его души и очеловечивания окружающей реальности, о своеобразной сложной природе человека, его самопреобразовании как источнике возвышения его субъектности [14].

Однако рассмотрение данной проблематики в таком контексте порождает и ряд проблем, которые носят, прежде всего, методологический характер. Рамки классической психологии чаще всего не позволяют глубоко и детально изучить рассматриваемые нами феномены.

Как отмечает видный российский методолог Б.Г. Юдин, «научное познание некоторого объекта – это, по сути дела, его теоретическое воспроизведение, в свою очередь, теоретическое воспроизведение можно истолковать как объяснение, осуществляемое специфическими средствами и опирающееся на специфическую систему оснований» [9].

В настоящее время в психологии во многом меняются представления о природе человека, его сущности и вместе с этим меняются представления о характере его взаимодействий с миром. Это происходит через трансформацию методологических основ психологии, эволюционные изменения устоявшихся методологических подходов, введение новых понятий и конструктов, обрамленных в контуры новых концепций и теоретических моделей. Активизировалась работа по методологи-

ческому осмыслению основания психологии и построению нового ее образа, что в российской психологии выразилось в первую очередь в возрождении принадлежащей Л.С. Выготскому идеи «неклассической психологии», получившей в последние годы содержательное наполнение в работах А.Г. Асмолова и Л.Я. Дорфмана, а также в идеях «органической психологии» (В.П. Зинченко) и «постмодернистской психологии» (J. Shotter, K. Gerden) [10, 20, 26, 27, 32].

Предлагаемые новые подходы в рассмотрении описываемых нами проблем выдвигают в качестве ведущего метода исследования качественный метод. В качественных исследованиях на первый план выходит субъективный смысл рассматриваемых феноменов, взгляд на них с точки зрения испытуемого (наблюдаемого, респондента и т.д.).

Субъектная ориентированность данного подхода заставляет по-новому охарактеризовать принятые нормы объективности. В качестве основного критерия объективности вводится понятие «подтверждаемость» (conformability). Поскольку качественное исследование отличается уникальностью, индивидуальностью исследовательского взгляда, данный параметр оценивает, в какой степени полученные результаты могут быть подтверждены другими исследователями. При этом выдвигается требование постоянно меняющегося контекста исследования.

В результате под валидностью качественных методов понимается то, насколько участники исследования оценивают его результаты как заслуживающие доверия и правдоподобные (ибо целью являются описание и понимание феномена глазами участников), и они являются единственными, кто может оценить его достоверность. Надежность же, традиционно характеризующая постоянство и повторяемость результатов, неприменима к качественным исследованиям, где инструментами измерений служат в основном наблюдения и интервью: измеряя второй раз, мы всегда измеряем новый объект. В качестве некоторого критерия надежности R. Chenail предлагает точное и подробное документирование всей процедуры исследования, чтобы логика решения на любом уровне абстрагирования оставалась прозрачной [40, 41].

С целью увеличения объективности результатов рекомендуется также применение нескольких различных типов данных или методов их сбора, когда каждый из них раскрывает некоторый аспект эмпирической реальности, а также привлечение нескольких исследователей для изучения одной проблемы [19, 23].

Применение предлагаемых нами принципов позволяет осуществить осмысление имеющегося эмпирического материала, не упрощающего видения «личностного бытия и не вырывающего личность из жизненного контекста» [24], результатом же может и должно стать выделение адекватных категорий анализа и создание концептуальной модели изучаемых феноменов.

Все вышесказанное позволяет нам говорить о том, что в настоящее время созданы методологические предпосылки, позволяющие оптимистически оценить возможную перспективу конструктивного взгляда в решении обрисованной нами сложнейшей проблемы влия-

ния процессов формирования образа возможного будущего на совершение личностью жизненных поступков, приводящих к ее саморазвитию и самореализации в рамках рассмотрения человека как открытой самоорганизующейся системы.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Психология личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 299 с.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. М.: Наука, 2000. 350 с.
3. Анциферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуации и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 3–19.
4. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. 480 с.
5. Бахтин М.М. Человек в мире слова. М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. 140 с.
6. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Флинта, 1999. 310 с.
7. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движения и физиологии активности. М., 1947.
8. Братусь Б.С. Психология личности // Психология личности: Хрестоматия: В 2 т. Самара, 1999. Т. 2. С. 385–456.
9. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. Москва; Воронеж: МОДЭК, 1996. 380 с.
10. Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов н/Д, 1998. 320 с.
11. Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. 1988. № 2.
12. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988. 144 с.
13. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. 208 с.
14. Джидарьян И.А. Категория активности и ее место в системе психологического знания // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988. С. 56–88.
15. Кассирер Э. Избранное: Опыт о человеке. М., 1998. 700 с.
16. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984. 335 с.
17. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000. 368 с.
18. Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия. М.: Изд-во МГУ, 1994. 267 с.
19. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Изд-во МГУ, 1999. 533 с.
20. Личность: внутренний мир и самореализация: Идеи, концепции, взгляды / Сост. Ю.Н. Кулюткин, Г.С. Сухобовская. СПб., 1998. 175 с.
21. Личность: теории, эксперименты, упражнения. СПб., 2001. 864 с.
22. Логинова Н.А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы: Казак университети, 2001. 172 с.
23. Ломов В.Ф. Системность в психологии. Москва; Воронеж, 1996. 383 с.
24. Макушинский А. Современный «образ мира: действительность» // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 119–137.
25. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл.-бук.; Ваклор, 1997. 300 с.
26. Мясищев В.Н. Психология отношений. Москва; Воронеж, 1995. 357 с.
27. Огнев А.С. Теоретические основы психологии субъектогенеза. Воронеж: Изд-во ВФ РАГС, 1997. 121 с.
28. Оруджев З.М. Философия прошлого (или понятие прошлого не в обыденном смысле) // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 2002. № 3. С. 23–26.
29. Пастернак Н.А. Внутренний план действия как показатель общего развития личности // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 82–90.
30. Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский. М.: Академический проект, 2000. 320 с.
31. Роджерс К.Р. Консультирование и психотерапия: Новейшие подходы в области практической работы / Пер. с англ. О. Кондрашевой, Р. Курчаковой. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 464 с.
32. Рубинштейн Л.С. Человек и мир. М.: Наука, 1997. 189 с.
33. Соловьев О.В. Моделирование будущего, или Человек и его сознание в структуре субъективной реальности. Луганск: Изд-во Восточноукраинского гос. ун-та, 1997. 324 с.
34. Сохань Л.В., Кириллова М.В. Жизненная программа личности как способ сознательной организации ее жизнедеятельности // Стиль жизни личности: Теоретические и методологические проблемы. Киев, 1982. С. 228–255.
35. Украинцев В.Н. Жизненные перспективы личности // Жизненный путь личности. Киев, 1987. С. 217–225.
36. Частокотенко Я.Б. Динамические особенности первичного творчества. Томск: Том. политехн. ун-т, 2005. 266 с.
37. Юнг К.Г. Человек и его символы. М., 1997. 368 с.
38. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
39. Bandura A. Social Foundations of Thought and Action: A Social-Cognitive Theory. New Jersey, 1986.
40. Fraisse. Psychologie du temps. Paris: Pres. Univ. France, 1957. 326 p.
41. Neugarten Bh., Hagestad G.O. Age and the life course // Handbook of aging and the social sciences / Ed. by R.H. Binstock, E. Schanas. N.Y.: Litten Edu. publ., 1976. P. 35–55.
42. Nuttin J.R. The future time perspective and motivation and learning. Lauven: Lauven University press; Hilisdale (N.Y.): Lawrence Erlbaum Associates, 1985. 235 p.
43. Sapp D. The point of creative frustration and creative process: a new look at old model // Journal of creative behavior. 1992. № 26(1). P. 21–28.

THE FUTURE MODEL'S STUDYING: THE METHODOLOGICAL PROBLEMS AND THE WAYS OF THEM SOLUTION
Petrova V.N. (Tomsk)

Summary. In the article there are considered the main theoretical points of view to future model's studying, the life plans forming specific. Are discusses the problems of modern methodological points of view creates in this sphere.

Key words: the future model; life plans; the methodological problems in the future model research.

ОТНОШЕНИЕ КО ВРЕМЕНИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Р.В. Кадыров, Н.А. Кравцова (Владивосток)

Аннотация. Рассматриваются значение времени, суждения о времени и их связь с личностными особенностями у офицеров, принимавших участие в боевых действиях.

Ключевые слова: время; суждение о времени; характеристики суждения о времени; личностные особенности.

Развитие личностных особенностей профессиональных военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях, осуществляется во времени и с «временным» содержанием его жизни. При этом предметом, материалом, формирующим их личностные особенности, выступают не только психологические содержания, «привязанные» к актуальному (настоящему) моменту, но и к прошлому, и к грядущему.

Время является одной из важнейших составляющих жизни, оно связывает все структуры реальности, пронизывает все сферы жизнедеятельности человека. Необходимость психологического изучения представления о времени и отношения к нему обуславливается тем, что все процессы – и внешние по отношению к человеку, и внутренние (психические) – разворачиваются и происходят во времени. Время неотделимо от субъекта; время является связующим звеном в образе мира субъекта и одновременно составляющей образа мира.

Проблема восприятия времени, отношения человека ко времени, организации им своего времени давно разрабатывается в психологических исследованиях. Данную проблематику изучают в рамках концепции жизненного пути личности [2, 10, 11] и организации времени жизни [1, 7], концепции временной транспективы личности [3, 8, 15] и психологического времени личности [5, 6].

Профессиональная деятельность офицера морской пехоты является составляющей его жизнедеятельности, в которой все характеристики времени особенно значимы. В бою действия офицера должны отвечать временным требованиям, предъявляемым условиями экстремальной ситуации. Состояние трудоспособности предполагает умение решать временные задачи синхронизации и последовательного упорядочения, производить разбор уже сделанного и уметь планировать будущее. Увеличивающиеся временные требования к офицеру в экстремальной ситуации, обусловленные стресс-факторами, перегрузками, напряжением, вызванными ритмами и условиями современного боя, в значительной степени влияют на временное (темпоральное) изменение опыта личности профессионального военнослужащего, принимавшего участие в боевых действиях.

Фундаментальное влияние опыта участия в боевых действиях на жизнь воевавшего человека ярко и убедительно

показал психоанализ [16, 17]. Но это не значит, что судьба человека фатально predetermined его прошлым, личность военнослужащего не только функция опыта: и опыт, и судьба являются в определенной мере функциями личности военнослужащего. Военнослужащий, принимавший участие в боевых действиях, может изменять себя, опираясь на предшествующий опыт.

В новом всегда так или иначе сохраняется старое, выступающее одной из движущих сил развития нового. Последствие – результат и продолжение движения, след, который прошедшее оставляет в новом. Оно обнаруживается постоянно и у человека, начиная с памяти и психических состояний и кончая качествами и другими индивидуальными (личностными) особенностями, социальным поведением, в значительной степени являющимися следом пройденного жизненного пути.

В современной психологической литературе приводятся результаты исследований в рамках концепции организации времени жизни, в которых представление о времени связывается с включенностью в социальную динамику [1]. Исследования соотносительности отношения человека ко времени с его личностными особенностями отсутствуют, что и определило цель нашего исследования.

Суждение о времени является лингвистическим выражением значения времени для субъекта. В суждение о времени человек включает переживание, представление, восприятие времени и отношения к нему. Психологическое время личности не является точным понятием, обозначающим исследуемый предмет, так как оно есть представление о времени жизни, субъективное преломление времени объективного, переживание собственного бытия, и, таким образом, не исчерпывает отношение ко времени в целом.

Материал и методы. Выборка сформирована из 98 офицеров морской пехоты в возрасте от 25 до 35 лет (средний возраст 32 года), прошедших профессионально-психологический отбор для службы в Вооруженных силах РФ и участвовавших в боевых действиях в Чеченской Республике в 1995–1996 гг. По данным ежегодного медицинского осмотра на пригодность к службе в морской пехоте, все офицеры не страдали органическим поражением головного мозга, психотическими расстройствами, не имели в анамнезе тяжелых ранений,

физических травм. Все обследуемые служили в боевых подразделениях и постоянно принимали участие в боевых действиях (штурм зданий, отражение атаки в обороне и т.д.). Все участники проходили обследование в конце 1999 – начале 2001 г., т.е. спустя четыре года после участия в боевых действиях. С каждым испытуемым проводилась предварительная беседа, в ходе которой его ознакомили с условиями интервью. Все участники письменно подтвердили свое согласие на участие в нем. Суждение о времени изучалось при помощи проективной методики «Нарисуй время» и составленных нами в рамках исследования личностных особенностей профессионалов, принимавших участие в боевых действиях, анкеты и нестандартизованного направленного интервью.

Методика «Нарисуй время» позволяет в символической (знаковой форме) представить актуальную для испытуемых идею времени, а также их отношение со временем [9]. Неопределенность стимуляции, отсутствие ограничений в выборе ответов, отсутствие оценки ответов – все эти особенности, характерные для проективных методик, позволяют выявлять осознаваемое и неосознаваемое в символическом содержании сознания респондента. Критериями интерпретации рисунков в нашем исследовании служили физические характеристики рисунка и его предметное содержание.

Анкета и нестандартизованное направленное интервью позволяют рассматривать индикаторы временной ориентации на прошлое, настоящее и будущее через вопрос: «С каким из следующих суждений Вы согласитесь?». Ответы: «Время, в котором мы сейчас живем, – это мое время»; «Мое время ушло»; «Мое время еще не пришло» и «Затрудняюсь ответить». Индикатор жизненных перемен рассматривается через вопросы об изменении отношения к жизни, об изменении во взаимоотношениях с окружающими и мнении о самом себе.

Для исследования личностных особенностей использовались стандартизованный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ) [14], метод диагностики межличностных отношений (ДМО) [12], метод цветовых выборов (МЦВ) [13].

Результаты исследования и их обсуждение

По проективной методике «Нарисуй время» 98 рисунков были распределены в соответствии с выделенными критериями на следующие группы.

По критерию «предметное содержание рисунков»: «Время – это настоящее, прошлое и будущее» – временная перспектива респондентов обозначена через события (рисунки), отражающие настоящее, прошлое, будущее, – 46 рисунков; «Время – движение» – временная перспектива обозначена через идею развития, изменения, движения – 32 рисунка; «Время не существует» – временная перспектива не обозначена – 7 рисунков; «Время – это жизнь» – временная перспектива

обозначена актуальностью настоящей жизни – 13 рисунков.

Типы суждения: «Время – это настоящее, прошлое и будущее». Время представляется как величина конечная, поскольку существуют начальная и финальная точки отсчета. В рисунках данный тип суждения был выражен различными единицами измерения: в виде прямой с надписью настоящее, прошлое и будущее; график с обозначением событий настоящего, прошлого и будущего; рисунки периодов человеческой жизни: рождение человека, его жизнь и старость. Независимо от единицы измерения время представляется линейным, его течение необратимо – от прошлого к настоящему и будущему.

В рассказах, характеризующихся данным типом суждения о времени, подчеркиваются ценность времени, его исторический аспект. Отношение ко времени эмоционально амбивалентно, т.е. включает в себя и положительные, и отрицательные эмоции (в рисунках: обозначение колокола, который своим боем напоминает памятные даты; на графиках и прямых обозначение кружками или цветными крестиками памятных дат жизни). Человек активен во времени, но тем не менее не властен над ним. Среди ассоциаций наибольшую частоту имеют обозначающие промежутки времени – насечки на временной трансспективе (воспоминания о погибших, счастливые моменты жизни до участия в боевых действиях, на войне и после нее).

«Время – движение». В рисунках данного типа суждения встречаются нарисованная сверху вниз стрела; часы с таймером; часы с надписью «пора спешить» или «время – это движение»; летящий самолет, река с изображением течения. Для этого типа суждения характерно упоминание быстроты или медленности движения времени, субъективности его восприятия человеком. Со словом «время» у респондентов ассоциируются слова, обозначающие какой-либо вид движения, например «течение», «бег», «полет». Они отмечают в своих рассказах о времени обязательный элемент изменчивости, выраженный в терминах движения: рост, развитие, упадок, переход и т.п. Также подчеркивается важность правильной организации времени и своевременности наступления событий.

«Время не существует». К рисункам этого типа суждений относятся, прежде всего, изображения Вселенной, космоса, планет, звезд, комет. Респонденты во времени не видят ничего, кроме абстрактного феномена, не имеющего к особенностям их жизни никакого отношения. Так они говорят в своих рассказах о времени. Со временем связываются мысли о смерти, о конечности всего существующего, о власти времени над вещами, и в конечном итоге преобладают отрицательные эмоции по отношению ко времени. То есть наблюдается отождествление времени со смертью, которая является для них травмирующим фактором.

Основными моментами, характеризующими суждения «Время – это жизнь», являются деятельная актив-

ная сторона жизни субъекта, декларация необходимости правильной организации времени жизни, сетование на нехватку времени, быстроту течения времени, ощущение ценности времени. В ассоциациях также много понятий, связанных с деятельностью, активностью человека: «служба», «самообразование», «отдых». Таким образом, данный тип суждения отличается сосредоточенностью на времени жизни и желанием успеть в ней как можно больше, «здесь и сейчас».

Рисунки изображают самого человека; символы профессиональной деятельности (человек в форме, военная техника в движении, бегущие по дороге военнослужащие с оружием – «марш-бросок») и сферы отдыха (человек на рыбалке; человек с трубкой в кресле-качалке, возле телевизора; человек идет учиться).

Рассматривая физические характеристики рисунка, можно выделить позитивное отношение (переживание) ко времени (отражено в 91 рисунке) и негативное отношение (переживание) (отражено в 7 рисунках).

Качественный анализ рисунков выявил, с одной стороны, наличие временной перспективы, но, с другой – ее суженность – ограничение временной перспективы событиями ближайшего будущего (прошлого) у 13% респондентов, при этом у 7% респондентов в рисунке отражено негативное отношение ко времени. Такие результаты могут отражать особенности адаптации профессиональных военнослужащих к условиям военной службы после участия в боевых действиях.

Наиболее многочисленную группу с учетом личностных особенностей офицеров морской пехоты (результаты методик СМЛ, ДМО, МЦВ) в соответствии с выделенными временными типами суждений составляют военнослужащие (46 офицеров), для которых характерно суждение «Время – это прошлое, настоящее и будущее». В профиле СМЛ отмечается повышение 4, 6 и 9-й шкал Т 62–69 (импульсивность, ригидность и оптимизм), при этом 2-я и 0-я (пессимистичность и интроверсия) самые низкие в профиле. Показатели метода диагностики межличностных отношений по образу «Я-актуальный» обнаружили наиболее высокие баллы по I октанту (М 9), соответствующему «властно-лидирующему» стилю интерперсонального поведения. При этом в образе «Я-идеальный» по методу ДМО обнаружены высокие баллы по VII (М 10) и VIII (М 10) октантам, соответствующим «сотрудничающему конвенциональному» и «ответственно-великодушному» стилю интерперсонального поведения. По данным метода цветочных выборов, в этой группе было выявлено предпочтение ярких цветовых эталонов, а вероятность появления на значимой позиции красного и зеленого цветов была наиболее выраженной, что соответствует (согласно структурному значению каждого из цветовых эталонов) признакам стеничности, активности, общительности.

В следующей большой группе военнослужащих, для которой характерно суждение «Время – это движение»

(32 офицера), в профиле СМЛ отмечается повышение 4, 9 и 6-й шкал Т 62–69 (импульсивность, оптимизм, ригидность). Показатели метода диагностики межличностных отношений по образу «Я-актуальный» обнаружили наиболее высокие баллы по I октанту (М 9), соответствующему «властно-лидирующему» стилю интерперсонального поведения. При этом в образе «Я-идеальный» по методу ДМО обнаружены высокие баллы по VII (М 9) и VIII (М 10) октантам, соответствующим «сотрудничающему конвенциональному» и «ответственно-великодушному» стилю интерперсонального поведения.

По данным метода цветочных выборов, в этой группе было выявлено предпочтение ярких цветовых эталонов, а вероятность появления на значимой позиции красного и желтого цветов была наиболее выраженной, что соответствует признакам стеничности, активности, общительности.

В группу, для которой характерно суждение «Время – это жизнь», вошли 13 офицеров. По данным СМЛ, в этой группе повышены 4 (Т 70–74), 6, 9 и 7-я шкалы (Т 62–69), значима позиция красного цвета в цветовом ряду МЦВ и преобладают I и II октанты (М 10) ДМО («властно-лидирующий», «независимо соперничающий») в образе «Я-актуальный», VIII (М 10) и VII (М 9) октанты ДМО в образе «Я-идеальный». Военнослужащие данной группы умеренно оптимистичны, с выраженным чувством юмора, эффективны в деятельности и зрелы в межличностном общении за счет самоконтроля, направленность на межличностное общение сочетается с типично мужским стилем поведения в коллективе, живость ассоциаций, в некоторой степени также проявляется прагматический, системный тип мышления, склонность к построению прочной системы взглядов и принципов. Данной группе свойственны основательность подхода к жизни, установившиеся ценности, принятие норм общества, знание жизни и людей, и на этой основе строится общение с другими и осуществляется деятельность.

В группу военнослужащих, для которой характерно суждение «Времени не существует», вошли 7 офицеров. Они характеризуются повышенными 3, 1, 4 и 2-й шкалами (эмоциональная лабильность, невротический сверхконтроль, импульсивность, пессимистичность), низкой 0-й шкалой (интроверсия) в профиле СМЛ, значимой позицией синего и зеленого цветов в цветовом ряду МЦВ и преобладанием VIII октанта (М 9) ДМО («ответственно-великодушный») в образе «Я-актуальный» и I (М 9) октанта («властно-лидирующий») ДМО в образе «Я-идеальный». Военнослужащие данной группы характеризуются направленностью на межличностное общение, успешностью в межличностных отношениях за счет уступчивости, вербально-аналитическим когнитивным стилем (склонность к рефлексии, тенденция к обобщению), интуитивным целостным типом восприятия, впечатлительностью, склонностью к самоанализу, приверженностью традици-

ям, ведущей к отсутствию непосредственности в поведении и высказываниях, даже некоторой зажатости. Возникающие психологические проблемы пытаются рационализировать или вытеснить из сознания. Подсознательно отторгают информацию, травмирующую личность, несовместимую с образом «Я». Потребность в понимании, любви и поддержке является ведущей.

В исследовании 7 респондентов не могли отдать предпочтение какой-либо одной форме времени. Данный факт подтвержден результатами проективной методики «Нарисуй время», где 7 человек временную перспективу не обозначали – «Время не существует». Добавим сюда еще 2 опрошенных, ориентированных на прошлое. 9 респондентов не связывают себя с настоящим и не видят каких-либо перспектив в будущем. Это можно объяснить словами самих респондентов: «Там было настоящее дело, где я был востребован как профессионал», «Там какие-то особенные отношения между людьми, здесь я таких не встречал», «Мне не хватает той дружбы и того взаимопонимания, которое было там».

При этом важно заметить, что остальные респонденты ориентированы на будущее (77,5%) и на настоящее

(13%). Несмотря на то, что большинство респондентов ориентировано на будущее, 91% исследуемых военнослужащих подразделяют свою жизнь на три этапа (выявлено в результате интервью): до войны, война, после войны.

Методики «Нарисуй время», свободное интервью и анкета позволили выделить две основные группы участников боевых действий: группа нормы ($n=89$) и группа повышенного психологического внимания (ППВ $n=9$). Критериями отнесения к группе «нормы» стали профессиональный рост, положительное отношение воина к своей профессиональной деятельности, суждение о времени: «Время – это настоящее, прошлое и будущее»; «Время – движение»; «Время – это жизнь».

При разделении выборки на группы результаты обследования распределились следующим образом: по методике СМЛ анализ значений шкал в группах «нормы» и ППВ по t-критерию Стьюдента выявил достоверные различия ($p<0,01$) по шести шкалам: невротический сверхконтроль, пессимистичность, эмоциональная лабильность, импульсивность, мужественность–женственность, оптимистичность (рис. 1).

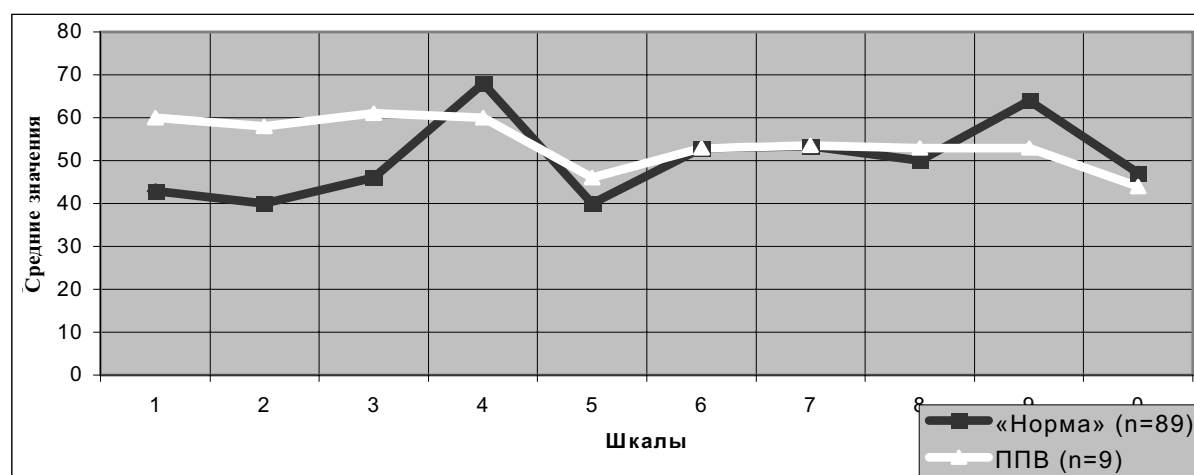

Рис. 1. Сравнительный анализ средних значений между группой «нормы» и группой ППВ по методике СМЛ

Полученные результаты свидетельствуют о том, что у офицеров группы ППВ отмечается повышение показателей по двум шкалам «смешанного» типа реагирования: невротический сверхконтроль, эмоциональная лабильность; по одной шкале «слабого» регистра – пессимистичность и по одной шкале сильного регистра – импульсивность. Респонденты группы ППВ впечатлительны, склонны к самоанализу, замкнуты, но умеют привлекать и заинтересовывать окружающих их людей.

На основе данных интерпретации выявлен усредненный психологический профиль офицеров группы ППВ, код профиля (по Хатэуэю): **3142-/0 4:8:14**.

По методике ДМО, как видно из данных табл. 1, в группе «нормы» на первых трех местах в образе «Я-актуальный» (по результатам ранжирования) находятся I,

II, III октанты ДМО, которые интерпретируются как властно-лидирующий, независимо-доминирующий и прямолинейно-агрессивный, в группе ППВ – ответственно-великодушный, сотрудничающий-конвенциональный, зависимо-послушный. Наименьший ранговый вес в этих группах имеет IV октант – недоверчиво-скептический. В образе «Я-идеальный» в двух группах «нормы» на первых трех местах расположены октанты ДМО: ответственно-великодушный, сотрудничающий-конвенциональный и властно-лидирующий, в группе ППВ это октанты: властно-лидирующий, независимо-доминирующий и прямолинейно-агрессивный. Наименьший ранговый вес в этих группах в образе «Я-идеальный», так же как и в образе «Я-актуальный», имеет IV октант – недоверчиво-скептический.

Таблица 1

Сравнительный анализ средних значений между группой «нормы» и группой ППВ по методике ДМО и их ранжирование

Октант	Экспериментальная группа (n=98)							
	Группа «нормы» (n = 89)				Группа ППВ (n = 9)			
	ЯА		ЯИ		ЯА		ЯИ	
	Сред. зн.	Р	Сред. зн.	Р	Сред. зн.	Р	Сред. зн.	Р
I	8,4	1	8,3*	3	7	4	9,7	1
II	8,2*	2	7,9	4	6,8	5	8,4	2
III	7,4*	3	7,1*	5	4,8	7	8,1	3
IV	4,7	8	4,6	8	4,5	8	3,8	8
V	5,1	7	4,8	7	6,2	6	4	7
VI	5,4**	6	5,8	6	7,5	3	6	6
VII	6,3	5	9,7*	2	8,1	2	6,7	5
VIII	6,5*	4	9,9*	1	9,4	1	7,6	4

Примечание. Р – ранг; * – уровень значимости $p \leq 0,01$; ** – уровень значимости $p \leq 0,05$.

По методике ДМО в группе «нормы» и ППВ по t-критерию Стьюдента выявлены достоверные различия ($p < 0,01$) по пяти октантам образа «Я-актуальный»: властно-лидирующий, независимо-соперничающий, прямолинейно-агрессивный, зависимо-попослушный, ответственно-великодушный и по четырем октантам образа «Я-идеальный» (ЯИ): властно-лидирующий, прямолинейно-агрессивный, сотрудничающий-конвенциональный, ответственно-великодушный. Полученный результат свидетельствует о том, что у офицеров группы ППВ, в отличие от группы «нормы», в образе «Я» значение всех октантов умеренно выражено с преобладанием зависимо-попослушного, сотрудничающего-конвенционального и ответственно-великодушного стиля межличностных отношений, а в образе «Я-идеальный» повышены октанты неконформного поведения (VII, VII, VIII): властно-лидирующий, независимо-доминирующий и прямолинейно-агрессивный.

Анализ динамики внутриличностной конгруэнтности респондентов в группе ППВ по методике ДМО указывает на умеренное расхождение между «Я-актуальным» и «Я-идеальным». Полученный результат свидетельствует о том, что у респондентов этой группы выявляется стремление быть уверенным в себе, занимать обособленную позицию в коллективе, контролировать свою нерешительность и уступчивость, есть тенденция на повышение своего социального статуса. По методике МЦВ в группе ППВ первые два места по результатам ранжирования занимают синий и зеленый цвета. Наименьший ранговый показатель имеет серый цвет. Статистический анализ по критерию Вилкоксона выявил достоверные различия в позициях выбора цвета ($p < 0,01$) между группой «нормы» и ППВ. Выбор цвета по средним значениям в группе ППВ по тесту МЦВ выглядит следующим образом – 12345670. Результаты исследования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ средних значений между группой «нормы» и группой ППВ по методике МЦВ и их ранжирование

Цвет	Экспериментальная группа (n=98)			
	Группа «нормы» (n=89)		Группа ППВ (n=9)	
	Сред. зн.	Р	Сред. зн.	Р
1. Синий	5,1*	4	7,7	1
2. Зеленый	5,8*	3	7	2
3. Красный	7,7*	1	5,1	3
4. Желтый	6,2*	2	4,7	4
5. Фиолетовый	3,6	5	4,4	5
6. Коричневый	2,5	6	3,4	6
7. Черный	2,3	8	1,1	7
0. Серый	2,4	7	2	8

Примечание. Р – ранг.

Выводы

1. На основании проведенного нами анализа рисунков и вербального определения значения времени для субъекта были выделены типы (темы) суждения о времени: «Время – это настоящее, прошлое и будущее» – 46 офицеров; «Время – движение» – 32 офицера; «Время не существует» – 7 офицеров; «Время – это жизнь» – 13 офицеров. То есть значительная часть респондентов

имеет определенную временную ориентацию; воспринимает прошлое, настоящее и будущее в их последовательности, непрерывности, взаимосвязи. Прошлое и будущее у них интегрированы в настоящее.

2. Выявлена возможность использования методики для быстрого попадания в «место проблемы» субъекта; решения не только диагностических, но и терапевтических задач: наглядно представить «конфликтные отношения со временем», определить на-

правления и перспективу дальнейшей психологической работы.

3. На основе данных исследования по методикам СМЛЛ, ДМО, МЦВ, «Нарисуй время», анкеты и интервью выявлены личностные особенности офицеров морской пехоты, принимавших участие в боевых действиях, которые проявляются в достижении успеха в профессиональной деятельности и базируются на внутренней убежденности в своей правоте, значимости выбранной профессии и наличии собственных взглядов на имеющиеся проблемы. Удовлетворение от самого процесса деятельности ценится офицерами выше тех целей, к которым эта деятельность ведет. Для них характерны активное отстаивание своей позиции, независимость в выборе принимаемого решения как в обычной, так и в сложной, экстремальной ситуации.

Некоторая переоценка собственных возможностей приводит к попыткам дать любой ситуации свое рациональное объяснение, причину неудач находить в обстоятельствах и неправильных действиях других людей, в том числе и руководства. Подобный стиль мышления обозначается как интуитивный, субъективно-эмоциональный с различными вариантами использования накопленного опыта в стрессовых ситуациях. В целом у офицеров морской пехоты эмоциональный фон характеризуется умеренно оптимистичным настроением с выраженным чувством юмора. В сложных экстремальных ситуациях их поведение определяется в большей мере рассудком, нежели чувствами. В стрессовой ситуации они проявляют активность и настойчивость в достижении цели, которая основывается на их интуиции, прошлом профессиональном опыте. Однако если ситуация, на их взгляд, воспринимается как обычная и не требует от них изобретательности в принятии решения, то они проявляют беспечность, тем самым обесценивая значение стрессогенных факторов профессиональной деятельности. Следствием этого являются понижение активности, отрицание трудности ситуации, шаблонность действий и в конечном итоге непрогнозируемый результат деятельности.

У большинства военнослужащих выявлены позитивные изменения, связанные с целеполаганием и изменением смысла жизни, выраженные в активности, жизнерадостности, увлеченности своей профессиональной деятельностью, — характерная особенность офицеров морской пехоты, принимавших участие в боевых действиях. Легко и с удовольствием расходуя свои силы и энергию на профессиональную деятельность, они склонны проявлять агрессивность, настойчивость и упрямство при взаимодействии с начальниками, если те, на их взгляд, недооценивают их деятельность или не понимают конечный результат, к которому они стремятся. Их самооценка может быть завышена, так как они считают себя профессионалами своего дела, полностью отдающими себя своей профессии. Они хорошо приспосабливаются к кратковременным и длительным стрессовым воздействиям. Обследуемые в экстремальной ситуации могут проявлять гиперактивность, со стремлением реализовать свои намерения, выполнить задачу. Обычно такие лица склонны к проявлению честолюбия, амбициозности и авторитарности во взаимодействии с окружающими. Следует отметить, что в обследованной группе эти тенденции осознаются и контролируются.

Таким образом, использование скрининговых методов оценки личностных особенностей позволило описать комплекс индивидуально-психологических характеристик профессионалов-военнослужащих и выявить индивидуальную стрессоустойчивость. Это отражается в высоких показателях трех шкал «сильного» регистра, выявляющего стеничные свойства личности в группе обследуемых. Устойчивость субъектов труда к действию профессионального стрессора связана с наличием в структуре личности однонаправленных тенденций, которые в экспериментальной группе акцентированы, но находятся под контролем, а также с интуитивно субъективно-эмоциональным стилем и прогностичностью мышления, что положительным образом может сказаться на процессах принятия решений в сложных (экстремальных) ситуациях.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.
3. Бороздина Л.В. Исследование уровня притязаний. М., 1985.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ переживания критических ситуаций). М., 1984.
5. Кроник А.А. Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 125–199.
6. Кроник А.А., Головаха Е.Н. Психологический возраст личности // Психологический журнал. 1983. № 5. С. 57–65.
7. Кублицкене Л.Ю. Организация времени личностью как показатель ее активности // Гуманистические проблемы психологической теории. М.: Наука, 1995. С. 185–192.
8. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001.
9. Практикум по инженерной психологии и эргономике: Учеб. пособие / С.К. Сергиенко, В.А. Бодров, Ю.Э. Писаренко и др.; Под ред. Ю.К. Стрелкова. М.: Академия, 2003. С. 273–285.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 2.
11. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
12. Собчик Л.Н. Метод диагностики межличностных отношений (адаптированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири): Методическое руководство. М.: ВНИИИМТ, 1990.
13. Собчик Л.Н. МЦФ – метод цветовых выборов. Модифицированный восьмицветовой тест Люшера: Практическое руководство. СПб.: Речь, 2001.

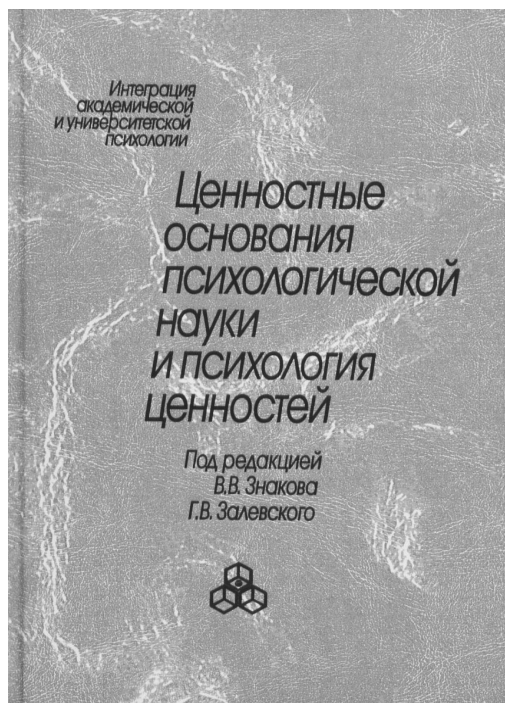
14. Собчик Л.Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМЛ. СПб.: Речь, 2000.
15. Спиридонова И.А. Временная транспекция как методический прием при исследовании разных форм патологии // Методы психологии. Ежегодник РПО. Ростов н/Д, 1997. Т. 3, вып. 2. С. 212–214.
16. Фрейд З. О психоанализе // Фрейд З. О клиническом психоанализе. М., 1991. С. 227–273.
17. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Фрейд З. «Я» и «Оно». Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 1. С. 193–350.

TIME RELATION OF THE PROFESSIONAL MILITARY MEN WHO WERE TAKING PART IN BATTLE OPERATIONS

Kadyrov R.V., Kravtsova N.A. (Vladivostok)

Summary. The time meaning features, the judgements about time and their connection with personal features of officers who were taking part in battle operations are considered in the article.

Key words: time; judgement about time; characteristics of judgement about time; personal features.

Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 344 с. (Интеграция академической и университетской психологии)

Коллективный труд посвящен методологическому, теоретическому и эмпирическому анализу ценностей, ценностных ориентаций личности, а также ценностных оснований психологической науки.

В работе осуществлен методологический анализ тенденций развития социогуманитарного познания, отчетливо проявляющихся в психологии. Развито положение о неизбежности включения вненаучных и общечеловеческих ценностей в основания психологической науки. Выявлены шесть уровней ценностных оснований психологии, играющих существенную роль в построении системы психологического знания. Обсуждены концептуальные вопросы формирования и развития психологического познания, ценностно-смысловых оснований творческого способа существования человека в профессии, сущности и механизмов ценности человеческого Я, ценностно-смысловых контекстов самореализации человека, роли ценностей и ценностных ориентаций в субъектно-деятельностном подходе. Авторы на теоретическом и эмпирическом уровне исследуют ценностную обусловленность типологических особенностей профессионального мышления психологов, ценностные ориентации руководителей с разными личностными характеристиками, различия в структуре ценностей, смыслов и личных особенностей жителей Сибири, взаимосвязи ценностей как составляющих ментальности россиян с установками на патернализм по отношению к политической власти.

Книга адресована психологам, социологам, философам, культурологам и ученым других специальностей.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ КАК ФАКТОР САМООРГАНИЗАЦИИ В КРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

И.А. Ральникова, Е.А. Ипполитова (Барнаул)

Аннотация. Предложен научный взгляд на проблему исследования трансформаций представлений о профессиональных перспективах студентов как отражение происходящих в кризисные периоды личностного и профессионального развития процессов самоорганизации человека. Представлены результаты эмпирического исследования, подтверждающие обоснованность выбранного ракурса рассмотрения данной проблематики.

Ключевые слова: профессиональные перспективы; кризис; самоорганизация; ценности; эмоциональная и когнитивная составляющие представлений о профессиональном будущем.

На современном кризисном этапе развития российского общества, когда степень неопределенности жизни высока, перспективы неопределенны, молодые люди, получающие высшее профессиональное образование, испытывают разнопорядковые трудности в определении путей планирования личной и профессиональной самореализации. Е.И. Головаха, Ж. Нюттен, Н.С. Пряжников подчеркивают важность планирования перспективы профессионального развития студентами в процессе обучения. Такое планирование дает возможность юношам и девушкам представить целостную картину профессионального будущего во взаимосвязи программируемых и ожидаемых событий, имеющую ценностно-мотивационное измерение, которое поддерживает выполнение задач деятельности в сфере карьеры [3, 9, 10]. Ж. Нюттен рассматривает мотивационное функционирование с точки зрения возможности объяснения поведения и деятельности человека в настоящем по достижению грядущих целей и включает группы мотивов, связанных с планированием человеком будущей карьеры, будущего общения с другими людьми и мотивы развития собственного «Я» [9]. В создании эскиза будущего, с точки зрения Б.С. Братуся, первостепенную роль выполняют ценностные ориентации личности. По его мнению, если в анализе человеческой деятельности ограничиться единицами мотивов как предметов потребностей, единицами целей как заранее предвиденных результатов, то будет непонятно, за счет чего человек способен преодолевать сложившиеся ситуации, что ведут его к будущему. Автор считает, что ценности личности как осознанные смыслы жизни задают как раз тот первоначальный эскиз, который должен предсуществовать реальному воплощению планов на будущее [2]. В работе Е.И. Головахи также отмечена особая роль ценностей в планировании будущего как осознанных личностных смыслов, определяющих главные и относительно постоянные отношения человека к основным сферам жизни, в том числе к карьере и профессиональной самореализации [3].

Анализ изложенных идей позволяет рассматривать ценности, мотивы и смыслы в качестве ведущих факторов, обуславливающих планирование будущего в про-

фессиональной сфере, стратегии движения от события к событию в актуальной деятельности, задающих ориентиры оценки событий с точки зрения их важности для профессиональной самореализации, определяющих аффективный характер отношения к сконструированному образу профессионального будущего, и др. Вышесказанное позволяет обратить внимание на необходимость определения и научного изучения интегративного образа профессионального будущего человека, в основе формирования которого лежат особенности его ценностно-мотивационного измерения.

Известно, что для совершения жизненного выбора необходимо обладать навыками моделирования картины профессиональной деятельности в будущем. Схема построения личной профессиональной перспективы, понимаемая как мысленный образ, была изначально предложена Е.А. Климовым. В дальнейшем Н.С. Пряжников существенно дополнил ее ценностно-смысловыми компонентами, такими как осознание ценности честного труда; осознание необходимости профессионального образования; общая ориентировка в социально-экономической ситуации в стране и прогнозирование ее изменения; знание мира профессионального труда; выделение дальней профессиональной цели и ее согласование с другими важными жизненными целями; выделение ближайших и ближних профессиональных целей (как этапов и путей к дальней цели); знание конкретных выбираемых целей: профессий, учебных заведений, мест работы (микроинформационная основа планирования); представление о своих возможностях и недостатках, которые могут оказать влияние на достижение поставленных целей; представление о путях преодоления своих недостатков и о путях оптимального использования своих возможностей; представление о внешних препятствиях на пути к целям; знание о путях преодоления внешних препятствий; наличие системы резервных вариантов выбора на случай неудачи по основному варианту; представление о смысле своего профессионального труда; начало практической реализации личной профессиональной перспективы [10].

Особенно остро встает вопрос осмысления характерных особенностей планирования профессионального бу-

душего человеком на поворотных кризисных этапах профессионального становления. Профессиональные кризисы личности являются предметом психологических исследований Э.Ф. Зеера, Е.А. Климова, Н.С. Пряжникова и др. Указанные кризисы большинство авторов рассматривают как непродолжительные (до года) периоды перехода от одной стадии профессионального развития личности к другой. В качестве содержания кризиса выделяется кардинальная перестройка человека как профессионала, необходимость изменения направления его дальнейшего профессионального развития. Э.Ф. Зеер, говоря о критической фазе, подготовленной отсутствием четкого осознания проблемных зон, нарастанием психологического дискомфорта, раздражительностью, описывает ее как период психической напряженности, конфликтности, неудовлетворенности; поиска вариантов изменения ситуации, проигрывания альтернатив дальнейшей профессиональной жизни. В данный период человеку свойственно переживать ряд конфликтов профессионального развития, таких как мотивационный (обусловленный потерей интереса к учебе, дезинтеграцией профессиональных ориентаций и установок), когнитивно-деятельностный (детерминированный неудовлетворенностью содержанием и способами осуществления учебно-профессиональной и профессиональной деятельности), поведенческий (связанный с противоречиями в межличностных отношениях в первичном коллективе, неудовлетворенностью своим социально-профессиональным статусом, положением в группе и др.). В посткритическом периоде человек находит способы разрешения кризиса, которые могут иметь разный характер: конструктивный, деструктивный, профессионально-нейтральный. Результатом успешного разрешения профессионального кризиса является коррекция профессиональных перспектив личности [4].

Опираясь на представленный материал, можно отметить тот факт, что системная трансформация профессионального развития личности, проявляющаяся в кульминационной точке кризиса в виде мотивационных, когнитивных, поведенческих конфликтов, предполагает реконструкцию ценностной, мотивационной, эмоциональной, когнитивной, поведенческой составляющих представлений о профессиональных перспективах. Используя язык постнеклассики, в данном контексте уместно говорить о процессе самоорганизации человека как открытой системы в ситуации переживания профессионального кризиса. Современные научные взгляды отражают понимание «ситуации» как «моего мира», а не мира вообще. Так, В.А. Барабанщиков пишет: «Осуществляя психический процесс, субъект конституирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему... Ситуация является источником содержания внутреннего мира человека и одновременно полем его отношений и активности» [1. С. 10]. Данную мысль также обсуждает в своих трудах В.Е. Ключко, замечая, что ситуация отличается от остальной объективной реальности тем, что имеет ценно-

стно-смысловое измерение, при этом является только частью жизненного мира человека [6]. Термин «ситуация» подразумевает единство человека и среды, способ объединения разноплановых сил в единое целое. Являясь открытой системой, человек способен «удерживать внутренний порядок за счет отбора из окружающей среды исключительно того, что способно этот порядок обеспечить» [6. С. 20]. Самоорганизацию человека возможно понимать как «процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы» [5. С. 12]. Перестройка характера движения неравновесной системы происходит в точках бифуркации, одной из которых, по нашему мнению, является кризис, переживаемый студентами на стадии получения профессионального образования, когда система приобретает новые качества и направления движения при малом изменении ее параметров. Опираясь на понимание кризисов, предложенное Л.С. Выготским, и теорию неравновесных структур И. Никлиса и И. Пригожина, В.В. Козлов рассматривает кризис как «состояние личности, когда происходит дисбаланс в жизни и деятельности человека» [8. С. 6]. При этом личность, находящуюся в кризисном состоянии, автор определяет как «систему, которая находится в точке бифуркации, дисбалансированную под воздействием внутренних или внешних факторов. В данной точке человек имеет множество направлений – векторов своей дальнейшей эволюции, крайними стратегическими выражениями которых являются позитивная и негативная дезинтеграции» [8. С. 32].

Похожие идеи высказывают В.Е. Ключко и Э.В. Галажинский. По их мнению, в периоды кризисов нарушается «нормальное» функционирование поведения и деятельности человека. Рассматривая кризисные периоды развития как кульминационные, они считают, что в этот момент становится доступной наблюдению систематическая картина результатов трансформации развития личности и, соответственно, ее психологических перспектив [7]. Учитывая мысль И.Р. Пригожина о том, что человеческие системы – это креативный мир с неполной информацией и изменяющимися ценностями, В.Е. Ключко подчеркивает, что ценности и смыслы человека выступают параметрами порядка, противостоят дестабилизирующим эффектам, порождаемым социальной системой [5].

Особый интерес представляет анализ протекания кризисов, переживаемых студентами на этапе вхождения в профессию психолога. Они определяются как условиями обучения, так и особенностями развития личности будущего профессионала. Рассматривая особенности прохождения нормативных профессиональных кризисов, необходимо отметить, что на стадии профессионального образования, особенно в первый и предпоследний годы обучения, у многих студентов возникают разочарование в получаемой профессии, недовольство отдельными учеб-

ными предметами, сомнения в правильности выбора. У студентов-психологов первого курса появляются размышления следующего плана: «Хотел стать психологом, поступил на соответствующий факультет, а вместо того чтобы начать помогать людям, должен изучать математику, иностранный язык и т.д.». В период кризиса профессионального выбора на четвертом году обучения будущие специалисты-психологи все чаще задумываются о своей профессиональной компетентности, теряется уверенность в собственном профессионализме. Так, одной из особенностей вхождения психологов в профессию является разочарование в различных аспектах своего обучения и предстоящей работы. Нередко молодые специалисты отчаянно сопротивляются перспективе изменить уже устоявшийся взгляд на окружающий мир, на свою профессию, а главное – на самого себя, на свое место в мире и профессии. Лучшим средством защиты от такой перспективы является разочарование не в самом себе, а в окружающем мире, включая и разочарование в выбранной профессии и учебном заведении [4, 9]. Возникшие точки бифуркации на этапе обучения профессии, разбалансированности, хаоса, нестабильности системы «человек» активизируют процесс самоорганизации, позволяющий освоить новый, более сложный уровень ее функционирования.

Нами было предпринято научное исследование, призванное проверить идею трансформации представлений о профессиональном будущем студентов в кризисные периоды обучения в вузе как проявление процесса самоорганизации открытой системы «человек». Для этого мы обратились к изучению изменений образа профессионального будущего (его эмоциональной, когнитивной составляющих) молодежи, переживающей кризисы профессионального выбора, а также ценностного измерения, обуславливающего трансформации представлений о профессиональном будущем. В эмпирическом исследовании использовался комплекс методов: психодиагностическое тестирование (методика «Временная перспектива» Ж. Нюттена, семантический дифференциал времени О.П. Кузнецова, модифицированная методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах»). В данной методике в качестве ценностей для оценки на значимость и доступность выступили профессиональные ценности, адекватные, по мнению экспертов, для профессии психолога, такие как «способность к эмпатии», «умение устанавливать контакт», «общая интеллектуальность», «наблюдательность», «способность к рефлексии», «творческий склад ума», «умение четко формулировать вопросы и выражать свои мысли», «собственное физическое, психическое и психологическое здоровье», «хорошие взаимоотношения в коллективе», «свобода принимать решения», «благоприятные условия труда (хороший кабинет, удобное местоположение)», «карьерный рост», «достойная заработная плата», «признание профессионализма другими людьми»), методы

математического и статистического анализа (t-критерий Стьюдента, факторный анализ). Выборку составили студенты первого и четвертого курсов факультета психологии и философии Алтайского государственного университета, которые были повторно протестированы по аналогичной диагностической процедуре спустя год на втором и пятом курсе соответственно. Общее количество респондентов составило 70 человек.

Рассмотрим систему ценностных ориентаций студентов, наличие конфликтов внутри данной системы в качестве одной из возможностей объяснения изменений в представлениях о профессиональных перспективах в процессе обучения. На основе выявления рейтинга ценностей, значимых, по представлению студентов, в дальнейшем профессиональном будущем, наиболее приоритетными в целом для выборки стали «собственное физическое, психическое и психологическое здоровье», «достойная заработная плата», «карьерный рост», «признание профессионализма»; незначимыми – «способность к эмпатии», «наблюдательность», «способность к рефлексии». Рейтинг доступности ценностей показал, что данной характеристикой наделяются «наблюдательность», «хорошие взаимоотношения в коллективе», «умение четко формулировать вопросы и выражать свои мысли»; практически недоступными являются прежде всего те ценности, которые обладают наибольшей значимостью: «достойная заработная плата», «карьерный рост», «признание профессионализма». Наряду с общей тенденцией, демонстрирующей первоочередную важность интеграции здоровья и профессиональной самореализации, конфликты в системе ценностей студентов-психологов на разных курсах имеют свою специфику с точки зрения выраженности и содержания. Так, у 43% студентов первого курса, 71% второго, 21% четвертого и 50% пятого наблюдаются расхождения между желаемым и доступным, связанные с тем, что на втором курсе по сравнению с первым актуализируются конфликты в следующих ценностях профессиональной самореализации: общая интеллектуальность, умение четко формулировать вопросы и выражать свои мысли, хорошие взаимоотношения в коллективе, благоприятные условия труда, на пятом курсе по сравнению с четвертым – умение устанавливать контакт, хорошие взаимоотношения в коллективе. Данные показывают, что процесс обучения профессии психолога посредством прохождения кризисов способствует формированию новых профессиональных ориентиров студентов, конкретизации способов реализации ключевых жизненных ценностей, охватывающих развитие профессионально важных качеств и становление профессиональных умений.

Трансформации в ценностном измерении в кризисные периоды на этапе получения образования выступают основанием для коррекции жизненных целей и планов на будущее, связанных с профессиональной деятельностью. Одним из итогов кризиса первого курса явля-

ется сокращение целей в сфере учебной деятельности при одновременной актуализации тенденции планирования своей активности в целом, достижения материальных благ, отдыха и развлечений ($p = 0,99$). Это объясняется тем, что второкурсники уже упрочили свое положение студента и стремятся некоторым образом «расслабиться», получить удовольствие от студенческой жизни. Кризис четвертого курса способствует сокращению количества профессиональных целей, актуализирует тенденцию сосредоточения на планировании личной и семейной жизни. Значимость целей, связанных с профессиональной деятельностью в будущем студентов пятого курса, задает целевую направленность в настоящем посредством выполнения задач учебной деятельности и саморазвития как ступеней дальнейшего профессионального продвижения ($p = 0,99$).

Также в процессе прохождения кризисных этапов можно обнаружить изменения не только целей, но и глубины планирования профессиональной перспективы студентами. Анализ глубины планирования профессионального будущего показал тенденцию к ее сокращению в процессе обучения.

На начальном этапе обучения студенты-психологи сориентированы на планирование дальних этапов перспективы (на сроки более 5 лет), на завершающем строят профессиональные планы на ближайший год. Наряду со сходными тенденциями можно заметить, что в кризисные периоды профессиональные перспективы подвергаются коррекции. Так, согласно полученным данным, преодоление кризиса профессионального выбора студентами ко второму курсу способствует тому, что осознается важность наличия перспективы профессионального становления и уделяется больше внимания ее планированию на ближайший год (25% студентов второго курса и 14% студентов первого курса). Возможным объяснением этого является тот факт, что если на первом курсе интерес представляет планирование всего периода обучения в вузе, то ко второму более важным является получение знаний, опыта именно в текущем году. В то же время переживание кризиса профессионального обучения на четвертом курсе способствует актуализации противоположных тенденций планирования будущего. Так, студенты четвертого курса планируют свое профессиональное будущее прежде всего на текущий год (66%), который, несомненно, является очень интересным в плане учебных дисциплин, овладения навыками практической работы и получения специализации, строят меньше планов на пятилетний период (31%), практически не планируют отдаленное профессиональное будущее (3%). В отличие от них, пятикурсники уделяют достаточно внимания планированию ближайшего (45%) и среднеудаленного (40%) профессионального будущего, отдаленные этапы профессиональной перспективы начинают занимать больше места, чем на четвертом курсе (15%). Вследствие пережи-

вания кризиса четвертого курса профессиональные перспективы студентов корректируются в сторону некоторого увеличения глубины планирования будущего, что обусловливается ситуацией завершения обучения, необходимостью планирования реальной профессиональной карьеры.

Результаты исследования образа профессионального будущего студентов позволили констатировать ведущее позитивное отношение к данной стороне жизненного пути. Анализ исследования эмоционального компонента профессиональных перспектив показал, что в целом студенты позитивно оценивают свое профессиональное будущее, представляя его радостным, активным, ярким, стремительным. Вместе с тем эмоциональное отношение претерпевает существенные изменения в периоды кризисов профессионального обучения. При переходе на второй курс реалистичность профессионального будущего усиливается ($p = 0,99$). Факторный анализ демонстрирует, что в основе эмоционального отношения студентов первого курса к намеченному профессиональному пути лежат три фактора, объясняющих 60,98% общей дисперсии и отражающих отношение к нему как «активному периоду» (вклад в дисперсию 37,47%), «расслабленному» (13,02%) и «тревожному» (10,49%). На втором курсе эти же студенты начинают несколько иначе относиться к профессиональной перспективе, описывая ее как «насыщенное» (вклад в дисперсию 33%), «открытое» (23,86%), «спокойное» (13,42%) и «изменчивое» (11,89%) время жизни. Переживание кризиса профессионального выбора студентами на первом году обучения приводит в целом к более реалистичной и дифференцированной оценке своих профессиональных перспектив, а также отражает снижение общей тревоги по отношению к предстоящей профессиональной деятельности. Полученные данные можно объяснить большей информированностью второкурсников о деятельности специалиста-психолога.

При сравнении эмоционального отношения к профессиональному будущему при переходе на завершающий этап обучения установлено, что студенты на пятом курсе выстраивают более реалистичный образ ($p = 0,99$). Факторный анализ показал, что в основе эмоциональной оценки профессиональных перспектив испытуемых, обучающихся на четвертом курсе, лежат 4 фактора, объясняющих 72,68% общей дисперсии, а именно: отношение к профессиональному будущему как к «насыщенному периоду» (43,9%), «напряженному» (12,76%), «изменчивому» (8,64%) и «сжатому» (7,36%). Полученные результаты отражают представление о профессиональном будущем как времени напряженного труда, которое поддается изменению благодаря личным усилиям. В то же время в основе эмоциональной оценки профессиональной перспективы у пятикурсников также лежат 4 фактора, объясняющих большую часть дисперсии (81,11%), а именно: «насыщенный период» (52,09%),

«напряженное» (13,04%), «изменчивое» (9,56%) и «тревожное» (6,39%) будущее. Изменение эмоциональной оценки на пятом курсе проявляется в актуализации тревог в отношении профессионального будущего, что становится понятным, учитывая, что они находятся на этапе завершения обучения.

Представленные данные позволяют увидеть действие процесса самоорганизации студентов в кризисные периоды на этапе получения образования в вузе. В процессе переживания кризисов меняется позитивное, больше похожее на иллюзию, чем реальность, видение разветвления будущей карьерной линии в представлениях студентов, появляются новые аспекты ее рассмотрения, требующие осмысления и определения личной позиции. Такие изменения эмоционального отношения студентов к собственным профессиональным перспективам расцениваются нами как хороший признак, сообщающий скорее об увеличении их реалистичности на основе близкого знакомства со сферой будущей профессиональной деятельности, а также приближающейся встречи с неопределенностью своего места в профессиональном поле после получения диплома об окончании вуза.

Результаты проведенного исследования позволили выявить наличие трансформаций профессионального развития личности на кризисных этапах обучения. Данные трансформации проявляются в коррекции содержания ценностного измерения студентов-психологов, а также эмоциональной, когнитивной составляющих представлений о профессиональных перспективах. Трансформации ценностного измерения прослежены в аспекте актуализации ценностей сохранения психического и физического здоровья, важности новых способов достижения целей профессионального развития на

посткритических этапах. Трансформация эмоционального отношения к профессиональному будущему проявляется в более реалистичной и прагматичной его оценке. Кризисы обучения позволяют проследить тенденцию актуализации тревоги студентов в процессе обучения в отношении к своему профессиональному будущему: тревога снижается на этапе первичного знакомства с профессией и усиливается на завершающем этапе обучения в преддверии профессиональной деятельности подготовленного специалиста-психолога. В содержании когнитивной стороны профессиональных перспектив студентов-психологов вследствие переживания кризисов наблюдается коррекция содержания и структуры жизненных целей. С преодолением кризисов меняются стратегии планирования профессиональных перспектив студентами, на смену ярко выраженному планированию какого-либо периода перспективы (ближнего или дальнего, в зависимости от этапа обучения) приходит тенденция к выравниванию значимости разных этапов (ближних, средних, дальних) профессиональной перспективы. Описанные психологические трансформации можно интерпретировать как приобретение системой «человек» новых качеств и направления движения, процесс восстановления баланса, налаживания функционирования в области профессиональных перспектив и, соответственно, как проявление процесса самоорганизации человека в точке бифуркации. Центральное место в процессе самоорганизации человека в кризисные периоды обучения в вузе принадлежит ценностям как осознанному личностным смыслом, задающим первоначальный эскиз будущего, определяющим ведущие отношения человека к профессиональной самореализации, выступающим параметрами порядка, способствующим преодолению кризисных ситуаций.

Литература

1. Барабанищikov В.А. Идея системности в психологии: пути развития // Психологический журнал. 2008. № 1. С. 5–13.
2. Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988. 179 с.
3. Головаха Е.И. Жизненные перспективы и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов / Под ред. Л.В. Куликова. СПб.: Питер, 2001. С. 256–269.
4. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Кризисы профессионального становления личности // Психологический журнал. 1997. № 6. С. 35–44.
5. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Томск: ТГУ, 2005. С. 9–32.
6. Ключко В.Е. Системная антропологическая психология и образовательная практика // Психология обучения. 2008. № 8. С. 10–23.
7. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: ТГУ, 1999. 295 с.
8. Козлов В.В. Работа с кризисной личностью. М.: Институт психотерапии, 2004. 302 с.
9. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспективы будущего. М.: Смысл, 2004. 640 с.
10. Прятникова Н.С. Личная профессиональная перспектива // Школьный психолог. 2000. № 16. С. 12–16.

TRANSFORMATION OF STUDENTS' NOTIONS ABOUT PROFESSIONAL PROSPECTS AS THE SELF-ORGANIZATION FACTOR DURING CRISIS TIMES OF STUDY IN THE HIGH SCHOOL

Ralnikova I.A., Ippolitova E.A. (Barnaul)

Summary. There is the scientific view on the problem of researching transformations of students' notions about professional prospects as the indication of personal and professional development of self-organization processes of the person during crisis periods. The results of the empiric research, confirming validity of the chosen aspect of the given problematics are presented.

Key words: professional prospects; crisis; self-organization; values; emotional and cognitive components of notions about professional future.

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА

С.А. Богомаз, Д.Ю. Баланев (Томск)

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №08-06-00172а.

Аннотация. Исследуется феномен жизнестойкости, рассматриваемый в качестве важного компонента инновационного потенциала человека.

Ключевые слова: жизнестойкость; инновативность; инновационный потенциал человека.

Основные мировые тенденции развития современной макроэкономики, процессы глобализации и возрастающая межстрановая конкуренция определяют инновационную стратегию развития России в качестве одной из наиболее приоритетных. Однако эта стратегия предполагает не только изменение способов деятельности и массовое создание инновационных продуктов, но и наличие специфических личностных качеств у людей, вовлекаемых в инновационную сферу. Выявление и изучение этих качеств, важных для развития экономики по инновационному пути, становится актуальной задачей психологической науки. Психологи лишь в последние годы приступили к активному исследованию инновационности, инновативности, инновационного потенциала личности, инновационно важных качеств и т.д. Соответственно, эти личностные переменные имеют в психологии значительно меньшую историю осмысления, чем креативность и тем более интеллект. Обобщая результаты исследований инновационности в отечественной и в зарубежной психологии, В.Е. Ключко отмечает, что все выделенные разными исследователями индивидуальные показатели, будучи эмпирическими, не представляют собой системы: их включение в инновационный потенциал человека теоретически не обосновано, они «пересекаются» между собой и в чем-то дублируют друг друга [11].

Представляется очевидным, что приведение всех известных параметров инновационности человека в некоторую систему и выявление новых качеств инновационности требуют четкого определения понятий «инновации», «инновационное поведение» и «инновационный потенциал». Можно предложить следующий взаимосвязанный «набор» этих ключевых определений.

Инновации (нововведения), с точки зрения П.Г. Щедровицкого, – это то, что в большом масштабе жизнедеятельности человека изменяет принятые способы думать и делать [22].

Инновационное поведение, по мнению Э.В. Галажинского и О.М. Краснорядцевой (2008), – это такая форма активности человека, которая осуществляется путем его выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов и инициируется не системой периодически актуализируемых (воспроизводимых) потребностей, но возникает инициативно в тех точках

жизненного пространства человека, где сходятся между собой как минимум три фактора:

1) возможности человека, представленные его личностным, духовным, творческим, интеллектуальным и т.д. потенциалом;

2) среда, отвечающая этим возможностям, т.е. размеченное ценностно-смысловыми «маркерами» пространство, в котором возможна самореализация;

3) готовность человека реализовать свои возможности «здесь и теперь».

Как утверждают Э.В. Галажинский и О.М. Краснорядцева (2008), в феноменах инновационного поведения проявляет себя особая, только человеку присущая форма перехода возможности в действительность, что, собственно, и следует обозначить как процесс саморазвития человека. Источником инновационного поведения выступает «напряженная возможность», а потому для его понимания необходимо выйти за пределы поиска роли психического в достижении «устойчивого состояния» системы.

Такую возможность выхода «за пределы» предоставляет теория психологических систем [10]. В ней психическое предстает как то, что позволяет человеку, рассматриваемому в качестве психологической системы, осуществлять отбор из среды того, что соответствует его наличным потребностям (т.е. обладает смыслом) и возможностям (т.е. имеет статус ценности). Инновационное поведение как раз и демонстрирует эту вторую форму перехода.

Центральным звеном мотивации к инновационному поведению можно считать «мотивообразующие смыслы и ценности», которые были открыты и достаточно подробно исследованы В.Е. Ключко и О.М. Краснорядцевой в процессе изучения так называемой «свободной инициации» мыслительной деятельности. Они обращают внимание на то, что мышление как основание творческой деятельности всегда есть выход за пределы нормы, стандарта, традиции, т.е. выход за пределы некоторой функциональной, нормативной или институциональной системы [12–14].

Вместе с тем, как считает В.Е. Ключко, за проблемой инициации инновационной деятельности стоит глобальная проблема саморазвития человека за пределы всячес-

ких «норм» и «требований ситуации», проблема порождения человеком собственных норм («нормотворчество»), проблема «психологического гетеростаза». По его мнению, этот термин имеет два значения: «порождение» (возникновение, становление) и «инициатива» (целобразующее начинание, свободное от интенции на конечный результат). В понятии «инициация» сливаются оба аспекта – и порождающий, и инициативный, процессуально-деятельностный и собственно личностный. Их нельзя развести, как нельзя оторвать процесс порождения «новой нормы» от ситуации деятельности, в которой она сформировалась (и которая регулировалась «старой нормой»), и от личности, которая обнаружила в ходе деятельности возможность для саморазвития, реализовав тем самым присущий ей уровень «инновационной инициативы» [11].

Инициация (порождение) инновационного поведения обуславливается, с точки зрения В.Е. Ключко [11], инновативностью человека, которая представляет собой его (человека) интегральную (системную) характеристику, включающую в себя две основные составляющие:

- инновационный потенциал человека;
- мотивационную готовность к инновационной деятельности.

Мотивационная готовность к инновационной деятельности представляет собой способность человека инициировать инновационное поведение в тех условиях, когда в среде открываются возможности, соответствующие его личностному ресурсу (инновационному потенциалу), выступающему в качестве базального основания побуждения к инновационной деятельности.

Инновационный потенциал (ИП) человека – это личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения. Этот ресурс можно представить состоящим из трех основных блоков, иерархически связанных между собой. Он включает в себя:

1. Личностные качества, такие как толерантность к неопределенности, способность к оправданному риску, ответственность, потребность в самореализации, мотивация достижения, рефлексивность, креативность, качества интеллекта, интеллектуальная инициатива.

2. Компетенции, прежде всего такие, как проектная компетентность, коммуникативная компетентность, информационная компетентность.

3. Витальность (особенности ценностно-смысловой организации жизненного мира, жизнестойкость, суверенность, трудоспособность, мобилизационный потенциал, уровень саморегуляции, ориентация человека на определенное качество жизни).

Безусловно, как указывает В.Е. Ключко, в ходе будущих исследований эта структура инновационного потенциала человека будет уточняться и конкретизироваться, в том числе и за счет отбора соответствующих методов

психодиагностики и разработки новых исследовательских процедур [11].

Тем не менее такая индивидуальная характеристика человека, как жизнестойкость, несомненно, будет рассматриваться всеми психологами в качестве одного из основных компонентов инновационного потенциала личности.

Действительно, понятие жизнестойкости («hardiness»), сформулированное в работах американского психолога Сальваторе Мадди, являлось операционализацией понятия «отвага быть», которое ввел экзистенциальный философ П. Тиллих [21]. Эта экзистенциальная отвага предполагает готовность человека «действовать вопреки» – вопреки онтологической тревоге, тревоге потери смысла, вопреки ощущению «заброшенности». Именно жизнестойкость позволяет человеку выносить неустрашимую тревогу, сопровождающую выбор будущего (неизвестности), а не прошлого (неизменности) в ситуации экзистенциальной дилеммы [15].

Согласно взглядам Сальваторе Мадди, человек постоянно совершает выбор: «выбор прошлого» (привычного и знакомого) или «выбор будущего» (нового, неопределенного и непредсказуемого). Жизнестойкость в этом процессе является необходимым ресурсом, на который человек может опереться при выборе будущего с его неизвестностью и тревогой, обеспечивающего получение нового опыта и создающего определенный потенциал и перспективу для личностного развития. Так человек, обладающий жизнестойкостью, научается видеть в постоянных изменениях все новые и новые возможности и пути решения жизненных задач, что одновременно способствует раскрытию его творческого потенциала и ощущению собственного прогресса. Впоследствии, с течением времени, мышление и поведение человека с высокой жизнестойкостью становится все более гибким, сложным и индивидуализированным благодаря его психологическому росту.

В широком смысле жизнестойкость служит отражением жизненной силы, которая позволяет человеку взаимодействовать со средой и способствует возникновению у него «субъективного чувства живости и энергии», детерминирующего, по мнению Р. Эммонса, субъективное чувство личного благополучия [23].

Жизнестойкость как личностный конструкт (hardiness) включает в себя три относительно автономных компонента: «вовлеченность», «контроль» и «приятие риска».

«Вовлеченность» определяется как убежденность в том, что вовлеченность (точнее, включенность) в происходящее, в различные жизненные события дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное в жизни. Вовлеченность – важная характеристика в отношении себя, окружающего мира и характера взаимодействия между ними, которая дает силы и мотивирует человека к реализации, лидерству, здоровому образу мыс-

лей и поведению. Человек, характеризующийся высокой степенью вовлеченности, получает удовольствие от собственной деятельности и ее результатов. Это обеспечивает возможность чувствовать себя значимым и достаточно ценным, чтобы полностью включаться в решение жизненных задач, несмотря на наличие стрессогенных факторов и изменений. В противоположность этому, отсутствие подобной убежденности порождает чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни.

«Контроль» представляет собой убежденность человека в том, что борьба позволяет повлиять ему на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Данный компонент жизнестойкости побуждает человека к поиску путей влияния на результаты стрессогенных изменений. Противоположность этому – ощущение собственной беспомощности. Человек с сильно развитым компонентом контроля понимает, что сам выбирает собственную деятельность, свой жизненный путь. Характеристики этой составляющей жизнестойкости во многом сходны с понятием «локус контроля» Роттера.

«Принятие риска» – убежденность человека в том, что все то, что с ним случается в жизни, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного. Человек, рассматривающий жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, считая, что стремление к простому комфорту и безопасности обедняет его жизнь. В основе принятия риска лежит идея развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование, что помогает человеку оставаться открытым окружающей среде и обществу. Принятие риска состоит в восприятии личностью нового жизненного события как вызова и испытания себя.

Кроме этих трех аттитудов, жизнестойкость включает в себя такие базовые ценности, как кооперация (cooperation), доверие (credibility), креативность (creativity).

Таким образом, жизнестойкость связана с устойчивым переживанием человеком своих действий и происходящих вокруг него событий как интересных и радостных (вовлеченность), как результатов личностного выбора и инициативы (контроль) и как важного стимула к усвоению нового (риск). Вместе с тем жизнестойкость больше сопряжена с обращением трудностей в преимущества через более инициативное и активное вмешательство в события [15].

Суммируя, можно сказать, что «жизнестойкость» – это особый паттерн установок и навыков человека, позволяющих превратить жизненные ситуации в новые для него возможности [18]. Этот особый паттерн и обуславливает, по нашему мнению, целесообразность включения жизнестойкости в структуру инновационного потенциала человека. Жизнестойкость в наибольшей степе-

ни соответствует феноменам надситуативной активности человека, его выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов.

Кроме того, в работах западных исследователей показано, что жизнестойкость связана с успешностью человека в разных сферах деятельности, особенно на фоне стресса. Она характеризует меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя при этом внутреннюю сбалансированность и не снижая успешность своей деятельности. Жизнестойкость препятствует возникновению внутренней нестабильности и эмоциональной неустойчивости в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессовыми факторами и восприятия их как менее значимых. Более того, жизнестойкий человек способен даже в условиях стресса находить и использовать новые возможности, обеспечивающие его продвижение к намеченным целям. В силу этого жизнестойкость оказывается ключевой личностной переменной, опосредующей влияние стрессогенных факторов (в том числе хронических) на успешность профессиональной деятельности, а также на соматическое и душевное здоровье. Жизнестойкость способствует саморегуляции деятельности не только в условиях стресса, но и в условиях монотонной деятельности. Более того, жизнестойкость способствует эффективной деятельности также и в тех условиях, при которых стрессовые события сменяются длительным ожиданием и периодами монотонной деятельности [1, 15, 19].

Следует отметить, что компоненты жизнестойкости в основном развиваются в детстве и отчасти в подростковом возрасте, хотя их можно развивать и позднее (например, в тренинге жизнестойкости) [15]. При этом С. Мадди утверждает, что жизнестойкость – это тот фактор, внутренний ресурс, который подвластен самому человеку, это то, что он может изменить и переосмыслить. Это то, что способствует поддержанию физического, психического и социального здоровья, установка, которая придает жизни ценность и смысл в любых обстоятельствах [19].

Анализ исследований зарубежных психологов показал, что жизнестойкость помимо здоровья и осмысленности жизни положительно связана с толерантностью к неизвестности, низкой тревожностью, самоэффективностью и социальным интересом. Благодаря жизнестойкости люди оценивают жизненные проблемы как менее угрожающие и реагируют на них более позитивными эмоциями. Присущий же жизнестойкому человеку высокий социальный интерес (чувство общности, солидарности) способствует его максимальной включенности в социальные отношения с окружающими и в жизненные события [1].

Учитывая все известные в литературе факты, касающиеся жизнестойкости, представляется вполне закономерным, что Д.А. Леонтьев включает ее в структуру личностного потенциала [16, 17], а мы предлагаем рас-

смагивать ее в качестве компонента инновационного потенциала человека.

Для количественной оценки степени выраженности жизнестойкости у человека С. Мадди разработал Тест жизнестойкости («Hardiness Survey»). Его перевод на русский язык и адаптация были осуществлены Д.А. Леоновым и Е.И. Рассказовой. Результаты апробации русской версии Теста жизнестойкости и проведенные исследования позволяют утверждать, что тест является надежным и валидным инструментом психологической диагностики, результаты которого не зависят от пола, образования и, по всей вероятности, региона проживания человека [15].

Русскоязычный вариант Теста жизнестойкости содержит 45 вопросов и позволяет измерить 3 шкалы: вовлеченность, контроль и риск. На основе этих шкал посредством суммирования рассчитывается суммарный показатель жизнестойкости (мы предлагаем вычислять суммарный индекс жизнестойкости как среднее арифметическое этих шкал).

Наш коллектив использовал Тест жизнестойкости в своих исследованиях, в ходе которых было установлено, что высокая жизнестойкость человека связана с высокой степенью осмысленности собственной жизни, удовлетворенностью прошлой и настоящей жизнью, которая воспринимается им как интересная и эмоционально насыщенная. Как оказалось, люди с высокой жизнестойкостью, позитивно оценивая себя и окружающий мир, в некоторой степени склонны искажать реальность, создавая идеальную картину мира. Такое отношение к миру позволяет им абстрагироваться от мелочей жизни и формулировать четкие цели своей будущей жизни, направляющие их активность для продвижения к желаемому будущему. При этом они демонстрируют высокий уровень активности и целеустремленности, благодаря чему способны с интересом включаться в новые жизненные события, стремятся владеть ситуацией и управлять состоянием своего здоровья. Жизнестойкому человеку, как было установлено, свойствен высокий эмоциональный интеллект, повышающий его «живучесть» в современном социуме посредством эффективного оценивания эмоционального состояния партнеров по общению и способности адекватно управлять своими и чужими эмоциями. В одной из последних работ по исследованию жизнестойкости была подтверждена положительная взаимосвязь жизнестойкости с гибкостью мышления, креативностью, высоким уровнем социально-психологической адаптированности и общим психологическим благополучием [2–5, 7–9].

На основе полученных результатов можно утверждать, что жизнестойкость способствует устранению у человека «ментальных барьеров» и изменению его взгляда на происходящие в мире трансформации. Это обусловлено высокой способностью человека быстро и эффективно перестраивать свои установки, навыки и спо-

собности в соответствии с появлением и распространением инновационных идей. Кроме того, жизнестойкость позволяет человеку чувствовать себя успешным, благополучным и способным к генерированию и принятию новых инноваций. В данном ключе жизнестойкость представляет собой особый компонент инновационного потенциала, необходимый для продвижения инновативной модели развития современного общества [5, 20].

Выявленные нами закономерности утвердили нас в мысли использовать Тест жизнестойкости в качестве основного психодиагностического инструментария для оценки инновационного потенциала человека в режиме экспресс-диагностики и мониторинга.

В ходе реализации исследовательских проектов, которые осуществлялись на территории Сибирского региона, нами была составлена электронная база данных, в которую вошли результаты тестирования 1146 респондентов в возрасте от 16 до 68 лет, ответивших на вопросы Теста жизнестойкости. Используя эту базу, мы вычислили собственные нормативные показатели (табл. 1).

Необходимо отметить, что средние значения шкал «контроль» и «риск», полученные нами в выборке жителей Сибирского региона, оказались несколько выше, чем те, которые приведены в руководстве к Тесту жизнестойкости [15]. Следовательно, сибиряки более убеждены в том, что имеет смысл стремиться к преодолению жизненных трудностей, в процессе которого можно получить новый опыт. Свойственно им и рисковать в новых жизненных ситуациях, когда не возможно точно предвидеть их исход.

Важные данные, свидетельствующие о том, что жизнестойкость действительно связана с инновационным потенциалом, были получены нами в ходе тестирования студентов и аспирантов, которые обучаются в вузах различных городов России и являются участниками Всероссийской программы «Участник молодежного научно-инновационного конкурса» (У.М.Н.И.К.). Эта программа учреждена фондом «Содействие развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию. Она ориентирована на стимулирование желания молодежи заниматься инновационной деятельностью и разрабатывать собственные конкурентоспособные и коммерциализируемые проекты. Для психологического обследования участников программы У.М.Н.И.К. нами был создан пакет компьютерных программ психодиагностических методик, в число которых вошел и Тест жизнестойкости. Этот пакет был выставлен на специализированном сайте, и каждый участник программы У.М.Н.И.К. имел возможность в интерактивном режиме выполнить тесты. Результаты тестирования автоматически включались в электронную базу данных и обрабатывались статистически. Всего в обследовании приняло участие 407 респондентов.

Таблица 1

Средние значения (в баллах) показателей Теста жизнестойкости, выполненного респондентами Сибирского региона (возраст от 16 до 68 лет, средний возраст 23,5±0,3 года; n=1146)

Шкалы	Среднее значение	Нижний квартиль	Верхний квартиль	Стандартное отклонение
Вовлеченность	37,1	31	44	9,59
Контроль	31,6	26	37	8,10
Риск	18,7	15	23	5,38
Суммарный показатель	87,3	74	103	21,1
Суммарный индекс	29,1	24,7	34,3	7,03

В итоге нами были получены средние значения шкал Теста жизнестойкости для этой выборки перспективных молодых людей (табл. 2). Сравнение этих значений с нормативными значениями выборки сибирских жителей показывает, что победители Всероссийской программы У.М.Н.И.К. отличаются в положительную сторону по всем шкалам теста (использовался дисперсионный анализ ANOVA-MANOVA, межгрупповые различия достоверны при $p < 0,0001$).

Данный факт мы рассматриваем в качестве подтверждения нашей идеи, согласно которой жизнестойкость

является компонентом инновационного потенциала. Судя по полученным результатам, молодые люди, вовлеченные в инновационную деятельность, более жизнестойки и склонны ощущать собственную значимость и ценность, а также испытывают более высокую мотивацию к реализации, лидерству, здоровому образу мыслей и поведению. Им свойственна высокая мотивация к поиску путей влияния на новые жизненные события, они открыты окружающему миру и способны воспринимать новые ситуации как вызов, отвечая на который они могут научиться новому и узнать больше о себе.

Таблица 2

Средние значения шкал Теста жизнестойкости, выполненного победителями Всероссийской программы «Участник молодежного научно-инновационного конкурса» (n=407)

Шкалы	Среднее значение	Нижний квартиль	Верхний квартиль	Стандартное отклонение
Вовлеченность	43,5	39	48	6,61
Контроль	36,1	32	41	6,15
Риск	21,8	19	25	4,07
Суммарный показатель	101,4	93	112	14,8
Суммарный индекс	33,8	31	37,3	4,94

Полученные нами данные о высокой жизнестойкости молодых людей, вовлеченных в инновационную деятельность, согласуются с результатами психодиагностического исследования, проведенного в 2008 г. Д.А. Леонтьевым и Е.И. Рассказовой. Ими были обследованы 10 успешных российских предпринимателей, развивающих свой бизнес стоимостью не менее 1 млн долл. США в сфере высоких технологий [16]. Как указывают эти исследователи, в группе успешных предпринимателей значение всех показателей жизнестойкости существенно выше, чем в контрольной группе людей, которые не имели опыта предпринимательской деятельности (межгрупповое различие достоверно при $p < 0,05$). Так, средние значения шкал «вов-

леченность», «контроль» и «риск» у обследованных предпринимателей составили 44, 36 и 25 баллов соответственно. При этом наблюдался меньший, чем в группе контроля, разброс относительно этих средних значений.

Таким образом, совокупность теоретических предположений, результаты собственных исследований и учет эмпирических данных, полученных другими исследователями, позволяют нам утверждать, что жизнестойкость человека, обеспечивая ему возможность проявить надситуативную активность в широком спектре жизненных ситуаций, является важным параметром инновационного потенциала, а ее количественная оценка может выступать мерой этого потенциала.

Литература

1. Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии. Режим доступа: <http://institut.smysl.ru/article/alekseeva.php>
2. Богомаз С.А. Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания со стрессами и достижения высокого уровня здоровья // Материалы науч.-практ. конгрессов Третьего Всерос. форума «Здоровье нации – основа процветания России». М., 2007. Т. 3, ч. 1. С. 23–25.
3. Богомаз С.А., Левицкая Т.Е. Особенности картины мира человека с высокой жизнестойкостью // Гуманитарные основания развития региона с высоким инновационным потенциалом: глобализация, идентификация, миграция: Материалы школы-семинара / Под ред. О.М. Краснорядцевой, С.А. Богомаза. Томск: Дельтаплан, 2007. С. 53–56.
4. Богомаз С.А., Левицкая Т.Е. К проблеме взаимосвязи смыслов жизни с целеустремленностью и жизнестойкостью человека // Третья Всерос. науч.-практ. конф. по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2007. С. 122–125.
5. Богомаз С.А., Непомнящая В.А. К проблеме поиска психологических оснований развития инновационной компоненты личности в юности и молодости // Сибирский психологический журнал. 2007. Вып. 25. С. 78–82.
6. Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М. О месте и роли мышления в организации инновационного поведения // Современная психология мышления: Смысл в познании: Тезисы докл. науч. конф. М.: Смысл, 2008. С. 15–17.

7. Гладких А.Г. Связь жизнестойкости с различными видами интеллекта // Психология XXI века: Материалы X Междунар. межвузовской науч.-практ. конф. / Под ред. Б.В. Чеснокова. СПб., 2007. С. 208–209.
8. Дробинина Л.В. Изучение взаимосвязи жизнестойкости и креативности как характеристик инновативной компоненты личности // Студенты в научном поиске: Тезисы докл. 4-й Всерос. студенческой науч.-практ. конф. / Под ред. Р.А. Ахмерова, Е.Д. Дорофеева, С.П. Дырина. Набережные Челны: Изд-во Ин-та управления, 2007. Т. 1: Психология. С. 60–62.
9. Дробинина Л.В. Жизнестойкость как интегральная характеристика инновативной компоненты личности // Проблемы актуализации молодежного потенциала в условиях инновационного развития России: Материалы Молодежного сибирского психологического форума. Томск: Дельтаплан, 2007. С. 92–97.
10. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005. 174 с.
11. Ключко В.Е. Разработка, апробация и внедрение комплекса программ и технологий диагностики и формирования мотивации к инновационной деятельности молодежи в системе непрерывного профессионального образования: отчет по Гос. контракту № П590 от 12 сентября 2008 г. / Факультет психологии ТГУ; рук. Э.В. Галажинский. 2008. 233 с.
12. Ключко В.Е. Системная антропологическая психология и образовательная практика // Психология обучения. 2008. № 8. С. 10–23.
13. Краснорядцева О.М. Мотивация мышления в условиях перехода профессиональной деятельности на творческий уровень // Сибирский психологический журнал. 1998. Вып. 8–9. С. 27–31.
14. Краснорядцева О.М. Рефлексия как условие актуализации мотивопорождающих смыслов в процессе профессиональной подготовки // Психология обучения. 2008. № 8. С. 68–75.
15. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
16. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Изучение личностного профиля успешных предпринимателей в области высоких технологий // Отчет о выполнении научно-исследовательской работы. Томск: ТГУ, 2008. 8 с.
17. Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Осин Е.Н. и др. Опыт структурной диагностики личностного потенциала // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 8–31.
18. Мадди С., Кошаба-Мадди Д. [Видеозапись]: Жизнестойкость, ее диагностика и тренинг // Авторский семинар с русским переводом. М., 16 июня 2002 г. (120 мин).
19. Наливайко Т.В. К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди. Режим доступа: <http://drupal.psychosfera.ru/?q=book/print/1239>
20. Непомнящая В.А., Богомаз С.А. Непричинные динамизирующие детерминанты успешности молодых людей в инновационной деятельности // Гуманитарные основания развития региона с высоким инновационным потенциалом: глобализация, идентификация, миграция: Материалы школы-семинара / Под ред. О.М. Краснорядцевой, С.А. Богомаза. Томск: Дельтаплан, 2007. С. 57–62.
21. Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 479 с.
22. Щедровицкий П.Г. Инновационный потенциал профессионального сообщества. Режим доступа: <http://www.shkp.ru/lib/archive/methodologies/prof/34>
23. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Пер. с англ.; Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 416 с.

HARDINESS AS A COMPONENT OF INDIVIDUAL INNOVATION POTENTIAL
Bogomaz S.A., Balanov D.U. (Tomsk)

Summary. The phenomenon of hardiness is investigated as an important component of individual innovation potential.

Key words: hardiness; innovation; individual innovation potential.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК ОПОСРЕДУЮЩЕЕ ЗВЕНО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИЦИИ СУБЪЕКТА

А.О. Преображенская (Москва)

Аннотация. Рассматривается нарратив как опосредующее звено в процессе формирования позиции субъекта жизненного пути и как категория с помощью которой возможно изучение закономерностей процесса психологического консультирования. Приведена типология взаимодействия «Я» как субъекта и «Я» как объекта, являющаяся результатом дискурс-аналитического исследования текстов психологических консультаций.

Ключевые слова: автобиографический нарратив; нарративная психология; позиция субъекта; культурно-историческая теория; психотехническое действие; психологическое консультирование; инстанция автора; инстанция героя.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению нарратива как опосредующего звена в процессе формирования позиции субъекта жизненного пути и как категории, с помощью которой возможно изучение закономерностей процесса психологического консультирования. Психологическое консультирование, несмотря на наличие множества исследований, в основном зарубежных, остается наименее изученным пластом психологического знания. Во многом это связано с тем, что консультирование не поддается анализу формальными статистическими процедурами, которые обеспечивают исследованию научный статус. Стоит отметить, что в настоящее время в зарубежной психологической науке отмечается всплеск применения при исследовании процессов консультирования и психотерапии качественных методов. В настоящей работе мы реализуем парадигму качественного исследования, применяя для изучения процесса взаимодействия консультанта и клиента метод дискурс-анализа.

Для изучения динамики и закономерностей психологического консультирования необходимо выделить категорию, несущую в себе возможность отражения данной динамики [3]. К подобной категории предъявляются два требования. С одной стороны, она должна достаточно явно прослеживаться в процессе консультирования, с другой — иметь научный статус для её последующего объективного анализа и включения в контекст психологического знания. Именно поэтому объектом нашего исследования стала категория «нарратив». Нарративом мы вслед за многими исследователями (Дж. Брунер, Г. Мюррей, М. Уайт, Д. Эпстон) будем называть историю жизни человека, рассказанную им самим. Категория «нарратив» включает в себе пространственную и временную целостность человеческой жизни, а также логику и смысл существования конкретного человека. Выбор нарративной парадигмы не случаен, поскольку текст является одним из немногих объективных свидетельств динамики психологической консультации, и именно с помощью анализа текста возможно приблизиться к пониманию механизмов и специфики данного процесса. Кроме того, категория «нарратив» имеет давнюю традицию анализа, начиная с литературоведения (Ж.М. Адам, Ж. Женетт, Т. Павел, Ш. Римон-Кеннан, Дж. Принс, В. Шмидт и др.), а нарративная психоло-

гия в настоящее время является одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений в зарубежной и отечественной психологии (Дж. Брунер, У. Найссер, М. Уайт, Т. Сарбин, Д. Эпстон, Дж. Фридман, Дж. Комбс, К. Мюррей, Е.Е. Сапогова, Е.С. Жорняк, Н.В. Савельева).

Категория «нарратив» формировалась в зарубежных социально-конструктивистских психологических исследованиях, в которых жизнь человека рассматривается как история или текст. Рассказывая о себе, своем поведении и поступках, человек выделяет в жизненном потоке и по-новому видит события своего настоящего, прошлого и будущего, тем самым придавая им смысл и формируя особую реальность. Посредством нарратива человек создаёт собственное описание действительности и себя в этой действительности, а также реализует отношение к ней в виде стабильных конструктов. Понятие «нарратив» также содержит идею непрерывности и уникальности человеческого опыта. Особое место в нарративной психологии принадлежит идее о том, что доминирующие истории создаются в социуме и человек подвержен их влиянию, т.е. воспринимает свою жизнь определённым и поощряемым его социальным окружением способом. Таким образом, метафора текста в нарративной психологии является объяснительным принципом для описания внутренней реальности человека.

Исследования нарратива во многом опираются на культурно-историческую концепцию. Данный факт неоднократно подчёркивали в своих работах Дж. Шоттер [11], Дж. Брунер [10], Р. Харре [9]. По мнению Р. Харре, тезисы Л.С. Выготского о культурно-исторической природе психики человека и процессе интериоризации как присвоении культурного опыта имеют большое значение для социального конструкционизма. Они вносят вклад в понимание роли слова и повествования в организации психики человека. «Заслуга Л. Выготского состоит в том, что он первым сумел четко сформулировать тезис, согласно которому организация так называемого «ментального» — это результат приватизации социальных, межличностных процессов. «Приватизация», как я ее понимаю, состоит в том, что каждый член общности овладевает способностью совершать какое-то действие, первоначально приобретенной как нечто, достигнутое в публичном проявлении, причем совершать его

таким образом, что окружающие не осознают, что это действие совершается» [9. С. 77]. Дж. Брунер опирается на положение культурно-исторического подхода о знаковой организации высших психических функций и пишет о социально-символическом опосредовании взаимодействия людей в форме повествования. Он рассматривает повествование как сценарий, организующий жизнь человека и придающий событиям смысл. Кроме того, Дж. Брунер обращается к процессу интериоризации и объясняет им принцип действия нарратива как свёрнутого внешнего взаимодействия, выполняющего функцию интерпретации событий. Дж. Шоттер подчёркивает роль Л.С. Выготского в формулировании идей о посреднической роли слова в процессе формирования высших психических функций и культурно-исторической природе сознания. Дискурсивная психология во многом опирается на работы М. Бахтина и Л.С. Выготского, рассматривая личность человека как основанную на интериоризации социальных диалогов. «Дети развивают восприятие своей личности, усваивая свои роли в различных рассказах и дискурсах. Слушая оценки мира, дети развивают соответствующие представления о себе, других, мыслях и эмоциях. А в историях, которые они рассказывают сами, дети представляют и обсуждают аспекты личности» [8. С. 171].

Таким образом, роль культурно-исторической теории для развития категории «нарратив» в русле социального конструкционизма весьма существенна. Однако стоит отметить фрагментарный характер использования идей Л.С. Выготского зарубежными исследователями. Ниже мы более подробно рассмотрим положения культурно-исторического подхода, повлиявшие на становление понятия «нарратив» как психологической категории.

Формирование автобиографического нарратива происходит в контексте интерпсихического взаимодействия. В процессе общения взрослый, наблюдая за поведением ребёнка, характеризует его определённым образом, при этом характеристика в большинстве случаев эмоционально окрашена. Постепенно в социальном контексте ребёнка появляется описание его отличительных черт и действий в форме историй. Кроме того, взрослые избирательно описывают события жизни ребёнка, придают им определённый смысл, в результате чего в его самовосприятии появляется временной аспект. Нарративы, так же как и указания взрослых, постепенно интериоризируются, переходя во внутренний план. В результате у ребёнка формируется представление о себе, подкрепляемое описаниями взрослых, которое начинает определять его дальнейшие действия и самовосприятие. Формирование автобиографического нарратива позволяет «овладеть» собой, как слово «овладевает» вещью, т.е. обозначить себя в истории, тем самым отстранившись от описываемых событий и перейдя на более высокий уровень обобщения. Кроме того, нарратив рождается в диалоге, что позволяет человеку взглянуть на

себя и на историю своей жизни с точки зрения собеседника, а в случае продуктивного диалога – с точки зрения описанной М.М. Бахтиным эстетической вневременности. Именно в момент диалога появляется «Я» как субъект познания – инстанция, позволяющая выйти на более высокий уровень обобщения и предоставляющая возможность изменения самовосприятия и интерпретации событий жизни.

Таким образом, нарратив является системой знаков, направленной на построение и овладение человеком собственной личностью и поведением.

Вслед за Л.С. Выготским А.А. Пузырей пишет о том, что «психика человека сама по себе не имеет своих собственных законов развития и больше того – вообще не обладает развитием. Психическое и духовное развитие человека происходит всегда за счёт особых, специально организуемых (вырабатываемых в истории и закрепляемых в культуре – в самых различных, подчас весьма экзотических и неожиданных формах) искусственных систем психотехнического действия, т.е. действия над психикой, т.е. действия по овладению и изменению психики с помощью применения специальных искусственных знаковых средств» [5. С. 80]. В понятии психотехнического действия можно выделить следующие составляющие:

- 1) психотехническое действие – это действие по овладению психикой;
- 2) овладение психикой достигается путём использования знаковых средств;
- 3) система психотехнических действий закреплена в культуре;
- 4) первоначально психотехническое действие разделено между людьми, но впоследствии интериоризируется;
- 5) психотехническое действие – единица анализа психики.

Все эти параметры находят отражение в категории «нарратив». Так, написание автобиографического нарратива, как уже было показано, является действием по овладению психикой, закреплённым в культуре. Нарратив как текст представляет собой знаковую систему, первоначально разделённую между людьми и впоследствии подвергающуюся интериоризации. В результате интериоризации автобиографического нарратива события жизни организуются во времени и осмысливаются.

Одним из главных следствий нарративной организации психики становится появление двух инстанций: «Я» как субъекта, организующего нарратив, и «Я» как объекта, описанного в повествовании. По всей видимости, данное разделение является одной из первых предпосылок появления активного рефлексизирующего субъекта жизненного пути, самостоятельно формирующего и изменяющего собственную жизнь. Понимание автобиографического нарратива как психотехнического действия позволяет исследовать появление субъектной позиции личности, позиции авторства по отношению к событиям жизни [3].

Появление у человека нарратива инициирует появление плана воображаемого и выход за пределы наличной ситуации, потому что при появлении слова мир удваивается. Автобиографический нарратив как история жизни является психотехническим действием потому, как предполагает появление инстанции, организующей жизнь в повествование и придающей событиям смысл. В различных психологических направлениях эта инстанция имеет различные названия. В. Деймон и Д. Харт в своей концепции самопонимания, реализуемой в рамках психологии развития, говорят о наличии у человека двух инстанций – «Я-познающее» и «Я-познаваемое» [2]. Этот же феномен обозначил и Д. Карр: иногда Я наблюдаю свое действие, как если бы это был другой человек и как если бы Я не понимал, что этот человек делает и необходимо, чтобы мне объяснили. Д. Карр называет это видом сознания, которое «производит смысл» действия, где «Я (нарратор) рассказываю или вспоминаю или объясняю себе (слушателю), что Я (герой) делаю» [1]. Рассматривая описанный процесс в контексте субъектно-деятельностного подхода, можно говорить о том, что данной инстанцией является субъект жизненного пути. Сущностными характеристиками субъекта являются активность, самосознание, самодетерминированность.

Стоит отметить, что категория субъекта весьма многогранна и реализуется в различных формах деятельности и общения человека. Можно говорить о том, что проекцией субъекта жизненного пути в плоскость рассмотрения нарратива является «позиция автора». Трактовка субъекта как автора свойственна ряду исследователей (А.Н. Славская, Н.Я. Большунова, Е.Е. Сапогова). Так, по мнению А.Н. Славской, «...субъект интерпретации выступает и как автор своей концепции, стремящийся её объективировать в науке, искусстве, жизни, и одновременно как исследователь, постоянно ищущий новое в окружающей действительности, и как личность, которую жизнь постоянно ставит перед лицом нового (изменений), которое должно быть понято и объяснено» [6. С. 212].

Авторская позиция в автобиографическом нарративе является основной структурирующей силой, определяющей целостность, непрерывность и присутствие смыслов в истории жизни человека. Реализация человеком авторской позиции в написании автобиографического нарратива определяет степень его ответственности за проживание собственной жизни. Стоит отметить промежуточный характер позиции автора: с одной стороны, она не выводится непосредственно из текста нарратива, являясь его организующим началом и будучи проекцией позиции субъекта; с другой стороны, она является частью нарратива как одна из его инстанций.

Исследование динамики позиции автора и роли нарратива в данном процессе возможно в психотехническом эксперименте. При исследовании становления субъекта в процессе изменения автобиографического нарратива на роль психотехнического эксперимента

может претендовать ситуация психологического консультирования. За психологической консультацией обращаются люди в проблемной жизненной ситуации. Наличие проблемной жизненной ситуации в большинстве случаев сопровождается отсутствием у человека субъектной позиции относительно данной ситуации. В процессе консультации происходит обсуждение истории возникновения и способов разрешения проблемы, которая предьявляется как фрагмент автобиографического нарратива. В итоге изменение нарратива возвращает человеку возможность произвольной саморегуляции. Произвольная саморегуляция осуществляется посредством появления авторской позиции как инстанции, регулирующей прохождение жизненного пути.

Были выделены следующие составляющие авторской позиции личности [4].

1. Активность, выступающая деятельным и творческим отношением субъекта к проживанию собственного жизненного пути.

2. Ответственность, характеризующаяся фактом выбора субъектом собственного жизненного пути в целом, а также целей, средств, контроля, реализации конкретной деятельности в частности. Ответственность – акт осознания или рефлексии субъектом своего авторства по отношению к обстоятельствам, в которых он оказался, своей способности делать выбор и воздействовать на ту ситуацию, в которую он попал. Феномен ответственности раскрывает ценностное отношение субъекта к наличному и возможному. Содержание предмета ответственности обладает ценностным значением для субъекта, связано с его интересами, потребностями, надеждами, идеалами.

3. Способность к самоотстранению, являющаяся аналогом способности субъекта к рефлексии применительно к тексту. Рефлексия предполагает наличие у человека «наблюдающего Я», что подчёркивается во многих психологических концепциях. Основой появления «наблюдающего Я» является способность к самоотстранению, что проявляется в возможности анализа человеком собственной жизни и себя в ней.

4. Определённость, представляющая собой целостность и завершённость позиции автора и образа героя в нарративе. Параметр определённости отражает уникальный и целостный образ человека как субъекта жизненного пути, что выражается в реализации им единой стратегии жизни.

5. Убеждения как представления, составляющие совокупность жизненных правил и принципов.

Отдельной задачей является выделение знаков данных структурных элементов авторской позиции в тексте. Нарратив представляет собой повествование о событиях, произошедших в хронотопе «там-и-тогда». Появление позиции автора возможно только в ситуации «здесь-и-теперь», потому что она подразумевает проявление деятельного и пристрастного отношения к тексту. Таким образом, наиболее общим критерием нали-

чия позиции автора является анализ клиентом основной нарратива и собственной роли в его создании в ситуации «здесь-и-теперь», в диалоге с консультантом. Высказывание, относящееся к актуализации позиции автора, делается клиентом в ответ на реплику консультанта и носит характер отношения к нарративу или тексту консультанта. Предложение строится в настоящем или настоящем продолженном времени. Выделение позиции автора происходит посредством стратегии полифоничности – процедуры дискурс-анализа, в которой выделяются различные дискурсы. Так, в тексте клиента выделялись «голоса» автора и героя.

Критериями элементов позиции автора являются следующие признаки [4].

1. Критерий активности – творческая позиция автора по отношению к нарративу, что проявляется в готовности клиента пробовать новые формы работы в консультации (медитация, визуализация, работа с метафорами, постановки и т.д.); анализировать и изменять основания проблемного нарратива – представления, лежащие в его основе; искать и обозначать собственные предпочтения относительно развития истории жизни; искать и обозначать эпизоды нарратива, отличающиеся от проблемных; переосмысливать и изменять проблемный нарратив. Обобщая, можно сказать, что основным критерием активности автора нарратива становится позиция заинтересованного исследователя собственной жизни.

2. Критерии наличия ответственности у автора нарратива: признание собственной позиции в повествовании, а также роли в появлении проблемного нарратива и его изменении; обращение клиента к ситуации выбора в процессе взаимодействия с консультантом; совершении клиентом осознанного и свободного выбора.

3. Критерии определённости: описание клиентом собственной позиции, определяющей повествование, а также входящих в её структуру предпочтений, убеждений, ценностей; отсутствие противоречий в позиции автора по отношению к обсуждаемому фрагменту нарратива (в убеждениях и действиях).

4. Критерии способности к самоотстранению: анализ убеждений и представлений, лежащих в основе проблемного нарратива; анализ собственной роли в появлении проблемного нарратива и его изменении; возможность описывать события нарратива с позиции наблюдателя.

5. Критерий наличия убеждений и представлений клиента в тексте – описание правил, принципов, объяснений, которым субъект руководствуется при интерпретации фактов. Убеждения в структуре позиции автора носят особый статус: их можно проследить не только в репликах в хронотопе «здесь-и-теперь», но и в тексте нарратива.

Таким образом, в категории «нарратив» можно выделить две инстанции: «автор» как ведущая, организующая инстанция повествования, и «герой», обозначающий личность как объект собственного познания. Герой в консультации – это попытка автора представить себя

окружающим и самому себе. Авторская позиция в автобиографическом нарративе является основной структурирующей силой, определяющей целостность, непрерывность и присутствие смыслов в истории жизни человека. В настоящей работе мы опишем выделенное посредством дискурс-анализа взаимодействие авторской позиции с инстанцией героя повествования. Материалом исследования послужили тексты психологических консультаций, в которых были выделены следующие **типы взаимодействия инстанций автора и героя.**

1. *Отстранённость*, большая дистанция. В нарративе клиента дистанцированные отношения автор–герой появлялись после значимого, меняющего жизнь события или глубокого жизненного кризиса (ситуации утраты или смены социальной роли – вступление в брак, материнство). Суть отстранённости заключается в том, что позиция автора изменилась, а образ героя остаётся прежним в рамках привычной истории. Поэтому, представляя себя в качестве привычного героя, автор испытывает глубокий внутренний диссонанс с данным образом. Этот разрыв не всегда осознаётся автором и, как правило, проявляется в жалобах на тревогу, внутреннюю пустоту и непонимание сложившейся ситуации. Важной чертой подобного взаимодействия инстанций является то, что в автобиографическом нарративе человека был опыт альтернативных отношений автор–герой. Суть психологической работы в данном случае заключается в дописывании истории про значимое событие и последующую жизнь с акцентом на переживаниях автора «здесь-и-теперь».

2. *Слияние*. Отношения слияния автора и героя в консультации проявляются в том, что клиент предоставляет ведущую роль обстоятельствам, не осмысливая свою жизнь и не беря за неё ответственность. Жизнь в подобном повествовании предстаёт обусловленной действием внешних, неподвластных человеку сил, хотя сам герой повествования может быть вполне активным субъектом. При этом попытки консультанта передать ответственность клиенту в начале работы оказываются неудачными, сопровождаясь либо непониманием, либо агрессивной реакцией клиента. Характерным для подобного рода отношений автора и героя является то, что они определяют достаточно большой пласт нарратива на протяжении длительного времени. В данном случае требуется длительная психологическая работа, потому что подобные отношения автора и героя, по всей видимости, формировались в детстве. Тем не менее наиболее эффективными действиями консультанта будут являться работа в режиме «здесь-и-теперь», прояснение чувств и желаний клиента, а также неременная передача ответственности клиенту за жизнь и придание ей смысла.

3. *Конфликт*. Конфликтные отношения инстанций автора и героя проявляются в несоответствии предъявляемого образа внутренним переживаниям. Отличие данных отношений от отношений отстранённости заключается в

том, что в отстранённой позиции автор не имеет средств, чтобы приблизить к себе героя, а в конфликте у автора отсутствует подобное намерение. В ситуации конфликта в истории клиента предстаёт образ героя, в малой степени соответствующий истинному самоощущению автора (подобный феномен можно проследить в нарциссических и истерических расстройствах). Истории в этом случае отличаются большой красочностью и преувеличенным героизмом, многочисленными сюжетными перипетиями, однако клиент переживает глубокий диссонанс в результате столь сильного несоответствия. Психологическая работа в данном случае будет строиться как написание новой истории, наполненной истинными желаниями и смыслами человека как автора.

4. *Замена.* Эта форма отношений автора и героя повествования проявляется в том, что на место протагониста в качестве главного героя встаёт другой персонаж. Данный тип взаимодействия является достаточно редким и появляется в том случае, когда в жизни клиента есть люди, значимые для него больше, чем он сам. Поводом для обращения на консультацию, как правило, становится конфликт между желаниями и интенциями значимого персонажа и самого клиента. Важным для психологической работы является проявление у клиента позиции автора, особенно ответственности, что позволяет ему переопределить содержательные характеристики нарратива с собственной точки зрения и сделать аутентичный выбор.

5. *Диалог.* Гармоничные отношения автор–герой можно назвать диалогом. В таком взаимодействии автор воп-

лощает себя в герое наиболее полно, беря ответственность за ход истории и поступки героя на себя. В то же время он прислушивается к логике повествования и поэтому имеет возможность гибко относиться к написанию истории жизни и трактовке событий. В отношениях автор–герой важна чувствительность автора к переживаниям героя и происходящим с ним событиям, что проявляется в данном типе отношений. Отсутствие чувствительности приводит к тому, что многие переживания и события в жизни человека оказываются не вписанными в нарратив. Таким образом, от чувствительности зависит полнота и разносторонность нарратива. Подобный тип отношений автор–герой во многих психотерапевтических направлениях является целью психологической работы.

Итак, специфика автобиографического нарратива как психологической категории заключается в том, что, формируясь в процессе социального взаимодействия, он описывает организацию и восприятие личностью собственной жизни как повествования с учётом временного аспекта существования. Форма повествования обеспечивает непрерывность опыта и ощущение самотождественности. Категория «нарратив» предполагает появление двух инстанций: автора как начала, организующего повествование и проживание событий жизни, и героя повествования, объекта рефлексии. Опосредующая функция нарратива может быть раскрыта в контексте культурно-исторической психологии. Нарратив является системой знаков, направленной на построение и овладение человеком собственной личностью и поведением, вследствие чего нарратив можно рассматривать как психотехническое действие.

Литература

1. Агафонова Е.В. Соотношение автора и нарратора в современном философском дискурсе (в контексте смерти субъекта): Магистерская диссертация. Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/8145>
2. Знаков В.В. Психология понимания и нарративная психология // Учён. зап. каф. общей психологии МГУ / Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М., 2002. Вып. 1.
3. Преображенская А.О. Взаимосвязь позиции субъекта жизненного пути и структуры автобиографического нарратива в психологическом консультировании // Сибирский психологический журнал. 2007. №. 25.
4. Преображенская А.О. Динамика субъектной позиции личности в процессе психологического консультирования: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
5. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М., 1986.
6. Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–75.
7. Славская А.Н. Рубинштейновская парадигма субъекта в исследовании интерпретации // Проблема субъекта в отечественной науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М., 2000. С. 203–212.
8. Филлипс Л., Йоргансен М.В. Дискурс-анализ: Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 366 с.
9. Харре Р. Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования. // Социальная психология: саморефлексия маргинальности: Хрестоматия / Отв. ред. М.П. Гапочка; Ред.-сост. Е.В. Якимова. М., 1995.
10. Bruner J.S. Making Stories: Law, Literature, Life. New York, 2002.
11. Shotter J. Vygotsky and consciousness as con-scientia, as witnessable knowing along with others // Theory and Psychology. 2006. Vol. 16, № 1.

AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE AS MEDIATED LINK OF SUBJECT'S ATTITUDE
Preobrazhenskaya A.O. (Moscow)

Summary. The article is dedicated to the analysis of a narrative considered as a mediation link in the position development of a subject of a life journey and as a category that can help to explore the patterns of counseling. Narrative constitutes a system of signs which is aimed at the development and discovery of his own personality and behavior actualized by a subject. The article presents a typology of cooperation between subject 'self' and object 'self' that appears to be a result of a discourse analysis of texts received due counseling.

Key words: autobiographical narrative; narrative psychology; subject's attitude; cultural-historical psychology; psychological counseling; creator's instance; hero's instance.

ТРАНСКОММУНИКАЦИЯ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.И. Муравьева (Томск)

*Исследование проведено при поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы
(2009–2010 гг.)», проект № 2.2.2.4/6926*

Аннотация. В результате теоретического анализа выделяются эмпирические признаки транскоммуникации и инновационной деятельности и обнаруживается принципиальное совпадение этих признаков, что позволило автору сделать вывод о том, что транскоммуникация является онтологическим основанием инновационной деятельности.

Ключевые слова: коммуникация; транскоммуникация; инновация; инновационная деятельность; способ жизни человека.

Результаты социологических исследований [5, 12, 17 и др.], посвященных анализу требований, которые предъявляются к современному выпускнику, позволяют выдвинуть тезис о том, что коммуникативная компетентность становится одной из главных компетенций, необходимых высококвалифицированному специалисту в любой профессиональной сфере. В свою очередь, высокая квалификация сегодня с необходимостью означает в том числе и умение осуществлять инновационную деятельность. Это подводит нас к следующему вопросу: любая ли коммуникация релевантна инновационной деятельности? Ответ очевиден – нет, не любая, но лишь обладающая определенной спецификой.

Для того чтобы определить эту специфику, воспользуемся тем мощным эвристическим потенциалом, который заключен в идее транспективного анализа [9]. «Транспективный – значит открывающий перспективу, выявляющий тенденции и направленность процесса развития» [9. С. 34]. Обратимся к тенденциям становления научных психологических исследований коммуникации. Пожалуй, одним из первых, кто сконцентрировался на проблеме коммуникации как отдельной, самостоятельной социально-психологической проблеме, был Т. Шибутани [22], работавший в рамках такого направления социальной психологии, как социальный интеракционизм. Это произошло в середине прошлого века. Содержательный фокус этих исследований отражен в самом названии – интеракционизм. Т. Шибутани сосредоточивается на изучении социального взаимодействия, а коммуникация понимается им как процесс организации согласованного действия. Если теперь вычленим тот доминирующий ракурс, в котором решалась проблема эффективной коммуникации (которая, в свою очередь, легко может быть переформулирована в проблему коммуникативной компетентности [13]), то можно увидеть, что эта эффективность, по Т. Шибутани, обеспечивается, прежде всего, нормативностью и комплементарностью (взаимодополнительностью, взаимосогласованностью) социально-ролевых позиций участников этого процесса, а также используемых ими средств общения (вербальных и невербальных). То есть фактически

в этой научной школе изучались закономерности того, что сейчас называют формально-ролевым общением.

Вторая четверть XX в. характеризуется переносом интереса социальных психологов с интерактивной стороны общения на информационную, а коммуникация понимается теперь преимущественно как процесс передачи информации. Американская социальная психология, опираясь на известную «пятичленку» Г. Лассуэла – «кто говорит, кому говорит, что говорит, как говорит, зачем говорит», начинает бурные эмпирические исследования факторов эффективной коммуникации, понимаемой, прежде всего, как *убеждающая* коммуникация [11]. Что обращает на себя внимание в этих исследованиях? Изучались лишь первые четыре составляющие «пятичленки» Г. Лассуэла, тогда как пятая составляющая – «зачем говорит» – даже не обсуждалась, так как ответ был очевиден – для убеждения. То есть фактически психология открыла и сформулировала механизмы эффективной не столько коммуникации, сколько манипуляции сознанием и поведением людей. Апофеозом этих исследований явилась знаменитая книга Д. Карнеги, где сформулированы самые изощренные принципы и способы манипулятивного убеждения.

Последняя четверть XX в. знаменуется появлением не менее известной, но уже «в узких кругах», книги Э. Шострома «Анти-Карнеги, или Человек-Манипулятор» [24], которая манифестировала недопустимость и неэффективность отношения к человеку как к объекту манипуляции и «возвращала» гуманистическое отношение к человеку в социальную психологию. В отечественной социальной психологии также фиксируется ущербность и ограниченность объектного отношения к человеку и делаются попытки преодолеть эту ограниченность. Так, Г.М. Андреева [1] настаивает на разведении понятий «коммуникация» и «общение», утверждая, что понятие «коммуникация» фиксирует лишь одну сторону реального процесса человеческого общения – информационную. Помимо этой стороны общения, она предлагает выделять интерактивную и перцептивную стороны. А.У. Хараш [25] вводит различие двух типов общения – субъект-объектное и субъект-субъектное, в

основе которого лежит диаметрально противоположное отношение к партнеру – или как к объекту (т.е. вещное), или как к субъекту (т.е. ценностное). Главное эвристическое значение этой типологии состоит в том, что в область социально-психологических исследований коммуникации вводится ценностно-смысловой аспект. Именно этот аспект начинает постепенно «приобретать» системообразующее значение – речь идет, конечно же, о научном исследовании, а не о реальном процессе коммуникации, в которой этот аспект всегда имел именно такое значение. Синхронные процессы наблюдаются и в зарубежной психологии. Американские психологи П. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон [4], изучая патологическую коммуникацию, обнаруживают, что, оставаясь в рамках понимания коммуникации как обмена информацией, невозможно разрешать межличностные конфликты, необходимо трансцендировать, выйти за рамки, перейти в другое пространство: из «пространства» информации в «пространство» отношений. Для фиксации этой закономерности авторы вводят понятие метакommunikации, тем самым также констатируя в качестве основного аспекта коммуникации ценностно-смысловой. Параллельно с этим направлением активно начинают изучаться экзистенциальные аспекты общения [2, 3, 14]. Опираясь в основном на идеи российских и европейских философских диалогических концепций М.М. Бахтина, М. Бубера, Г.С. Батищева, А. Швейцера, а также «экзистенциальных» психологов Э. Фромма и В. Франкла, психологи развивают представления о глубинном общении как диалоге, его функциональных особенностях и характеристиках. Эти исследования также приводят к пониманию того, что определяющим фактором коммуникации является фактор отношения.

Одним из главных методологических следствий этих тенденций явилось то, что понятие коммуникации «превратилось» в междисциплинарное психологическое понятие, т.е. стало категорией не только социальной, но и общей, и педагогической, и клинической, и т.п. психологий, что и было зафиксировано в известной монографии Б.Ф. Ломова «Методологические и теоретические проблемы психологии», опубликованной в 1984 г. В ней обосновывается введение категории общения в общепсихологический контекст: «Представляя собой существенную сторону реальной жизнедеятельности субъекта, общение выступает поэтому и в роли важнейшей детерминанты всей системы психического, ее структуры, динамики и развития» [10. С. 248].

И наконец, можно зафиксировать последний к настоящему времени этап развития научных представлений о коммуникации, который связан с постмодернистскими подходами на Западе и со становлением и утверждением антропологического подхода в отечественной психологии. В исследованиях последнего десятилетия положение о том, что коммуникация является базовым процессом, конституирующим само существование че-

ловека, получает уже свою «постоянную прописку». К. Герген [26], формулируя так называемую «социорационалистическую метатеорию», постулирует, что в отличие от традиционной теории, она исходит из того, что не процессы, происходящие внутри индивидуального сознания, производят то, что называется знанием, а социальный процесс коммуникации. «Рациональность порождается именно внутри процесса социального обмена» [26. С. 197]. Этот же подход реализуется и в исследовании эмоций. Сами эмоции объявляются социальными отношениями, и утверждается их фактическая социальная детерминация. «Перефразируя знаменитую формулу У. Джемса «Я плачу не потому, что мне грустно, а мне грустно, потому что я плачу», конструктивист утверждает: «Я злюсь не потому, что обижен несправедливо, а потому, что этот поступок я определил на известном мне языке как несправедливый» [23. С. 361]. Эти положения образуют то, что К. Герген называет «эпистемологией», претендующей на статус «второй революции в психологии» (первой была когнитивная). Суть этой революции, по выражению К. Гегена, заключается в преобразовании тезиса Р. Декарта: «*Cogito, ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, существую») в «*Communicamus, ergo sum*» («Мы общаемся, следовательно, я существую»).

В российских исследованиях последних лет высказывается та же идея. В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев пишут: «...общительность, общность являются сущностным атрибутом человека. Он по самой своей природе есть «бытие для других». Проблема общности поэтому не только социальная или историческая; она при более глубоком рассмотрении является глубинно экзистенциальной проблемой» [19. С. 15]. В другой концепции, также основанной на методологических принципах антропологического подхода, теории психологических систем В.Е. Ключко, человек понимается как открытая, самоорганизующаяся психологическая система, подчиняющаяся принципу системной детерминации. Центральным объяснительным понятием этой теории является понятие ментального (трансубъективного) пространства, возникающего в результате *взаимодействия* человека с миром: «...во взаимодействии субъекта с объектом рождается новая реальность – сверхчувственная, т.е. не отражаемая органами чувств, системная... Через эту реальность человек получает возможность воздействовать на самого себя (самодетерминация) и реализовывать свои возможности» [9. С. 92]. Здесь надо отметить следующее. Несмотря на то, что в теоретических изысканиях вышеназванных авторов коммуникация не является прямым предметом их исследований (в качестве такового у В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева выступает субъективная реальность, у В.Е. Ключко – ментальное, или трансубъективное пространство), но тем не менее явно и однозначно постулируется, что именно коммуникация (какими бы терминами она не обознача-

лась: «общительность, общность» – в первом случае, «взаимодействие» – во втором) есть процесс, в котором «возникает» [19], «порождается» [9] психологическая реальность человека.

В коммуникативном подходе В.И. Кабрина [8], еще одной концепции в рамках антропологической психологии, этот тезис уже становится основополагающим методологическим положением, а коммуникация – непосредственным предметом исследований. Понятия «коммуникация», «коммуникативность», «коммуникабельность» значительно расширяются по сравнению с теми же понятиями в традиционной психологии. Выявляя сущностные основания жизни, В.И. Кабрин опирается на идею К.Р. Роджерса о том, что «жизнь есть постоянное самоперерастание, самопреодоление себя прежнего, ежемоментное пере-живание со-бытий и самого себя до неузнаваемости, при *сохранении сути себя*» [8. С. 53]. Учитывая эти признаки жизненного процесса как развития, как «пере-живания многообразного информационного транзита и трансформации, метаморфоз и трансмутаций событий» [8. С. 54], автор вводит понятие транскоммуникации. «Транскоммуникация – это процесс общения между инаковыми и разнорядковыми субъектами в интра- и интерперсональных планах; это сверхдинамичный, смыслообразующий процесс гармонизации разноразноуровневых миров человека, открывающий в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса» [8. С. 54].

Подводя итог представленной краткой ретроспективе исследований коммуникации в психологии, можно сформулировать следующие основные выводы. Первый – научное изучение коммуникации подчиняется общим тенденциям развития психологического знания, а именно тенденциям гуманизации, гуманитаризации и онтологизации [9]. Второй – происходит изменение места коммуникации в категориальном строе психологии: если раньше в качестве единицы анализа в психологии выступала деятельность, то сейчас ее постепенно начинает вытеснять коммуникация. Третий – современная психология формулирует тезис о том, что реальное *человеческое* общение (т.е. такое общение, в котором человек объективирует и проявляет себя в своей сущностной *человеческой* ипостаси) осуществляется как транскоммуникация. И наконец, четвертый вывод – психология, как всегда¹, осталась верна себе и чутко отреагировала на объективный социальный заказ (явно сформулированный на Западе или неявно выраженный у нас в стране), предложив концепцию транскоммуникации, которая отвечает современным реалиям жизни человека и общества. Все это дает основание выдвинуть конкретную гипотезу в ответ на вопрос о том, какая коммуникация, какое взаимодействие является онтологическим основанием инновационной деятельности. Можно пред-

положить, что в качестве такового выступает транскоммуникация.

Проанализируем, подтверждается ли эта гипотеза на уровне теоретических положений теории транскоммуникации. Для этого выделим признаки транскоммуникации и сравним их с признаками инновационной деятельности. На основе представленной выше дефиниции транскоммуникации дифференцируем и конкретизируем феноменологические и функциональные признаки транскоммуникации.

1. «Транскоммуникация – это процесс общения между *инаковыми* субъектами...» В этом положении подчеркивается ценностное отношение субъекта коммуникации к партнеру и самому себе, открытость и реалистичность восприятия партнера, открытость и аутентичность собственного Я и собственной позиции. Следствием этого является обмен информацией, не ограниченный и не искаженный ожиданиями и стереотипами какого-либо рода (профессиональными, ролевыми, статусными, личностными, ситуативными и т.д.).

2. «...и *разнорядковыми* субъектами...» Это означает, что, субъект включен в коммуникацию с партнерами «разного порядка»: 1) с людьми разного возраста, профессии, статуса, гражданской и национальной принадлежности, личностного типа и т.д.; 2) различными социальными группами; 3) культурными образцами, оформленными в виде текстов научных, художественных или иных произведений; 4) произведениями искусства; 5) природой; 6) традицией; 7) Богом и т.д.

3. «...в *интра- и интерперсональных* планах...» Этот признак указывает на то, что общение происходит не только с внешними партнерами, но и во внутреннем, аутокоммуникативном плане, т.е. востребованными и актуализированными оказываются процессы рефлексии и саморефлексии, внутренний диалог.

4. «...это *сверхдинамичный* процесс...» В такой коммуникации уплотняется время. События, действия, мысли, идеи, эмоции стремительно сменяют друг друга. Такое общение предполагает и гибкую смену коммуникативных позиций, центральных, тем и т.д.

5. «...*смыслообразующий* процесс...» Результатом транскоммуникации является порождение смыслов.

6. «...процесс *гармонизации* разноразноуровневых миров человека, открывающий в нем смысловое *единство* микро- и макрокосмоса». Этот признак указывает на то, что транскоммуникативная динамика продвигает человека по пути индивидуации, т.е. актуализируются процессы дифференциации и интеграции. Субъективно отражаемым результатом этого являются позитивные эмоции, переживание удовлетворения и, как правило, эмоционального подъема, несмотря даже на то, что в самом процессе коммуникации могут возникать самые разные, в том числе и негативные, эмоции.

¹ Достаточно вспомнить историю «появления» инстинкта агрессии в психоанализе З. Фрейда.

Перейдем к рассмотрению понятий «инновация» и «инновационная деятельность». Анализируя различные определения инновации в технической или экономической сферах [6, 7, 18, 21], можно выделить следующие основные признаки: инновация – это не просто создание чего-либо нового, но это обязательно внедрение, использование этого нового, «преобразование новшества в продукцию», причем всегда прибыльное использование, «введение нового продукта на рынок». Если не выходить за рамки технико-экономической научной предметности, то это определение, несомненно, является исчерпывающим. Однако человек, не отягощенный жесткими методологическими рамками науки, но владеющий самыми элементарными навыками логического анализа и обобщения, естественным образом задаст недоумевающий вопрос: а «где же» в этом определении тот самый *субъект*, который творит нечто новое и прибыльно это новое использует? И как только этот вопрос возникает, становится очевидным, что проблема инновации из плоскости технической и экономической переходит в плоскость психологическую и, может быть, шире – философскую, социологическую и т.п.

Надо отметить, что этот вопрос в известной степени при всей его очевидной логической обоснованности до недавнего времени не мог быть обоснован практически (по крайней мере, у нас в стране), так как инновационность представлялась скорее эпифеноменом какой-либо профессиональной деятельности, таким желательным (а впрочем, зачастую даже нежелательным), но необязательным качеством или компонентом. Но поскольку творчество и объективация себя в актах и продуктах творения, по мнению очень большого числа исследователей (Б.С. Братусь, А.В. Брушлинский, А. Маслоу, К.Р. Роджерс, С.Л. Рубинштейн, Э. Фромм и др.), является сущностной характеристикой человека, способом его существования, то люди, следуя своей природе, не могли не производить (хотя бы некоторые, хотя бы иногда) то, что сейчас называют инновациями. Наука же не полагала эту реальность предметом своего исследования, за исключением не очень многочисленных исследований в области психологии, причем проблема формулировалась в терминах творчества или креативности скорее как некоторых внутренних психологических характеристик человека, но не характеристик его деятельности. Фактически лишь подступив к этим проблемам, сама психология ограничивалась крайне абстрактным (плохо операционализированным) указанием на то, что творчество (творение, созидание) хотя и является базовой экзистенциальной потребностью человека (Э. Фромм), однако как психологическая характеристика свойственно лишь людям, достигшим определенно-

го уровня личностной зрелости – уровня самоактуализации (А. Маслоу) или полноценного функционирования (К.Р. Роджерс). Такое положение дел в научной психологии привело к целому ряду как позитивных², так и, к сожалению, негативных последствий не столько в самой психологии, сколько в прикладных областях. Те области социальной практики (такие как педагогика, менеджмент и т.д.), для которых психология является одной из фундаментальных научных дисциплин, вполне признали практическую ценность тезиса о том, что способность творить свойственна человеческой *природе*, но актуализация и объективация этой способности происходят отнюдь не всегда. Встречаясь же с непроработанностью, неоперационализированностью этого положения в самой психологии, представители прикладных областей вынуждены были сами что-то «с этим» делать. Но то, что они «с этим» делают, к сожалению, адекватно выражается лишь формулой: «Это было бы смешно, если бы не было так грустно». Так, например, традиционная педагогическая практика фактически свелась к «демагогическим заклинаниям» о том, что надо «воспитывать, формировать» творческую личность.

Второе направление исследований, сопрягающихся по тематике, осуществлялось в контексте проблемы одаренности и уровня развития интеллекта [16]. Характерной особенностью этих исследований было то, что они осуществлялись в рамках двухфакторной модели (наследственности и среды), и это несмотря на то, что еще в 60–70-х гг. прошлого века А.Н. Леонтьев обосновал несостоятельность этой парадигмальной схемы. Однако адекватные методологические и теоретические «инструменты» в то время еще не были созданы. И сам А.Н. Леонтьев, и большинство его последователей сосредоточивались на изучении структурных и типологических аспектов деятельности, тогда как экзистенциальные, феноменологические и процессуальные аспекты ждали своего часа. Этот час настал в начале XXI в. и увенчался оформлением новой методологии – антропологического подхода в психологии, который в качестве своего предмета взял самого *человека* (а не отдельные его психологические свойства, структуры, функции), сосредоточившись на проблеме *способа* его существования. Можно сказать, что психология наконец-то методологически созрела для реализации положения, которое уже давно сформулировано в обыденном сознании – продуктивность человека определяется «на 9% способностями и на 90% – *трудом*». Наука задалась вопросом: *каков этот труд?*

Один из вариантов ответа на этот вопрос предлагается в «стратегии гуманитарного исследования образовательных инноваций», сформулированной Г.Н. Позумен-

² Одним из безусловно позитивных моментов является фальсификация таких «объяснительных конструктов», как выделение из всего спектра профессий крайне малочисленной группы так называемых творческих профессий, работать в которых могут особые люди, обладающие талантом, харизмой, Божьим даром. Такое антидемократическое по своей сути утверждение, делящее всех на людей первого и второго сорта, не оставляло для большинства другого выбора, кроме как влачить примитивное, рутинное существование.

товой. Исходными тезисами для построения этой стратегии является выделение М. Хайдеггером двух способов жизни – «собственного» и «несобственного», а также его положение о том, что «понять образование и становление человека можно только изучая место и способ его личного присутствия в мире, т.е. исследуя Dasein человека, его бытие-в-мире. При этом человеку необходимо понять и тот «несобственный» способ жизни, из которого он вырастает, и переход от «несобственного» к «собственному» способу жизни, и, конечно, сам этот «собственный» способ» [15. С. 82]. Пытаясь обозначить характеристики «собственного» и «несобственного» способов жизни и опираясь при этом на исследования Э. Гуссерля, М.К. Мамардашвили, В. Франкла, М. Фуко, Г.П. Щедровицкого и др., Г.Н. Прокументова обобщает экзистенциально-феноменологические признаки «собственного» способа жизни. Это «преодоление нормативности», «своего тождества с миром», а значит, это «смысловой скачок из повседневности», необходимым условием которого являются «проработка, расшифровка, истолкование впечатлений» и «материализация бестелесного, появление идеальных форм жизни, т.е. личного смысла события». Такой «скачок из повседневности» неизбежно сопровождается «эмоциональным, интеллектуальным, коммуникативным, рефлексивным, деятельностным, смысловым напряжением», когда человек совершает «нечеловеческие» (М.К. Мамардашвили) усилия для того, чтобы «вырвать себя у себя» (М. Фуко) [15. С. 75–76].

Делая следующий шаг по пути «восхождения от абстрактного к конкретному», попробуем понять, что происходит с ментальным (трансубъективным) пространством (В.Е. Ключко) человека, когда он прерывает свое «тождество с миром». Мир – идеи, предметы, другие люди, сам человек – в своих застывших, анонимных формах «разрушается», «приобретая» качества неопре-

деленности, инаковости, ценностности и динамичности. Именно поэтому только сейчас становится возможным настоящее взаимодействие (а не воздействие и манипуляция или же, наоборот, адаптация и реагирование) человека с Миром. «Переживая», «прорабатывая» (М.К. Мамардашвили) и рефлексирова этот инаковый, неопределенный Мир, человек и должен *определить* его. Это определение происходит как рождение принципиально новых, а значит, творческих, *инновационных* значений, смыслов, ценностей, т.е. тех самых сверхчувственных системных качеств, появление которых свидетельствует о «материализации бестелесного» (М. Фуко), «становлении ментального (трансубъективного) пространства человека» (В.Е. Ключко). Значит, делает общий вывод Г.Н. Прокументова, «собственный» способ жизни человека есть «особая *связь* человека с миром» (курсив мой. – О.М.). Но если это так, то «собственный» способ жизни по своей природе коммуникативен.

При сравнении же феноменологических признаков «собственного» способа жизни (мир «приобретает» качества неопределенности, инаковости, ценностности и динамичности) с признаками, при помощи которых В.И. Кабрин определяет понятие транскомуникации («это процесс общения между инаковыми и разнопорядковыми субъектами в интра- и интерперсональных планах; это сверхдинамичный, смыслообразующий процесс гармонизации разноуровневых миров человека, открывающий в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса»), легко усматриваются прямые совпадения. Таким образом, теоретический анализ проблемы инновационной деятельности как проблемы психологической (а не экономической) приводит нас к констатации того, что инновации порождаются субъектом, реализующим особый, «собственный способ жизни», осуществляющийся как процесс транскомуникации.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980. 415 с.
2. Братченко С.Л. Межличностный диалог и его основные атрибуты // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 201–222.
3. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001.
4. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций. СПб.: Питер, 2000. 299 с.
5. Иванов Д.Л., Митрофанов А.Л., Соколова О.В. Компетентностный подход в образовании. Проблемы, понятия, инструментари: Учеб.-метод. пособие. М.: АПК и ПРО, 2003. 101 с.
6. Инновационная деятельность: Основные термины. Режим доступа: <http://www.sci-innov.ru/docs/104/>
7. Инновационный процесс в странах развитого капитализма (методы, формы, механизм) / Под ред. И.Е. Рудаковой. М.: Изд-во МГУ, 1991.
8. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 248 с.
9. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005. 174 с.
10. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
11. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1998. 688 с.
12. Макарова М.Н. Факторы и механизмы взаимосвязи профессионального образования и рынка труда (на примере Удмуртской Республики) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2006. № 3. С. 106–122.
13. Муравьева О.И. Коммуникативная компетентность как проблема общей психологии // Сибирский психологический журнал. 2001. № 14–15. С. 26–41.
14. Муравьева О.И. Стратегии общения в структуре коммуникативной компетентности. Томск: Томский государственный университет, 2003. 118 с.

15. *Переход к открытому образовательному пространству. Ч. 1: Феноменология образовательных инноваций* / Под ред. Г.Н. Прокументовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 484 с.
16. *Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека* / Под ред. И.В. Равич-Щербо. М.: Педагогика, 1988. 336 с.
17. Рыкун А.Ю., Южанинов К.М., Матулис В.В., Мухин Л.Н. Региональная система высшего образования и рынок труда. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 166 с.
18. Санто Б. Инновация как средство экономического развития: Пер. с венг. М.: Прогресс, 1990.
19. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 3–17.
20. Современная психология мотивации: Сб. ст. / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 342 с.
21. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями. М.: Экономика, 1989.
22. Шибутани Т. Социальная психология. М.: Наука, 1969. 595 с.
23. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: Институт психологии РАН КПСС+Академический проект, 1999. 448 с.
24. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-Манипулятор. Минск, 1992. 128 с.
25. Хараи А.У. Личность, сознание и общение: к обоснованию интерсубъектного подхода в исследовании коммуникативных воздействий // Психолого-педагогические проблемы общения. М., 1979. С. 30–41.
26. Gergen K. Realities and relationships: Soundings in social construction. Harward: University Press, 1994.

TRANSCOMMUNICATION AS AN ONTOLOGICAL BASIS OF INNOVATION ACTIVITY

Muravyova O.I. (Tomsk)

Summary. In the article the empirical features of transcommunication and innovation activity are distinguished as a result of theoretical analysis and their fundamental coincidence is discovered. It made possible for the author to draw a conclusion about transcommunication as an ontological basis of innovation activity.

Key words: communication; transcommunacation; innovation; innovation activity; mode of man's life.

РЕАЛИЗУЕМОСТЬ ЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СТАНОВЛЕНИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

Н.Р. Салихова (Казань)

Аннотация. Раскрывается представление о функциональном механизме барьерности–реализуемости личностных ценностей и его роли в становлении жизненного мира человека. Обобщение эмпирических данных о соотношении разноуровневых механизмов структурирования образа мира (когнитивные стили, защитные механизмы личности) и психологического возраста позволяет связать его со структурированием жизненного пространства в соответствии с фазами экзистенциального цикла взаимодействия человека и мира.

Ключевые слова: жизненное пространство; реализуемость личностных ценностей; образ мира; психологический возраст.

В связи с происходящим в настоящее время парадигмальным сдвигом в психологии от изучения психики к познанию психологии человека и его мира как особой совмещенной реальности, не сводимой ни к внешнему, ни к внутреннему, предмет исследований все чаще определяется обозначающими эту реальность понятиями жизненного мира, многомерного мира, жизненного пространства, ментального пространства, субъективной реальности и др. В теории психологических систем [6] становление жизненного мира человека в онтогенезе связывается с последовательным появлением его новых измерений, наиболее поздним из которых является ценностное, задаваемое возможностями самореализации человека как формы самоорганизации открытой психологической системы [3]. Возникший в рамках смысловой теории мышления и реализованный в исследованиях актуалгенеза ценностно-смысловой структуры ситуации данный подход в последнее время охватывает своим объяснительным потенциалом и более масштабные, пролонгированные контексты жизнеосуществления человека. В целом ряде работ раскрываются этапы появления и преобразования задающих жизненный мир человека измерений, конкретизирующие картину его становления [10, 19 и др.]. Тем не менее задача выявления феноменов, механизмов и закономерностей динамики жизненного мира, задаваемых его трансформациями в рамках ценностно-смысловых измерений на протяжении периодов взрослости, во многом находится на начальном этапе ее решения.

В какой-то мере к раскрывающим *содержательную динамику* ценностного измерения жизненного мира взрослого человека могут быть отнесены довольно широко представленные в современной психологии исследования изменений в иерархии ценностей в связи с возрастными, профессиональными и многими другими факторами, связанными с пересмотром человеком основных приоритетов своей жизни, что некоторыми авторами осмысливается уже не в парадигме смены ценностных ориентаций личности, а как преобразование ценностного мира человека. Способствуют ее описанию и создаваемые подходы к классификации ценностей, в рамках которых описываются их новые разновидности, что также позволяет описать многообразие и вариативность порождаемых в культуре и осваиваемых челове-

ком ценностных миров. В гораздо меньшей степени исследованы те аспекты ценностного измерения жизненного мира, которые связаны с линиями или зонами его напряжения, возникающими при соотношении экзистенциальных ожиданий личности [21] и актуальной жизненной ситуации, значимости ценностей и возможностей их реализации в жизни. Однако именно они во многом задают содержание коллизий развития человека в периоды взрослости [17]. И если изменения в содержательном наполнении ценностного измерения можно отнести к процессам *макродинамики* жизненного мира человека, то коллизии, связанные с оценкой реализуемости той или иной ценности в жизни, можно обозначить как *микродинамические*, в контексте которых нами и предложено представление о механизме барьерности–реализуемости личностных ценностей. В данной статье обобщаются полученные эмпирически основные результаты его исследования, с тем чтобы через сопоставление с некоторыми положениями теории психологических систем (ТПС) обозначить его роль в становлении жизненного мира взрослого человека.

Как известно, при переходе от детства к взрослости следствием появления ценностного измерения жизненного мира человека является формирование системы жизненных планов или дальних намерений [2, 22], конкретизирующих ведущие ценности в форме жизненных целей или задач разной степени детализированности и четкости (от приблизительных, обобщенных до четких и конкретных), охватывающих основные сферы жизни и задающих направления самореализации личности. Они часто сохраняются не в виде длящегося состояния сознания, а с переходом из плана актуального субъективного переживания в план метанапряжения [2], порождая на конкретных этапах жизни спектр *экзистенциальных ожиданий* [17, 21]. Их соотношение с актуальной жизненной ситуацией преломляется через выявленные и описанные нами противоположные **тенденции**, задающие содержание конструкта барьерности–реализуемости личностных ценностей [11].

Первая из них – тенденция к **согласованию** мер важности ценности и ее доступности, когда человек реализует то, что может осуществить в жизни, ценит то, что имеет, и понижает ценность того, что недоступно. Это может происходить как за счет внешних активных

действий по реализации ценностей, так и за счет внутренних, например компенсаторных действий по типу защитных механизмов, ведущих к понижению меры ценности при невозможности ее реализации. Метафорически это выражено в известной пословице: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». **Вторая** – тенденция к **рассогласованию** мер важности ценности и ее доступности, когда они изменяются разнонаправленно, повышение одного из параметров ведет к понижению другого. В пределе доступное обесценивается, а недоступное кажется более ценным и важным. В данном случае «журавль в небе» будет намного ценнее «синицы в руках» именно потому, что «не пойман», а фактором, увеличивающим значимость ценности, является невозможность ее реализации, что отражено в пословицах: «Хорошо там, где нас нет», «Что имеем – не храним, потерявши – плачем».

Возможность возникновения данных тенденций определяется особой природой личностных ценностей* как аффективно-интеллектуальных образований, в которых как одна, так и другая составляющие действуют в качестве своего рода гиперобобщения. С одной стороны, они существуют в специфической форме обобщенных идей, кристаллизирующих культурно-исторический опыт человечества. С другой стороны, будучи присвоенной человеком в ходе его онтогенетического развития, идея структурирует и опосредует основные источники его побуждений. Это соединяет ее с явлениями аффективно-потребностной природы, обобщением и средством означивания которых она становится. В силу высокого уровня обобщенности ценностей дать некую однозначную оценку их реализованности в жизни, пожалуй, принципиально невозможно, поскольку это сопряжено с необходимостью соотнесения содержания идеи с чувственно-конкретными формами ее воплощения. Поэтому ценности не всегда прямо могут быть «обнаружены» в конкретной жизненной ситуации, что обуславливает неопределенность при оценке их присутствия в жизни. Однако именно на этой особенности ценностей основывается возможность психотерапевтического воздействия на человека, расширяющего его опыт «прикосновения к ценности» [9], который обычно достигается в переживании ценности, а также обуславливает указанное В.И. Кабриным свойство вездесущности и реверсивности как бесконечного отзеркаливания в разных явлениях и друг в друге [4].

Описанные тенденции в совокупности составляют континуум барьерности–реализуемости личностных ценностей, который операционализирован в *индексах реализуемости и проблемности* (соответственно положительная или отрицательная корреляция параметров важности и доступности ценностей, получаемых в пред-

ложенной Е.Б. Фанталовой [18] методической процедуре их ранжирования), а также *индексе барьерности* (положительная корреляционная взаимосвязь важности ценности и разницы важность – доступность), отражающей тенденцию рассогласования в мягком, количественно менее выраженном виде.

Реализуемость ценностей как устойчивая характеристика личности. Сопоставление индексов реализуемости и барьерности, полученных на разных по содержанию списках ценностей, показало, что их качественно своеобразное сочетание относительно устойчиво [11]. Применялись перечни как общечеловеческих, так и специфичных для человека как представителя определенной социальной группы терминальных и инструментальных ценностей, а также индивидуальные, составленные самим человеком. Наибольшая консистентность результатов обнаружена в отношении терминальных (общечеловеческих, групповых и индивидуальных) ценностей. Изменение содержания списка терминальных ценностей практически не изменяло соотношения индивидуальных индексов континуума барьерности–реализуемости. Наибольшие различия выявлены между инструментальными и терминальными ценностями: в отношении первых в большей мере выражена тенденция к реализуемости, а в отношении вторых – к барьерности. Тем не менее показатели реализуемости и барьерности терминальных и инструментальных ценностей тесно коррелируют друг с другом. Это обосновало правомерность рассмотрения параметров реализуемости и барьерности как устойчивой характеристики личности. Стандартная процедура их *психометрического обоснования*, проведенная на выборке из 780 человек, показала, что разброс значений индексов барьерности и реализуемости близок к нормальному распределению, показатели асимметрии и эксцесса находятся в пределах допустимых значений. Это означает, в частности, что в их отношении правомерно использование методов корреляционного анализа. В измерении индексов барьерности и реализуемости с двухнедельным интервалом была показана их ретестовая устойчивость.

Проверка *содержательной валидности* индексов континуума барьерности–реализуемости осуществлялась через сравнение их выраженности у людей, попавших в ситуацию жизненного кризиса, вызванного опасным соматическим заболеванием, и у здоровых людей, находящихся в обычной жизненной ситуации [16]. Результаты показали наличие у заболевших значительно сдвига индексов в зону проблемности, в отличие от здоровых, результаты которых находились преимущественно в зоне реализуемости. Наибольшая выраженность индекса проблемности была выявлена в группе больных, перенесших инфаркт миокарда, тогда как груп-

* Здесь мы не останавливаемся на анализе соотношения понятий *личностная ценность* [8] и *ценность как параметр порядка* в ТПС [6] – это задача отдельного теоретического исследования, равно как и анализ различий в понимании понятий ценности и смысла, существующих в данных теоретических моделях, и опираемся на то общее, что их объединяет в рамках культурно-исторической парадигмы в психологии.

пы ВИЧ-инфицированных и больных после операции удаления аппендикса продемонстрировали несколько меньшую степень его сдвига в том же направлении. Результаты сравнения разных групп заболевших между собой можно объяснить исходя из представления о субъективной тяжести заболевания как следствия действия двух независимых барьеров: один связан с тяжестью актуального физического состояния, другой определяется ограничениями в отношении жизненных перспектив и реализации жизненного замысла. Исследованные три группы заболевших характеризовались их разным сочетанием: у перенесших инфаркт миокарда присутствовали оба барьера, тогда как в других группах присутствовал лишь один из них.

Эмпирическое **соотнесение** индексов континуума **барьерности–реализуемости** с **устойчивыми личностными свойствами** показало следующее. Во-первых, практически не обнаружено взаимосвязей с *чертами личности*, определяемыми тестом Р. Кеттелла, за исключением шкалы «радикализм–консерватизм», где *консерватизму* соответствовала *реализуемость* ценностей, тогда как увеличение *барьерности* было связано с повышением *радикализма*. Во-вторых, не установлено каких-либо их взаимосвязей с показателями *психометрического интеллекта*. В-третьих, при сопоставлении с *ситуативной и личностной тревожностью* на уровне тенденции проявилось, что понижение реализуемости связано с возрастанием уровня личностной тревожности. В-четвертых, выявлена ортогональность параметров барьерности и реализуемости показателям *мотивации достижения* или *избегания неудачи*, что показало неправомочность их сведения к данным мотивационным переменным. В целом параметры реализуемости и барьерности ценностей оказались мало связаны с уровнем инструментальных проявлений личности, хотя многочисленные взаимосвязи позволили уточнить их содержательное наполнение.

Итак, с одной стороны, в психометрическом понимании параметры реализуемости–барьерности ценностей оказались устойчивы, с другой стороны, они способны существенно изменяться, отражая возникающие в жизненном пространстве барьеры. Это может означать, что операционализированный в них конструкт отражает некоторое динамическое качество открытой психологической системы, порождаемое в ходе ее становления и выполняющее определенные функции в этом процессе. Раскрыть их позволяют следующие выявленные факты, свидетельствующие о функциональной роли тенденций согласования и рассогласования в специфике организации жизненного пространства*, выражающейся в характеристиках его «объемности», фигуровом рельефе, центрации вовне или вовнутрь.

Первая группа таких данных получена при соотнесении индексов континуума барьерности–реализуемости с разноуровневыми **механизмами структурирования образа мира**. При исследовании взаимосвязи с **когнитивными стилями** как устойчивыми индивидуальными способами организации личностно-нейтральных перцептивных и семантических содержаний [20] обнаружено, что высокая выраженность *реализуемости* связана с *полезависимостью* и *узким диапазоном эквивалентности*, а *барьерность* – с *независимостью от поля* и *широким диапазоном эквивалентности* [14].

В соотнесении с устойчивыми механизмами восприятия и осознания личностно-значимой информации – **защитными механизмами**, позволяющими трансформировать отдельные сегменты образа мира с целью устранения или преобразования информации, субъективно оцениваемой как угрожающей, установлено, что сдвиг в континууме барьерности–реализуемости в направлении полюса *барьерности* прямо связан с высокой выраженностью защитных механизмов *компенсации, регресса и замещения* [13]. Содержательное пересечение этой триады в отличие от других защитных механизмов обнаруживается в том, что они трансформируют или само действие, направленное на реализацию побуждения (смена содержания действия и способа его осуществления характерна для регресса и компенсации), или объект, на который оно направлено (смена объекта характерна для регресса и замещения). При этом все они подразумевают активные действия по реализации побуждения, тогда как другие защитные механизмы действуют в основном через трансформацию воспринимаемого образа ситуации. Это значит, что выраженность барьерности связана с большей приемлемостью действий или объектов, не прямо соответствующих побуждению, тогда как реализуемость отражает стремление действовать, не подменяя ни способы действий, ни объекты другими, менее соответствующими побуждению. В свете последнего содержательно проясняется и прямая связь индекса реализуемости с узким диапазоном эквивалентности (для оценки объектов как сходных необходимо весьма точное их соответствие друг другу), а выраженной барьерности – с широким диапазоном эквивалентности как проявлением меньшей требовательности к точности соответствия объектов.

Более сложным для интерпретации является несколько парадоксальная для области исследований когнитивных стилей связь каждого из индексов одновременно как с показателями высокой, так и низкой артикулированности опыта: например, связь индекса реализуемости и с узким диапазоном эквивалентности, и с полезависимостью. Такая внутренне неоднородная конфигурация связей должна быть объяснена в какой-то снима-

* В понимании термина «жизненное пространство» мы исходим из его значения, предложенного К. Левиным, оставляя за рамками данной статьи весьма актуальную для современной психологии тему его соотношения с другими аналогичными понятиями, а также варианты его трактовки разными авторами, в том числе и в ТПС.

ющей данное противоречие модели, объясняющей специфический способ построения образа мира и организации жизненного пространства.

Другая группа данных соответствует описанию жизненного мира через оппозицию векторов его динамической направленности вовнутрь или вовне. Во-первых, обнаружено, что при соответствии психологического возраста человека его хронологическому возрасту, т.е. темпоральной локализации *«внутри»*, обнаружена большая *реализуемость* ценностей, а при их расхождении, когда человек ощущает себя младше или старше хронологического возраста, т.е. локализации *«вовне»*, выше показатели *барьерности* [1, 15]. Причем зафиксирована прямая линейная зависимость: чем дальше человек в возрастном самосознании от своего хронологического возраста, тем сильнее выражена барьерность, а чем он к нему ближе, тем больше выражена реализуемость личностных ценностей. Во-вторых, выявлено соответствие преобладания барьерности или реализуемости ценностей фазам развития личности в рамках *стабильной социальной общности*: при *вхождении* в новую социальную общность и *подготовке к выходу* из освоенной социальной общности *преобладает барьерность*, а в рамках *освоенной* социальной общности – *реализуемость* ценностей [11]. Это соотношение также отражает центрацию жизненного мира внутри обретенной действительности или направленность на выход за ее пределы.

В контексте представлений об образе мира как системе генерируемых гипотез тенденции согласования и рассогласования можно рассматривать как механизмы, сдвигающие процесс выдвижения гипотез в определенном направлении. Тенденция согласования способствует обнаружению признаков присутствия ценности в той или иной жизненной ситуации и фиксирует человека на соответствующих ей моментах. Тенденция рассогласования, напротив, фиксирует внимание на несоответствии характеристик наличной ситуации той или иной личностной ценности, инициируя их поиск за ее пределами. Для понимания же того, с чем связано направление сдвига в генерировании гипотез, необходимо расширить теоретическую платформу их осмысления и привлечь соответствующие описываемым феноменам теоретические модели. Базовой основой может выступить теория психологических систем [6], в рамках которой обе тенденции можно рассматривать как формы открытости психологической системы, отличающиеся направлением ее расширения. Последние могут быть конкретизированы через описанные Д.А. Леонтьевым [7] фазы экзистенциального цикла взаимодействия человека с миром, отражающие его «горизонтальную» смысловую динамику.

В случае преобладания *реализуемости* направление расширения жизненного пространства, претворение собственных возможностей осуществляется вглубь той или иной предметности, ценность и смысл которой уже установлены, и развитие всей системы идет в первую

очередь через предметно-специфические интеллектуальные, операционные возможности освоения мира. Реализуя обретенный ценностно-смысловой потенциал, человек растворяется в соответствующей тенденциям его становления предметности, что и обеспечивается фокусировкой на ближние планы образа мира [5], сосредоточенностью на локальном и точном отражении того, что находится в пределах актуально реализуемых жизненных отношений в пределах совокупности осуществляемых деятельностей и их операционально-смысловых и действенных полей. Основной «фигурой» является ближайшее пространство, что отражает погруженность, максимальную включенность в актуальное жизненное пространство и отсекает все постороннее. Этим и можно объяснить обнаруженную связь реализуемости одновременно и с узким диапазоном эквивалентности, и с полезависимостью как проявлением чуткости к возникающим в наличном смысловом поле возможностям действия. Данное состояние можно назвать смысловой *опредмеченностью*, и оно соответствует фазе *экзистенциальной закрытости*.

В случае преобладания тенденции *барьерности* направление расширения жизненного пространства можно определить как поиск, точнее, порождение новой ценностно-смысловой действительности. Это требует «примеривания» к себе локализованных в более отдаленных областях жизненного пространства возможностей, «прислушивания» к своим переживаниям, чувствованиям для опознания иного как «своего», соответствующего тенденциям становления своего жизненного мира. Поэтому структурирование фигуро-фоновых соотношений жизненного пространства диаметрально противоположно, преобладает ориентация на дальние планы образа мира, а ближние становятся «фоном». Поиск новых возможностей именно как своих требует их соотнесения с внутренними критериями, обращая «внутреннее зрение» на себя, поэтому в качестве «фигуры» выступают собственные чувства, стремления, что и проявляется как полнезависимость. Это состояние смысловой *распредмеченности*, *экзистенциальной открытости* новым смыслам.

В отличие от саморегулирующихся систем, в которых контур саморегуляции включает в качестве акцептора действия некую «модель потребного будущего», к которой система стремится и которая в силу этого выполняет функцию выбора направления корректирующих действий, относительно самоорганизующихся систем встает проблема механизма выбора направления жизненного самоосуществления, определения или создания тех возможностей, которые на следующем шаге будут определять новую действительность жизненного мира. Здесь не может быть точно и конкретно заданной «модели потребного будущего», но не может и не быть никаких ориентирующих систему в ходе ее становления механизмов. Следовательно, должна быть некоторая от-

крытая модель возможного будущего, соответствующая потенциальному Я, которое еще не появилось, но появление которого соответствует тенденциям развития человека, их предчувствие и становится ориентиром в выборе тех или иных ценностно-смысловых направлений собственного бытия в будущем. В такой модели становящемуся Я, ищущему свое, которое соответствует себе уже не сегодняшнему, а завтрашнему, для поиска в поливариативном будущем нужен широкий взгляд, в ракурсе которого очень многое может казаться соответствующим себе (широкий диапазон эквивалентности). Но сопровождается он ориентацией на себя (полнезависимость), поскольку критерии поиска – в чувственно-эмоциональном переживании себя «с забросом в будущее». Фактически поисковый характер данного состояния подтверждается и выявленной связью индекса барьерности с полюсом радикализма как отражающим стремление к переменам, и в тенденции к повышению тревожности вследствие увеличения неопределенности жизненного мира в переходных состояниях. В свою очередь, преобладание реализуемости, означающее большую его стабильность (связь с полюсом консерватизма), проявляется в меньшей тревожности.

В рамках предложенной интерпретации получает объяснение кажущаяся противоречивость полученных данных, а именно устойчивость и изменчивость параметров барьерности–реализуемости, их связь с высокими и низкоартикулированными способами структурирования опыта. Это противоречие снимается, поскольку каждому из полюсов соответствует определенный способ структурирования жизненного пространства, функционально связанный со спецификой фазы экзистенциального цикла взаимодействия человека с миром. Сам же конструкт «схватывает» глубинные пласты жизненного пространства, выражающиеся в специфике его пространственно-временной организации.

Взгляд на барьерность–реализуемость личностных ценностей как один из механизмов, позволяющих человеку строить жизнь именно как свое произведение и ориентирующих его на этом пути, возможно, является одним из шагов в направлении построения целостной модели процесса, обеспечивающего как порождение самих возможностей жизненного выбора, так и его осуществления в рамках гетеростатического подхода к становлению жизненного мира человека. Созидание жизни, порождение возможностей своего становления человеком и выбор из них требуют механизмов, обеспечивающих соответствие двум противоположным требованиям, – необходимости учитывать изменяющегося человека в изменяющемся

мире и сохранять при этом идентичность и преемственность общего направления самоосуществления. В частности, это может обеспечиваться особым типом постановки жизненных целей, которые задают и некоторые ориентиры, и в то же время обладают особым качеством, предусматривающим их гибкость, возможность широкого варьирования и разнообразной конкретизации, поэтому часто они в высокой степени ценностно нагружены, но в конкретном своем воплощении – расплывчаты и обобщены. В свою очередь, это может создавать проблему верификации их достижения, в результате чего становятся возможны ее разные варианты: от довольства малым до постоянной неудовлетворенности достигнутым, когда игнорируются реальные достижения.

Понимание механизма барьерности–реализуемости личностных ценностей как функционального может быть дополнено типологическим подходом, в соответствии с которым разные режимы функционирования механизма при их *фиксации* могут стать индивидуально-типической характеристикой жизненного мира человека. Как совершенно справедливо указывает Э.В. Галажинский [3], только имея в виду общесистемный характер механизма, можно говорить о его индивидуальных проявлениях на уровне типов личностей. Существование последних дает возможность изучать и описывать сам механизм через выявление его констелляций с другими устойчивыми психологическими образованиями, однако мы считаем это лишь вспомогательным средством исследования и предпочитаем акцентировать в его рассмотрении универсальную для типологически разных людей функцию в становлении жизненного мира, подчеркивая динамический характер описываемых констелляций.

В целом можно констатировать соответствие феноменологии, обнаруженной в исследованиях механизма барьерности–реализуемости личностных ценностей, задаваемой теорией психологических систем предметности психологии. Исследование данного механизма дополняет представления о закономерностях динамики ценностно-смысловых измерений жизненного мира, связанных со структурированием жизненного пространства человека. При этом возникает ряд задач, связанных как с необходимостью теоретического сопоставления исходных базовых понятий, близких друг другу, но тем не менее имеющих различия в их трактовках, так и с необходимостью развития представлений о разных аспектах преобразования и трансформации самого ценностного измерения в ходе становления жизненного мира человека в периоды взрослости.

Литература

1. Алексеева Е.Ю., Салихова Н.Р. О взаимосвязи степени барьерности смыслообразования в контексте личностных ценностей и психологического времени личности // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы Второй Всероссийской научной конференции. Казань: Новое знание, 2006. С. 5–9.
2. Виллюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во МГУ, 1990.
3. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности: Дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2002.

4. Кабрин В.И. Транскоммуникативные основания анализа ценностного мира человека // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 94–122.
5. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: Изд-во МГУ, 1995.
6. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005.
7. Леонтьев Д.А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): Материалы международной конференции. М.: Смысл, 2005. С. 36–49.
8. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
9. Лэнгле Л. Введение в экзистенциально-аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 3–21.
10. Некрасова Е.В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека: Дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2005.
11. Салихова Н.Р. Типы смыслообразования в контексте личностных ценностей. Казань: Издательский центр КГУ, 2005.
12. Салихова Н.Р. Жизненное пространство личности в зависимости от барьерности или реализуемости ценностей // Известия Тульского государственного университета. Сер. Психология / Под ред. Е.Е. Сапоговой. 2006. Вып. 6. С. 149–165.
13. Салихова Н.Р. Соотношение барьерности–реализуемости личностных ценностей и защитных механизмов личности // Известия Тульского государственного университета. Сер. Психология / Под ред. Е.Е. Сапоговой. 2006. Вып. 7. С. 163–179.
14. Салихова Н.Р. Соотношение барьерности–реализуемости личностных ценностей и когнитивных стилей // Поверх барьеров: человек, текст, общение: Тезисы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.А. Леонтьева / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 101–103.
15. Салихова Н.Р. Соотношение психологического возраста и реализуемости личностных ценностей // Время пути: исследования и размышления / Под ред. Р.А. Ахмерова, Е.И. Головахи, Е.Г. Злобиной и др. Киев: Изд-во Института социологии НАН Украины, 2008. С. 175–187.
16. Салихова Н.Р. Реализуемость личностных ценностей в ситуации жизненного кризиса // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 1. С. 44–51.
17. Сапогова Е.Е. Типы экзистенциальных ожиданий в Ego-trip нарративах // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы Второй Всероссийской научной конференции. Казань: Новое знание, 2006. С. 42–46.
18. Фанталова Е.Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов // Психологический журнал. 1992. Т. 13, № 1. С. 107–117.
19. Четошишкова Е.В. Эмоционально-ценностные основания рефлексивной оценки жизненного самоосуществления: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2008.
20. Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. М.: ПЕР СЭ, 2002.
21. Buhler Ch., Allen M. Introduction into Humanistic Psychology. Belmont: Brooks/Cole, 1972.
22. Nuttin J. Motivation, planning and action: a relation theory of behavior dynamics. Leuven: Leuven University Press; Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1984.

REALIZABILITY OF PERSONALITY'S VALUES IN MAN'S LIFE SPACE FORMATION
Salihova N.R. (Kazan)

Summary. Mechanism «barrier-realizability» of personality's values that organizes a life space is studied as a dynamic component of human life world. A summary of empirical data shows that functionally it is connected with the other mechanisms of the world-scheme (cognitive styles, mechanisms of psychological defense) and psychological age. This provides adequate to existential cycles of human-and-world interaction states of world-scheme «focusing».

Key words: life space; realizability of personality's value; world-scheme; psychological age.

К ВОПРОСУ О ПЛАСТИЧНОСТИ СВОЙСТВ ТЕМПЕРАМЕНТА

Ю.И. Савченков, Е.Ю. Петросян (Красноярск)

Аннотация. Обсуждаются результаты исследований особенностей проявления свойств и черт темперамента при воздействии на человека разных внутренних и внешних факторов. Приводятся данные о диапазоне изменчивости отдельных формально-динамических свойств психики у людей, обсуждается концепция широкой пластичности свойств темперамента.

Ключевые слова: темперамент; пластичность свойств; зависимость от состояния организма.

Большинство практикующих врачей, психологов и многих физиологов до сих пор убеждены, что темперамент является одной из самых стабильных и жестких генетически запрограммированных составляющих личности человека. Так, В.М. Русалов [10] считает, что в основу темперамента следует вкладывать только такие индивидуальные свойства личности, которые не подвергаются изменениям ни в течение жизни, ни в каких-либо экстремальных ситуациях. Однако исследования ряда авторов показывают, что некоторые черты и характеристики структуры темперамента могут изменяться. В литературе существует достаточно много доводов в пользу этого мнения: показано, что характер человека, стиль и степень его реагирования на те или иные раздражители, динамика его психологических проявлений и поведения могут изменяться в разнообразных жизненных ситуациях, при заболеваниях, таких физиологических состояниях, как беременность, стресс и т.д. Доказано, что соотношение генотипической и фенотипической составляющих свойств темперамента может варьировать. В связи со сказанным нам представляется актуальной проблема изучения потенциально возможного диапазона изменчивости и пластичности темпераментальных свойств при воздействии на человека различных внешних и внутренних факторов и зависимости величины этого диапазона от возраста, типа темперамента, пола, национальных особенностей и состояния здоровья конкретного индивидуума. Такие исследования могут существенно расширить наши представления о механизмах становления и развития формально-динамических свойств личности, а также о совокупности внутренних и внешних факторов, способных изменить спектр характерных для индивидуума темпераментальных свойств. Поэтому целью нашего исследования было выявление тех черт темперамента, которые демонстрируют наиболее высокую пластичность при воздействии на человека различных внешних или внутренних факторов.

В исследованиях темперамента мы опирались на представления В.М. Русалова [9–12] о структуре формально-динамических свойств личности, основанные на функциональном системном подходе. По В.М. Русалову, структура темперамента включает в себя энергетические, темповые, ритмические характеристики и эмоциональность в предметной и социальной (интеллектуальной и коммуникативной) сферах деятельности.

Анализ базы данных включает материал, полученный от 3500 респондентов – мужчин и женщин в возра-

сте 17–75 лет, проживающих в городах Красноярске и Абакане и протестированных с помощью вопросников ОСТ Русалова [8] и DOTs-R Томаса [2]. Все полученные результаты подверглись необходимой статистической обработке с вычислением средних величин и средней ошибки ($M \pm m$) и показателя достоверности различия (p) по t -критерию Стьюдента. Различия считали значимыми при $p < 0,05$. В ряде случаев использовался дисперсионный анализ. Обработка полученных данных проводилась при помощи программ BIostat, Statistica 6.0 и электронных таблиц MS Excel 2000.

В результате проведенных исследований были получены следующие результаты [5–7, 13].

Во-первых, выявлены региональные особенности черт темперамента и его структуры и определены нормативы соответствующих показателей для жителей Восточной Сибири. Так, у жителей Красноярска значения почти всех показателей предметной и социальной деятельности, за исключением предметной эргичности и социальной эмоциональности, оказались больше, нежели в Москве. Особенно это касается женской половины населения. Вообще гендерные отличия свойств темперамента являются очень выраженными и заключаются в том, что у мужчин явно преобладают черты, связанные с предметной деятельностью, – эргичность, пластичность и темп и достоверно ниже показатели эмоциональности и черт темперамента, связанных с социальной деятельностью. Выявлена достоверная разница между индексами предметной и социальной активности, что свидетельствует о преобладании у мужчин предметной активности, а у женщин – социальной. Исследования черт темперамента по Томасу показали достоверное преобладание у женщин, по сравнению с мужчинами, значений таких черт, как общая активность, интенсивность, чувствительность, и более низкую отвлекаемость, т.е. как раз таких черт поведения, которые обуславливают успешность социальных действий и определяют эмоциональность.

Обнаруженная нами динамика возрастных изменений черт и структуры темперамента хорошо сочетается с многократно описанными как в психологической литературе, так и в научных геронтологических исследованиях особенностями характера, общей активности и эмоциональности у пожилых людей [14–16]. Оказалось, что по мере старения человека степень проявления черт темперамента закономерно меняется. Причиной таких

изменений следует считать, по всей вероятности, теморфотонкциональные перестройки в нервной системе, которые сопровождают старение. Это тем более ве-

роятно, что общая динамика возрастных изменений каждой из выявляемых по Томасу черт темперамента у мужчин и у женщин одинакова.

Т а б л и ц а 1

Структура темперамента русских и хакасов

ПОКАЗАТЕЛИ	Русские женщины (570)	Хакаские женщины (289)	Русские мужчины (184)	Хакаские мужчины (156)
Эргичность предметная	4,51±0,10	3,96±0,12	5,10±0,18	4,78±0,18
Эргичность социальная	5,50±0,07	5,02±0,11	5,20 ± 0,18	4,70±0,17
Пластичность предметная	5,84±0,11	4,57±0,16	6,45±0,30	5,56±0,24
Пластичность социальная	4,30±0,09	4,77±0,40	4,27±0,19	4,11±0,26
Темп предметный	5,75±0,09	5,28±0,14	5,88±0,25	5,84±0,28
Темп социальный	4,15±0,06	3,73±0,19	3,82±0,20	3,86±0,21
Эмоциональность предметная	3,87±0,07	4,95±0,36	4,32± 0,17	3,25±0,24
Эмоциональность социальная	3,71±0,06	4,02±0,08	4,67 ± 0,16	3,16±0,22
Индекс общей эмоциональности	7,58±0,14	8,97±0,24	8, 99± 0,18	6,41±0,33
Индекс общей активности	30,04±0,34	27,33±0,58	30,72±0,91	28,85±0,59

Примечание. Полужирным шрифтом выделены показатели хакасов, значимо (на уровне $p < 0,05$) отличающиеся от показателей русских респондентов.

Т а б л и ц а 2

Структура темперамента у здоровых и больных жителей Красноярска

ПАРАМЕТР М + -m	Здоровые	Больные	Мужчины		Женщины	
	Все N = 2047	Все N = 563	Здоровые N = 1224	Больные N = 151	Здоровые N = 823	Больные N = 412
Эргичность предметная	6,46±0,04	6,18±0,05	6,70±0,06	6,17±0,09	6,11 ± 0,06	6,18±0,06
Эргичность социальная	8,42±0,05	7,95±0,08	8,52 ± 0,08	7,53±0,09	8,26 ± 0,06	8,11±0,08
Пластичность предметная	7,14±0,04	5,88±0,07	6,97±0,05	6,62±0,07	7,41 ± 0,06	5,61±0,07
Пластичность социальная	6,73±0,03	5,46±0,07	5,93±0,05	5,13±0,07	7,92 ± 0,06	5,59±0,07
Темп предметный	6,95±0,05	7,16±0,04	7,79±0,07	7,89±0,04	5,71± 0,06	6,93±0,05
Темп социальный	6,25±0,06	7,21±0,07	6,59±0,08	6,75±0,08	5,74 ± 0,07	7,38±0,06
Эмоциональность предметная	6,67±0,06	7,41±0,06	6,35 ± 0,05	5,96±0,04	7,15± 0,07	7,95±0,08
Эмоциональность социальная	6,23±0,07	7,73±0,07	5,80 ± 0,06	6,22±0,07	6,87± 0,07	8,29±0,06
Индекс общей эмоциональности	12,90±0,13	15,05±0,13	12, 90±0,11	11,76±0,12	14,03± 0,14	16,25±0,15
Индекс общей активности	41,95±0,35	35,00±0,45	42,50±0,40	34, 0±0,41	41,15± 0,40	35,05±0,40

Примечание. Выделены значимые ($p < 0,05$) отклонения показателей больных от соответствующего показателя здоровых респондентов.

Материал, полученный нами при исследовании коренных жителей Хакасии, демонстрирует наличие этнических особенностей формально-динамических свойств личности у представителей хакасской национальности [1]. В отличие от русских, у хакасских респондентов, как правило, менее выражены показатели активности поведенческих проявлений в предметной и в социальной сферах деятельности, они менее эмоционально реагируют на жизненные ситуации. Сказанное касается как женщин, так и мужчин, хотя половые особенности темперамента выявляются и здесь. Направление отклонений «женских» черт темперамента от «мужских» у хакасов в целом такое же, как и у русских, и это лишний раз доказывает роль специфического гормонального статуса в формировании свойств нервной системы, детерминирующих развитие психических

свойств, в том числе и темпераментальных особенностей личности у представителей любой национальности, т.е. гендерные особенности психики имеют общечеловеческое значение. А вот тот факт, что у хакасов обоего пола вектор отклонений от показателей русских респондентов одинаков, на наш взгляд, определяется именно теми генетически детерминированными особенностями нервной системы, которые характерны для хакасского этноса. В принципе, обнаруженные нами особенности темпераментальных черт хакасов могут объяснить те особенности национального характера, которые присущи этим людям. Анализ полученных материалов (табл. 1) позволяет заключить, что как среди женщин, так и среди мужчин хакасской национальности относительно больше представителей спокойных ВП-типов (спокойного лабильного и спокойного ригидного) и заметно мень-

ше лиц с интенсивными типами черт темперамента, особенно интенсивного лабильного типа. Что касается ОСТ-типов темперамента, то у представителей хакасского этноса существенно выше, чем у представителей русского этноса, процент людей с низкоэмоциональным низкоак-

тивным (НЭНА) типом ОСТ и меньше людей с высокоэмоциональным высокоактивным типом темперамента (ВЭВА). Судя по результатам исследования, практически половина хакасов и хакасок характеризуются низкой эмоциональностью и низкой активностью.

Т а б л и ц а 3

Структура темперамента в разные сроки беременности

Показатели структуры темперамента (ОСТ) по Русалову	Небеременные n = 823	1-й триместр n = 38	2-й триместр n = 58	3-й триместр n = 115
Эргичность предметная	6,11 ± 0,06	5,3±0,20	6,8±0,24	6,4±0,16
Эргичность социальная	8,26 ± 0,06	6,7±0,19	7,3±0,22	7,7±0,17
Пластичность предметная	7,41 ± 0,06	6,9±0,22	6,6±0,23	6,5±0,15
Пластичность социальная	7,92 ± 0,06	5,6±0,25	4,2±0,18	5,3±0,15
Темп предметный	5,71 ± 0,06	5,1±0,19	6,1±0,17	6,5±0,17
Темп социальный	5,74 ± 0,07	5,5±0,20	6,0±0,21	6,8±0,14
Эмоциональность предметная	7,15 ± 0,07	6,8±0,18	7,9±0,23	7,6±0,15
Эмоциональность социальная	6,87 ± 0,07	6,9±0,31	8,0±0,19	7,8±0,17

Примечание. Выделены показатели, значимо (на уровне $p < 0,05$) отличающиеся от показателей небеременных.

Половые, возрастные, этнические особенности темпераментальных свойств детерминированы генетическими факторами. Нам удалось доказать, что и другие, как физиологические, так и патологические факторы, воздействуя на организм, способны изменять характер проявления многих формально-динамических свойств психики.

Исследования особенностей структуры темперамента у людей, страдающих легочными, сердечно-сосудистыми заболеваниями, а также заболеваниями пищеварительной или нервной системы в стадии ремиссии, позволили убедиться в том, что, во-первых, болезнь накладывает своеобразный отпечаток на проявление черт темперамента, во-вторых, эти влияния имеют выраженную половую дифференциацию (табл. 2) [4, 5, 7]. Изменения показателей структуры темперамента в значительной степени зависят от пораженной физиологической системы. Правда, о какой-либо специфичности во влияниях той или иной нозологии на структуру темперамента говорить сложно, однако несомненно, что в зависимости от тяжести заболевания, его отношения к той или иной физиологической системе, характера воздействия на психическую сферу степень влияния болезни на поведение и его направленность разнятся.

Все изложенное убеждает нас в том, что диапазон возможных изменений темпераментальных свойств в зависимости от состояния организма и воздействия на него разнообразных средовых факторов достаточно широк. Однако судить о степени изменчивости темперамента по распределению этих свойств у представителей разных популяционных групп респондентов трудно. Необходимы исследования динамики изменения свойств темперамента у одного и того же человека при изменении его состояния или воздействии на него внешних факторов.

Хорошей моделью для проведения такого рода исследования является беременность, которая длится у

человека достаточно долго, чтобы проявились изменения черт темперамента, и в то же время не настолько длительно, чтобы нельзя было бы в рамках одного исследования проследить за динамикой темпераментальных свойств у женщины в течение беременности. Такие исследования были нами поведены на базе Красноярского центра планирования семьи и родильных домов Красноярска.

Оказалось, что после оплодотворения, параллельно с развитием гестационной доминанты и соответствующих перестроек нервной системы беременных, у них происходят закономерные изменения выраженности формально-динамических свойств психики. Эти отклонения имеют различную степень и направление в разные триместры беременности, имея в целом тенденцию нормализации к ее окончанию [3].

Выраженные изменения темпераментальных свойств (по варианту ОСТ В.М. Русалова) происходят уже в первом триместре беременности, до 12-й недели внутриутробного развития плода (табл. 3). В это время протекают такие важнейшие процессы, как плацентация, интенсивный органогенез, а в ЦНС матери формируется выраженная гестационная доминанта. У женщины меняются не только показатели активности, пластичности поведения в сфере предметной и особенно социальной деятельности, но происходит и заметное понижение эмоциональности. К концу гестации все эти отклонения постепенно сглаживаются и степень проявления темпераментальных свойств приближается к исходным значениям. Определенные закономерные изменения у беременных в ходе гестации претерпевает и система черт темперамента, определяемых вопросником А. Томаса (активность, целеустремленность, прочность стереотипов).

Полученный нами в течение ряда лет материал доказывает, что проявления темпераментальных свойств достаточно пластичны и у одного и того же респондента могут меняться при изменении состояния организма

или воздействию на него различных факторов. При этом попытка присвоения человеку того или иного жесткого типа темперамента обречена на провал, ибо даже если ориентироваться на свойства нервной системы, как это делал И.П. Павлов, то, учитывая современную структуру свойств нервной системы, мы должны иметь несколько десятков возможных типов ВНД. Поэтому современная психология ориентируется на выявление характерных для каждого человека комплексов темпераментальных свойств. Наши данные показывают, что при воздействии на индивидуума как внешних, так и внутренних факторов спектр свойств темперамента может изменяться в достаточно широких пределах.

Хотя вариантов значения термина «пластичность» много, и в психологии, генетике или физиологии он может быть разным, в самом общем виде **пластичность** – это способность менять черты, свойства объекта, оставаясь самим собой, меняться самому в определенных границах. Пластичность – это *количественный* аспект превращений. Пластичность предполагает обратимость произошедших изменений. По отношению к темпераментам пластичность, по нашему мнению, означает наличие возможности в определенном диапазоне менять степень проявления тех или иных черт поведения, характерных для каждого темперамента.

Широкий диапазон изменений степени выраженности того или иного свойства темперамента позволяет с полным правом говорить о высокой пластичности темпераментальных свойств. Состояние нервной системы и высшей нервной деятельности находится под влиянием внешних раздражителей и состояния организма (метаболизм, поток патологической импульсации, изменения гомеостаза и т.п.). Фактор «перенапряжения» количественных и качественных проявлений ВНД при выраженных изменениях внешней или внутренней среды может иметь значение и при рассмотрении проблемы пластичности темперамента. Поскольку темперамент включает в себя базовые характеристики личности, зависящие от особенностей протекания основных корковых процессов, и степень проявления темпераментальных свойств тоже должна определяться состоянием нервной системы в целом и высшей нервной деятельностью в частности.

Какие черты темперамента более всего подвержены видимым изменениям? Есть ли такие темпераментальные свойства, степень выраженности которых вообще не меняется ни при каких условиях? Для ответа на этот вопрос мы провели ранжирование свойств, выявляемых вопросниками ОСТ и DOTS A. Томаса, по максимальной величине отклонений от средних значений здоровых субъектов (в процентах), которые были отмечены у респондентов, страдающих каким-либо заболеванием, у беременных или пожилых людей. Параллельно вычислялась величина межгрупповой дисперсии. Результаты такого ранжирования представлены в табл. 4.

Оказалось, что в системе ОСТ нет ни одной черты темперамента, которая бы оставалась прежней при изменении состояния организма, однако пределы (диапазон) пластичности того или иного темпераментального свойства различны. Наиболее пластичными из изученных черт в структуре ОСТ по Русалову являются показатели эмоциональности, особенно социальной, и эргичности. Диапазон пластичности свойств темперамента при исследовании ОСТ при сравнении среднепопуляционных данных достигает 32% и не опускается ниже 20%. При анализе максимальных отклонений у лиц разных типов темперамента эти цифры могут измениться.

В системе черт темперамента по Томасу наиболее пластичными являются настроение, приближение, интенсивность, отвлекаемость и общая активность (диапазон пластичности этих свойств колеблется от 28 до 18%). Меньше других черт при изменении соматического состояния организма отклоняются такие показатели, как гибкость, ритм привычек и активность во сне. Если согласиться с принятыми в биологии допустимыми границами нормальных колебаний величины $\pm 15\%$, то этими отклонениями можно пренебречь.

Представленные в табл. 5 данные доказывают, что, во-первых, люди с разными ОСТ-типами темперамента при воздействии неблагоприятных факторов демонстрируют достаточно выраженный диапазон пластичности темпераментальных свойств, а во-вторых, что у лиц с разными ОСТ-типами спектр наиболее изменчивых свойств темперамента достаточно специфичен.

Обращает на себя внимание, что у лиц с низкой активностью, независимо от показателей эмоциональности, при заболеваниях или беременности отмечаются наиболее значимые отклонения всего спектра изучаемых ОСТ-опросником темпераментальных свойств. У лиц среднеактивных таких свойств в два раза меньше, а у респондентов с изначально высокой активностью – лишь два или три из восьми свойств темперамента демонстрируют значимые отличия от средних значений тех же показателей здоровых лиц такого же ОСТ-типа.

Существенно, что у представителей разных ОСТ-типов спектр наиболее пластичных и наиболее стабильных свойств различен. Так, у высокоэмоциональных высокоактивных (ВЭВА) респондентов значимо отклоняются только предметная и социальная эргичность и социальная эмоциональность, тогда как у представителей низкоэмоционального низкоактивного типа все изучаемые вопросником ОСТ свойства имеют значимый диапазон пластичности.

Очень важна проблема устойчивости темпераментальных свойств в течение определенного (длительного) времени, т.е. проблема «полезного времени» пластичности. К сожалению, в настоящее время этот вопрос не изучен.

Физиологическим обоснованием потенциальной возможности изменения свойств нервной системы, а вслед

Таблица 4

**Максимальные отклонения свойств и черт темперамента от среднепопуляционных значений
(без учета типа темперамента) при изменении состояния организма**

Ранг	Темпераментальные свойства	Межгрупповая дисперсия (здоровые/больные)	Макс. отклонения, %
Показатели свойств темперамента по В.М. Русалову (вопросник ОСТ)			
1	Эмоциональность социальная	973,0	40
2	Эмоциональность моторная	369,2	29
3	Эргичность социальная	314,9	29
4	Пластичность моторная	313,9	26
5	Темп социальный	231,7	23
6	Пластичность социальная	231,8	32
7	Эргичность моторная	149,5	30
8	Темп моторной деятельности	50,4	20
Показатели черт темперамента по А.Томасу			
1	Интенсивность	5,16	28
2	Приближение	4,50	28
3	Настроение	3,88	26
4	Общая активность	3,88	18
5	Настойчивость	3,44	25
6	Ритм сна	3,02	13
7	Отвлекаемость	2,29	18
8	Активность во сне	1,86	8
9	Чувствительность	1,47	14
10	Ритм привычек	1,09	6
11	Ритм еды	1,12	10
12	Гибкость	0,83	6

Таблица 5

Диапазон пластичности свойств темперамента у лиц с разными ОСТ-типами

Свойства темперамента	ОСТ-типы темперамента (процент максимальных отклонений)*								
	ВЭВА	ВЭСА	ВЭНА	СЭВА	СЭСА	СЭНА	НЭВА	НЭСА	НЭНА
Эргичность моторная	62	17	51	32	15	43	15	26	62
Эргичность социальная	26	18	48	5	39	21	11	27	53
Пластичность моторная	13	8	25	27	34	55	15	16	33
Пластичность социальная	11	24	54	46	39	21	11	7	26
Темп моторный	6	17	36	9	5	27	11	19	64
Темп социальный	14	14	26	12	25	22	3	9	64
Эмоциональность моторная	18	13	16	10	7	34	28	56	50
Эмоциональность социальная	15	14	30	7	7	22	39	34	37
Число значимо (>15%) меняющихся свойств	3	4	8	3	4	8	2	6	8

Примечание. *Процент максимальных отклонений от средней величины темпераментального свойства у здоровых респондентов соответствующего типа. Вектор отклонений не учитывался.

за ними и темпераментальных свойств могут служить данные о нейрохимических коррелятах возбудимости нервной системы. Различия в реактивности системы торможения поведения связывают с генетически детерминированным уровнем центральных медиаторов группы катехоламинов, в особенности норадреналина, а также серотонина [17]. Система активации поведения предположительно обеспечивается нейронными дофаминэргическими механизмами. Сказанное позволяет предполагать, что разнообразные и закономерные в условиях приспособления организма к новым факторам среды изменения вегетативного фона регуляции (преимущественно адренэргического или холинэргического) могут сопровождаться соответствующими изменениями стиля поведения и эмоциональности, а это уже формально-динамические свойства индивидуума, т.е. свойства темперамента.

Следует отметить, что изменчивость (или стабильность) типов темперамента целиком зависит от поло-

жения границ, разделяющих эти типы. Очень важны критерии разделения составляющих темперамент свойств по их значениям на низкие, средние и высокие: чем они уже, тем больше возможностей для изменения типа, чем шире пределы выделения типа и чем больше свойств его характеризуют, тем меньше потенциальные возможности для проявления изменчивости типа темперамента.

Более всего приближается к объективности отличий шкала ОФДСИ В.М. Русалова, но и тут неясно, почему избраны именно такие границы: средняя группа ограничена величиной нормы для популяции плюс-минус две трети сигмы, а не одна или две сигмы; почему, например, весь потенциальный диапазон проявления того или иного свойства темперамента в баллах нельзя разделить на равные отрезки? Для определения границ типов темперамента необходимы точные и убедительные обоснования, а их пока нет, да и вряд ли будут разрабо-

таны такие критерии, которые в полной мере удовлетворяют всех исследователей темперамента.

Итак, мы можем констатировать следующее.

1. Спектр формально-динамических свойств личности, определяющих свойственный каждому человеку тип темперамента, не является статичным, а в определенных условиях может изменяться, демонстрируя высокую пластичность составляющих его темпераментальных свойств.

2. Степень проявления темпераментальных свойств человека зависит от половых, региональных, этнических особенностей организма и его соматического строения и состояния.

3. Диапазон возможных колебаний степени проявления темпераментальных свойств индивидуален и зависит от величины и значимости воздействующего фактора и типа темперамента субъекта.

4. В основе пластичности темпераментальных свойств лежит высокая пластичность свойств нервной системы, в частности сила, уравновешенность и подвижность корковых процессов возбуждения и торможения, а также уровень интероцептивной импульсации и особенностями доминантного состояния нервных центров.

5. При проведении психофизиологических исследований темперамента следует руководствоваться региональными среднепопуляционными нормативами с учетом этнической принадлежности здоровых респондентов, их возраста и пола.

Заканчивая обсуждение представленного материала, мы должны признать, что проблема пластичности темпераментальных свойств и изменчивости темперамента оставляет больше вопросов, чем ответов. Исследования в этом направлении должны продолжаться. Однако мы надеемся, что полученные нами данные могут быть полезны при решении этой проблемы физиологии и психологии.

Литература

1. Караваева Е.Н., Петросян Е.Ю. Особенности структуры темперамента у представителей разных этнических групп Хакасии // Сибирское медицинское обозрение. 2005. № 2–3. С. 51–56.
2. Колпаков В.Г. Опросники для определения темперамента: Метод. рекомендации / Сост. В.Г. Колпаков и др. Красноярск: Фонд ментального здоровья, 1993. Вып. 1–6. 42 с.
3. Петросян Е.Ю., Савченков Ю.И., Карапчук Л.А. Динамика высшей нервной деятельности у женщин во время беременности // Сибирское медицинское обозрение. 2006. № 2. С. 46–49.
4. Петросян Е.Ю. Диапазон пластичности темпераментальных свойств при воздействии на человека различных факторов: Дис. ... д-ра мед. наук. Красноярск, 2007. 350 с.
5. Петросян Е.Ю., Солдатова О.Г. Темперамент и здоровье. Новосибирск: Наука, 2006. 260 с.
6. Петросян Е.Ю., Савченков Ю.И. Особенности черт и структуры темперамента у пожилых людей // Рос. физиол. журн. им. И.М. Сеченова. 2001. Т. 90, № 8, ч. 1. С. 186–187.
7. Петросян Е.Ю. Особенности черт и структуры темперамента у лиц с нарушением здоровья: Дис. ... канд. мед. наук. Красноярск, 1996. 300 с.
8. Русалов В.М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности: Метод. пособие. М., 1997. 35 с.
9. Русалов В.М. Международная конференция по диагностике темперамента, Билефельд, сент. 1987 // Психол. журн. 1989. Т. 10, № 4. С. 162–163.
10. Русалов В.М. О природе темперамента и его месте в структуре индивидуальных свойств человека // Вопр. психологии. 1985. № 1. С. 19–32.
11. Русалов В.М. Природные предпосылки индивидуального поведения как фактор становления индивидуальности человека // Журн. высш. нервной деятельности. 1989. Т. 39, вып. 3. С. 403–414.
12. Русалов В.М., Паралис С.Э. Темперамент и своеобразие когнитивной системы личности // Психол. журн. 1991. Т. 12, № 1. С. 118–123.
13. Савченков Ю.И. и др. Особенности черт темперамента у мужчин и женщин разного возраста // Сибирский медицинский журнал. 2005. № 1. С. 56–61.
14. Oles P.K. Towards a psychological model of midlife crisis // Psychol. Rep. 1999. Vol. 84, № 3, pt. 2. P. 1059–1069.
15. Taal L., Faber A.W. Posttraumatic stress and maladjustment among adult survivors 1 to 2 years postburn. Part 2: the interview data // Burns. 1998. Vol. 24, № 5. P. 399–405.
16. Carey W.B., McDevitt S.C. Revision for the Infant Temperament Questionnaire // Pediatrics. 1978. № 61. P. 735–739.
17. Rothbart M.K., Ahadi S.A., Evans D.E. Temperament and personality: origins and outcomes // J. Pers. Soc. Psych. 2000. Vol. 78, № 1. P. 122–135.

TO THE QUESTION ON PLASTICITY OF TEMPERAMENT PROPERTIES

Savchenkov J.I., Petrosyan E.J. (Krasnoyarsk)

Summary. The article presents the modern condition of the problem of temperament stability is considered. The results of the authors' researches of peculiarities of display of temperament properties and features at influence on the person of different internal and external factors are discussed. The data on a range of variability of separate formal - dynamic properties of people's mentality and own the authors' concept about wide plasticity of temperament properties are presented. It is offered to investigate in each separate case an individual spectrum of temperamental properties which is individual and depends both on the person's condition at the moment of research, and on the influence of external factors.

Key words: temperament; plasticity of properties; dependence on a condition of an organism.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ДИАГНОСТИКЕ ТВОРЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Н.И. Чернецкая (Ангарск)

Аннотация. Представлены современные требования к диагностике творческой сферы личности; описаны и обоснованы наиболее передовые подходы к тестированию творческого мышления и творческой личности. Дан пример операционализации творческой сферы личности как предмета эмпирического исследования.

Ключевые слова: творческая сфера; креативность; творческое мышление; психодиагностика; тестовые методы; операционализация.

Вопрос о тех требованиях, которые предъявляются к диагностике творческой сферы на современном этапе, актуален по нескольким причинам. Несмотря на востребованность и популярность диагностических инструментов, измеряющих креативность личности и уровень творческого мышления, упорядоченные требования к их применению отсутствуют. Неопределенным остается вопрос о единой психологической теории творческого мышления, и эта неопределенность влияет на рассмотрение проблем творческой сферы детей и взрослых, следовательно, и требования к диагностике творческой сферы остаются во многом разрозненными. Так, иногда под диагностикой творческой сферы ошибочно подразумевается диагностика способностей, иногда ее подменяют диагностикой интеллекта. Часто в процессе диагностики творческой сферы психологи-практики опираются лишь на некоторые ее параметры, например лишь на творческое мышление или только на креативность как личностное качество. При этом отсутствует целостность в описании творческой сферы, утрачивается своеобразие интеллектуальной деятельности конкретного испытуемого взрослого или ребенка.

Затрудняет диагностику творческой сферы и отсутствие однозначности в определении понятий «творческая сфера», «творческое мышление» и «творческая личность». Мы понимаем под творческой сферой всю систему сложных отношений между творческим мышлением и творческой личностью, т.е. творческая сфера представляет собой единство процесса творческого мышления и его личностной регуляции. В этом смысле понятие «творческая сфера» является интегральным и обобщающим по отношению к более узким понятиям психологии творчества. Соответственно, диагностика творческой сферы содержательно складывается из тестирования различных параметров творческого мышления и отдельных качеств творческой личности. Впрочем, на этом моменте мы остановимся подробнее позже.

Долгое время серьезным тормозом в изучении проблем творческой сферы являлось несовершенство применяемых методов диагностики творческой личности на основе биографий и автобиографий, мемуаров, а также методов, основанных на выявлении неопределенных личностных черт. Как отмечает Я.А. Пономарев, психодиагностика, психология способностей и познаватель-

ной деятельности и возрастная психология теперь ушли далеко вперед, но совершенного инструмента для диагностики творческой сферы так и не найдено [13].

Итак, основное требование, которое необходимо соблюдать, – это непереносимое единство в диагностическом процессе операциональной, предметно-содержательной и личностной сторон творческой сферы. Это требование – важное достижение современной психологии именно в силу развития системного и комплексного подхода к психической деятельности в целом и когнитивной деятельности в частности [5, 8–10]. Оно указывает на то, что элементарным минимумом в психологической диагностике творческой сферы должно быть измерение таких ее параметров, как творческое мышление, творческая мотивация, творческие качества личности. При этом каждый из названных параметров должен также изучаться детально: например, творческое мышление разбивается на параметры беглости, гибкости, оригинальности, точности или же в зависимости от его когнитивных сторон – практическое творческое мышление, вербальное творческое мышление, образное творческое мышление и т.д. Только так может быть достигнута целостность в изучении творческой сферы.

Если речь идет о возрастном аспекте творческой сферы и определении уровня ее развития у детей, то результаты такой диагностики должны иметь прогностическую ценность, т.е. указывать на творческие способности, связанные с реализацией возможностей ребенка в будущем, а не просто констатировать наличное состояние творческой сферы [19]. Этот принцип особенно актуален еще и потому, что в повседневной практике часто требуется довольно ранняя диагностика творческих задатков, когда когнитивные функции еще сформированы далеко не в полной мере. В этом случае речь вообще может идти только о потенциале. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы сама диагностика творческой сферы детей изначально была нацелена на потенциал, обрисовывала зону ее ближайшего развития.

К сожалению, на практике до сих пор диагностика творческой сферы иногда производится с помощью интеллектуальных тестов, которые в принципе не валидны для решения этой задачи. Хотя они чрезвычайно разнообразны, но диагностируют лишь один из компонентов творческой сферы – интеллектуальность, не захва-

тывают глубинных свойств личности и поэтому не могут претендовать на дальний прогноз развития творческих способностей. Мы признаем огромную роль данных тестов в диагностике когнитивного компонента творческого мышления, поскольку других методов для определения этого компонента крайне мало, однако подчеркиваем, что одной этой диагностики для работы с творческой сферой недостаточно. Комплексная методика должна включать информацию о личности, о регуляции творческого мышления.

Однако имеющиеся в специальной литературе попытки включить в исследование творческого потенциала изучение личности часто бывают ограничены малопродуктивным пониманием личности как совокупности абстрактных личностных черт (качеств, свойств), оторванных от конкретных условий их проявления в жизни. Возможно, это является следствием механистического использования факторных теорий психики, когда личность и познавательная деятельность ошибочно сводятся к простой совокупности однородных и рядоположенных качеств. Можно наблюдать, например, как иногда, говоря о качествах творческой личности, имеют в виду просто целенаправленность, открытость, заинтересованность и т.д. Иерархические отношения между личностными компонентами творческой сферы в таком подходе не учитываются, как не учитывается и специфическая мотивация творчества, лежащие за ним личностные смыслы и др. Таким образом, можно сформулировать соответствующее требование к методике: она должна основываться на реализации системно-личностного принципа, подходить к творческой сфере как к уровневой системе, раскрывать ее «слои» и различные стороны, а не просто описывать ее внешние поведенческие проявления [10, 12, 19]. Иначе говоря, при диагностике для нас более важны особенности мотивации, интегрирующая функция личности, чем личностные качества, которые в ситуации тестирования (а значит, и в прочих жизненных ситуациях) могут и не проявиться. В педагогической практике часто прибегают к предварительным индивидуальным беседам с учащимися, чтобы выяснить, насколько они субъективно заинтересованы в выполнении заданий, выясняют отдельные качества личности детей через беседы с педагогами и т.п. [19]. Желательно, чтобы в результате диагностики можно было точно охарактеризовать, как именно имеющийся творческий потенциал ребенка будет проявляться в повседневных ситуациях, т.е. необходимы психологически обоснованные выводы об особенностях реализации потенциала в учебной деятельности, в сфере межличностных отношений, в произвольной деятельности вообще, в искусстве или любимом деле.

Следующее требование, предъявляемое к диагностическим методикам, состоит в том, чтобы они могли быть дополнены другими методами, методиками или просто обсуждением результата с учащимися, т.е. ни

одна методика на выявление характера творческого потенциала не должна исключать применение одновременно с ней и других методик и, что еще более важно, не должна зависеть от текущего учебного процесса, если речь идет о диагностике школьников или студентов [13, 14]. Важно, чтобы психологи имели дело с подлинными результатами, а не со случайными успехами или неудачами детей в учебе.

Важно также, чтобы методика в комплексном виде была валидна по всем своим частям с методиками соответствующего плана (личностная часть должна дать тот же результат, что и отдельный личностный опросник, интеллектуальный компонент – что и интеллектуальный тест и т.д.), но конечный вывод о творческой сфере будет, конечно, особым. Важно, чтобы в результате проведенной работы можно было получить именно индивидуальный портрет творческой сферы испытуемого, в котором было бы описано, в чем заключается уникальность отношений между ее компонентами. Например, одни и те же проявления и результаты творческого мышления у разных людей могут регулироваться разными личностными качествами, разного рода мотивацией, и от этого будет зависеть, скажем, способ формирующего воздействия на творческую сферу (вид коррекционной программы).

Существует и особое требование, касающееся желательного совмещения в комплексном методе исследования субъективных и объективных методик. Другими словами, требуется оптимально совместить в исследовании то, что зависит от мастерства и интуиции диагноста, и то, что дается в качестве результата валидными и надежными методиками [14]. Строго формализованные тесты не всегда дают полное представление о креативности личности испытуемого, а субъективные методы имеют повышенную вероятность ошибки, поэтому требование об адекватном совмещении данных частей исследования становится все более актуальным и строгим. Применяемая методика должна содержать достоинства тех и других методов. Это может быть достигнуто, например, через тестовые батареи, которые для этого необходимо специально создавать.

Выше уже упоминалось о необходимости совмещать операциональную, предметно-содержательную и личностную стороны творческой сферы в психодиагностических методиках, и нелишним будет описать то, что имеется в виду под каждой из этих сторон. В современных тестах творческого мышления под операциональным аспектом подразумевается ряд специфических характеристик мыслительной и регулятивной функций: скорость нахождения решения в каждом конкретном случае, быстрота нахождения правильной стратегии, тактика нахождения решения, скорость обнаружения и использования ключевого принципа решения в ряду однотипных задач, скорость перехода от структурирования материала к его переструктурированию для скорейшего решения, быст-

рота обнаружения подсказок и скорость их приложения к материалу задачи, быстрота отнесения проблемы или задачи к определенному типу, быстрота смены вариантов решения, быстрота нахождения собственной ошибки и т.д. В результате можно выявить, насколько мыслительные характеристики ребенка могут быть основой его творческого мышления. Данный аспект позволяет исследовать творческое мышление у детей, чьи результаты по содержательному аспекту в силу возраста или каких-либо иных причин не могут быть показательны (например, у малышей 3–5 лет или даже ранее).

В целом развитую творческую сферу характеризуют высокие операциональные показатели: испытуемые быстро привлекают свой прошлый опыт для решения задач, быстро перебирают варианты, быстро переключаются на противоположные полюса проблемы, извлекают уроки из собственных промахов, с легкостью прикладывают уже найденное на новый материал, гибко сочетают мыслительные операции между собой, легко абстрагируются, мыслят практически [13]. Разумеется, уровень развития этих показателей зависит от возрастных особенностей, и для каждого онтогенетического периода существуют свои «пределы» воображения, мышления, мотивации, воли. Однако практически в любом возрасте для проявления и реализации творческой сферы необходимо это центральное условие – максимально сформированные, устремленные на зону ближайшего развития психические функции. И учет возрастной специфики, как уже было отмечено ранее, лежит в основе диагностики творчества.

Предметно-содержательный показатель иллюстрирует новизну и оригинальность результата, содержательную сторону предлагаемых решений (тем более, если верное решение не найдено и невозможно оценить продукт творчества), смелость мысли, нетривиальность использования привычных методов в новой задаче, амплитуду задействованных областей и вариантов, остроумие и практичность решения, его смелость, скорость мыслительного манипулирования от варианта к варианту, легкость использования случайных связей и посторонних предметов по отношению к основному материалу задачи и т.п. У творчески раскрепощенных людей предмет задачи изменяется быстро, легко, оригинально, под разными углами зрения, в разных приложениях и областях. Ребенок делает то же самое, но на своем психическом уровне, проявляя специфику своего возрастного периода.

Исходя из сказанного, можно сделать выводы о личностном компоненте диагностики творческой сферы. Этот компонент выражается в следующем: сила интегрирующей функции личности, проявляющаяся в согласованности всех компонентов психики, сила познавательной мотивации (насколько задача заставляет высвободиться творческий потенциал), сила мотива субъективной значимости, контроль за эмоциями в ходе поиска решения и т.д. [8–10, 19]. Разумеется, эти пара-

метры могут меняться от теории к теории, от ученого к ученому, но в целом их смысл остается неизменным.

В качестве классического примера хотелось бы теперь привлечь методические разработки зарубежных психологов, которые достигли особых успехов в изучении творческой сферы и тесты которых на творческое мышление стали своеобразными образцами. Речь идет о тестах Гилфорда и Торранса. Тесты Гилфорда наиболее успешно диагностируют интеллектуальный компонент и творческую вариативность. Гилфорд ввел понятие «дивергентное мышление» для определения такого типа мышления, когда решение задачи представляется испытуемым в нескольких вариантах, даже если этого и не требуется, что характеризует несомненно творческий подход, способность видеть и анализировать варианты, находить в задаче суть и на этой основе свободно мыслить [13]. Гилфордом было доказано, что наличие дивергентного мышления практически всегда означает и высокий интеллект, в то время как высокий интеллект сам по себе еще ничего не означает.

Поль Торранс разработал собственную батарею тестов, которые были созданы специально для детей разных возрастов, при этом Торранс учел в своих тестах все лучшее, что было разработано Гилфордом, и понятие дивергентного мышления также имеет место в его батареях и выражается в понятии «умственная активность». Под «творческостью» мышления Торранс понимал обостренную восприимчивость к некорректности связей, неверности форм, к пробелам, недостаткам, дефектам. Торранс полагал, что творческая восприимчивость к подобного рода вещам немедленно заставляет творческую сферу работать, преодолевать возникающее в творческом поиске внутреннее напряжение.

Соответственно, реализация творческого акта должна включать в себя ощущение недостаточности, дисгармонии, поиск возможных решений, генерирование и формулирование гипотез относительно решения проблемы и контроль (и исправления, если необходимо) за гипотезами, окончательную формулировку результата.

Тесты П. Торранса и в настоящее время отвечают необходимым стандартам и поэтому успешно используются, дополняются и адаптируются [1, 11, 14]. Среди самых удачных и популярных тестов П. Торранса можно назвать: «Создание картин», «Дополнение рисунков», «Линии», «Необычные вопросы», «Просто предложи» и т.д. [18].

Среди отечественных психологов проблему диагностики творческой сферы в возрастном аспекте развили и дополнили Д.Б. Богоявленская, О.К. Тихомиров, А.М. Матюшкин, Я.А. Пономарев, А.Г. Азарян и др. В частности, были введены понятия интеллектуальной активности и инициативы, которые теперь диагностируются при работе с творческой сферой [2, 3].

Также были проведены параллели между гипотетическим, реалистическим, синтетическим и творческим мышлением [13]. В настоящее время эти виды мышления понимаются скорее как его уровни.

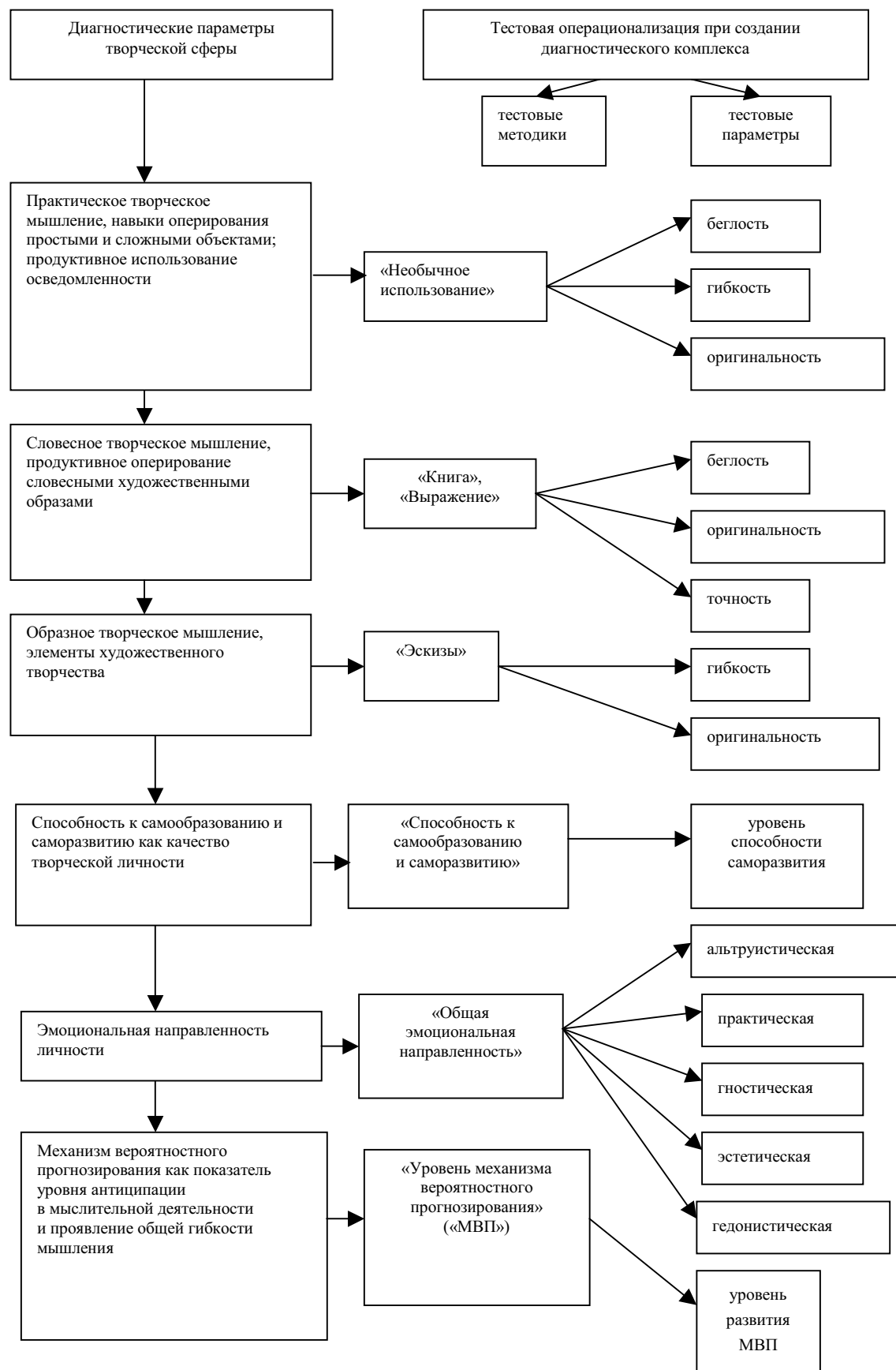

Рис. 1. Пример операционализации диагностических параметров творческой сферы в тестовые переменные

Однако проблема разрозненности диагностических средств при решении этой диагностической задачи остается актуальной. Конкретным способом ее преодоления может быть, например, следующий диагностический комплекс: батареи Гилфорда и Торренса (взяты хотя бы выборочно), а также их расширенные модификации, например «Необычное использование» И.С. Авериной и Е.И. Щеблановой [1, 14], методики изучения вероятностного прогнозирования (например, в модификации В.В. Гришина и П.В. Лушина [6]), методики личностного цикла (определение содержания эмоциональной направленности, способности к саморазвитию, содержание творческого мотива и др. [4, 6, 11, 14]). Один из вариантов такого диагностического комплекса представлен на рис. 1.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что необходимость создания подобных комплексов продиктована не кри-

тическим отношением к тестовым методикам, направленным на отдельные составляющие творческой сферы, а необходимостью подходить к творческой сфере комплексно. Именно комплексность, на наш взгляд, позволит изучить творческую сферу как интегральное образование и как феномен с богатой палитрой поведенческих и деятельностных проявлений.

Проблемы, связанные с психологической диагностикой, закономерно перетекают в проблемы формирующих техник и развивающей работы с творческой сферой в целом: из-за разрозненности диагностических инструментов возникает разрозненность и коррекционных инструментов. Поэтому основная перспектива в решении практических проблем, связанных с творческой сферой, – это, по-видимому, совершенствование инструментальных средств на базе обновленной системной теории творчества.

Литература

1. Аверина И.С., Щебланова Е.И. Вербальный тест творческого мышления «Необычное использование». М., 1996.
2. Богоявленская Д.Б. О предмете и методе исследования творческих способностей // Психологический журнал. 1995. № 5.
3. Богоявленская Д.Б. Об одном из подходов к исследованию интеллектуального творчества // Вопросы психологии. 1976. № 4.
4. Васильев И.А. Рефлексивный подход к изучению и развитию творческого мышления // Вопросы психологии. 1991. № 3.
5. Гальперин П.Я., Котик Н.Р. К психологии творческого мышления // Вопросы психологии. 1980. № 1.
6. Гришин В.В., Лушин П.В. Методики психодиагностики в учебно-воспитательном процессе. М., 1990.
7. Ермолаева-Томина Л.Б. Опыт экспериментального изучения творческих способностей // Вопросы психологии. 1977. № 4.
8. Кирнос Д.И. Индивидуальность и творческое мышление. М., 1992.
9. Коган И.М. Творческий поиск: энерго-мотивационный аспект // Вопросы психологии. 1992. № 1.
10. Коссов Б.Б. Творческое мышление, восприятие и личность. М., 1997.
11. Леонова М.А. Альтернативные методы диагностики одаренности (креативности) // Тез. докл. «Психология и практика» ежегодного Российского психологического общества. Ярославль, 1998. Т. 4.
12. Мусийчук М.В. Аффективно-когнитивная модель развития творческих способностей // Тез. докл. «Психология и практика» ежегодного Российского психологического общества. Ярославль, 1998. Т. 4.
13. Пономарев Я.А. Психология творчества и педагогика. М., 1976.
14. Туник Е.Е. Психодиагностика творческого мышления. СПб., 1997.
15. Чернецкая Н.И. Развитие творческого мышления школьников: Программа тренинговых занятий. Иркутск, 2002.
16. Чернецкая Н.И. Творческое мышление: проблемы и методы диагностики: Метод. указания. Ангарск, 2001.
17. Чернецкая Н.И., Терещенко А.Г. К вопросу о проблемности изучения творческого мышления школьников // Психология на рубеже веков: Материалы межвузовских научно-практических конференций. Иркутск, 2001.
18. Шумакова Н.Б., Щебланова Е.И., Щербо Н.П. Исследование творческой одаренности с использованием тестов П. Торренса у младших школьников // Вопросы психологии. 1991. № 1.
19. Яковлева Е.Л. Развитие творческого потенциала личности школьника // Вопросы психологии. 1996. № 3.

CONTEMPORARY REQUIREMENTS CONCERNING THE DIAGNOSTICS OF THE CREATIVE SPHERE OF PERSONALITY
Chernetskaya N.I. (Angarsk)

Summary. The paper concerns contemporary requirements towards the diagnostics of the creative sphere of personality and contains the description of the most modern approaches towards testing of the creative thinking and creative personality. In the paper the example of the operationalization of creative sphere of personality as a subject of an empiric study.

Key words: creative sphere; creativity; creative thinking; psychodiagnostics; test methods; operationalization.

КЛИНИЧЕСКАЯ (МЕДИЦИНСКАЯ) ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.97

ОТ «ДЕМОНИЧЕСКОЙ» ДО «БИОПСИХОСОЦИОНОЭТИЧЕСКОЙ» МОДЕЛИ ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА

Г.В. Залевский (Томск)

Аннотация. Дается историко-проблемный анализ одного из фундаментальных вопросов методологии клинической психологии в контексте некоторых нерешенных проблем общепсихологического плана: место понятия духовности в структуре научного психологического знания. Отслеживается эволюция представлений об общих моделях (парадигмах, исследовательских программах) психического расстройства, отношений психологии и религии к роли духовности в развитии личности и ее здоровья.

Ключевые слова: модель; органическая, биомедицинская, психосоциальная, биопсихосоциальная, биопсихосоционоэтическая духовность; вера; здоровье.

К постановке проблемы. В методологии клинической психологии различают два уровня методологической абстракции, которые обозначаются как уровень «рамочных моделей» и уровень «клинико-психологических моделей» [30. С. 63].

Понятие модели, или парадигмы (исследовательской программы), в научном употреблении обозначает предпосылки, на которых строится теория и/или метод исследования. Представления о модели существенно влияют на процесс познания в той или иной науке, т.е. выполняют теоретико-познавательную функцию. Для теории и практики клинической психологии значение широких (метатеоретических) модельных представлений обнаруживается на примере понятий (психического) расстройства.

«Рамочные модели» – это такие исследовательские программы, которые демонстрируют фундаментальные и далеко распространяющиеся различия и соответствуют, скорее всего, «научным парадигмам» в смысле Куна [10]. Научная парадигма (от греч. модель, образец) – собирательное обозначение набора установок, ценностей, процедур, методов и т.д., составляющих общепринятое направление в определенной дисциплине в определенный момент времени, – иначе говоря, это определенная традиция научного исследования.

Различают несколько рамочных моделей, или парадигм (одна из них ненаучная – «демоническая», когда психическое расстройство толковалось как происки дьявола, вселившегося в душу человека, как следствие греха): органическую (биомедицинскую), психосоциальную, биопсихосоциальную и биопсихосоционоэтическую биопсихосоциодуховную). Возникли они как результат и продукт процесса научного познания и культурного «духа времени» (Zeitgeist). Они также отражают разные акценты и связи клинической психологии с пограничными дисциплинами – биологическими (медицина) (органическая рамочная модель) и социальными (пси-

хосоциальная рамочная модель). Интеграцию и междисциплинарные связи этих дисциплин представляют биопсихосоциальная и биопсихосоционоэтическая рамочные модели.

«Клинико-психологические модели» – это модели более ограниченного охвата, уровня, к которым можно отнести, например, психоаналитическую, гуманистическую, поведенческую, когнитивную, интерперсональную и др. Нередко эти модели называют еще психотерапевтическими школами. Правда, этот термин чаще всего используется для указания на различные виды психотерапий, имеющие различные терапевтические подходы, базирующиеся на различных концепциях болезни и здоровья.

Органическая, или биомедицинская, модель болезни существует с XVII в. Она центрирована на изучении природных факторов как внешних причин заболевания. Биомедицинскую модель болезни характеризуют четыре основные идеи:

- 1) теория возбудителя;
- 2) концепция трех взаимодействующих сущностей – «хозяина», «агента» и окружения;
- 3) клеточная концепция;
- 4) механистическая концепция, согласно которой человек – это прежде всего организм/тело, а его болезнь – поломка какой-то части организма.

В рамках этой модели нет места социальным, психологическим и поведенческим причинам развития болезни. Дефект (в том числе и психический/психологический), какими бы факторами он ни вызывался, всегда имеет соматическую природу. Поэтому и ответственность за лечение здесь целиком и полностью возлагается на врача, а не на больного.

В начале XX в. биомедицинская модель была подвергнута пересмотру под влиянием концепции *общего адаптационного синдрома* Г. Селье [22]. Согласно адаптационной концепции болезнь есть неправильно направленная либо чрезмерно интенсивная адаптационная ре-

акция организма. Однако многие нарушения могут быть рассмотрены как разновидность адаптивных реакций организма. В рамках концепции Г. Селье даже возник термин *маладаптация* (от лат. *malum* + *adaptum* – зло + приспособление – хроническая болезнь) – длительное болезненное, ущербное приспособление. К тому же применительно к психическим нарушениям в адаптационной модели состояние болезни (как дезадаптации или как разновидности адаптации) не соотносится с особенностями личности и ситуации, в которой происходит нарушение психической сферы.

Отечественная клиническая психология, будучи тесно связанной с психиатрией, долгое время ориентировалась на биомедицинскую модель психических болезней, поэтому особенности воздействия социальной среды на процесс психических нарушений в ней практически не исследовались.

«Невроз – это болезнь» – это утверждение из области психиатрии. Дело в том, что в психиатрии и психопатологии психические расстройства определяются как болезни, которые описываются так же, как и органические расстройства. Иначе говоря, к психическим расстройствам прилагается та же «органическая или биомедицинская модель».

Органическая модель нашла сильную поддержку в начале XX столетия благодаря открытию биологических причин некоторых расстройств психики и поведения. Это относится, прежде всего, к прогрессивному параличу, который характеризуется целым рядом таких проявлений, как раздражительность, истощение, интеллектуальное снижение вплоть до деменции (слабоумие), эмоциональная лабильность и др., и причиной которого, бесспорно, является сифилитическая инфекция. Долгое время паралич считался модельным примером психической болезни, хотя и не демонстрировал характерную и целостную психопатологию: она имела место лишь у немногих (около 10%) больных сифилисом при разной картине у разных случаев. Заболевание сифилисом является необходимым, но ни в коем случае не достаточным условием для психических расстройств.

После этого открытия начались интенсивные поиски подобных заболеваний с целью объяснить по той же – органической – модели и другие психические расстройства. Эта надежда и сегодня в большей своей части остается неисполненной, хотя есть уверенность, что различные органические мозговые процессы могут запускать психические расстройства. Воспалительные процессы (энцефалит и менингит), интоксикации, сосудистые или общесоматические заболевания (например, расстройства обмена веществ, болезни печени и почек) могут существенно сказываться на переживаниях и поведении больного. Однако считается, что такие классические психопатологические феномены, как психозы или неврозы, не являются следствием нарушений органического субстрата.

Итак, основные характеристики органической/биомедицинской рамочной модели следующие:

- Психические расстройства понимаются как болезни, за симптомами которых скрываются телесные расстройства.

- Вызваны психические проблемы в конечном счете органическими дефектами. Психические феномены являются эпифеноменами соматических расстройств. При наличии достаточной информации можно обнаружить причинную связь всех психических расстройств с этим элементарным уровнем.

- Психические и социальные факторы в ряду причин имеют лишь вторичное значение, поскольку они определяют не «сущность» психических расстройств, а только внешнюю форму их проявления («патопластику»).

- Методология их изучения строится на естественного-научном причинном принципе.

- Исследование и терапия психических расстройств должны институционально осуществляться в медицинских учреждениях.

Критика органической рамочной модели психических расстройств начинается с работ З. Фрейда, который хотя и был сильно привязан к органо-медицинским представлениям, в то же время приложил немало усилий для разработки понятия о психогенетической обусловленности психических расстройств. И со стороны немецкой психиатрии уже давно раздавалась критика в сторону органо-медицинской модели психических расстройств. Так, Е. Блейлер (E. Bleuler, 1857–1939) еще в 1919 г. возражал против различия здоровый–больной в рамках данной модели: «Понятие психической болезни – не медицинское понятие, а социальное. Психические болезни являются изначально отклонениями от психической нормы, которые делают их носителей социально неспособными или доставляют им большие трудности» [32. С. 59]. В этом же плане высказывался и К. Ясперс. С начала 60-х гг. XX в. зазвучала довольно жесткая критика этой модели со стороны психиатра и психоаналитика Томаса Шаша (Thomas Szasz, 1972). Он считал биомедицинскую модель психических расстройств мифом. Похожие высказывания следуют и со стороны интеракционально ориентированных психиатров (Гофман, Лаинг), поведенческо-когнитивных психотерапевтов (Бандура, Ульман) и углублены с позиций социологических (Койп и др.). Так, Койп (Keupp, 1979) формулирует существенные концептуальные слабости органо-медицинской модели в виде четырех аргументов:

1. Психические отклонения в рамках этой модели, как и другие заболевания, – это «заданные природой нормальные константы», т.е. присущие самому организму качества, а не социальные оценки (оценивания). Тенденция этой модели ссылаться на якобы имеющиеся доказательства оказывается несостоятельной в связи с имеющимися доказательствами значения психосоциальных факторов.

2. Диагностика на основании органоmedizinской концепции ведет к приписыванию качеств (свойств). Описательная диагностика становится аскриптивной, когда тем лицам, которые получили определенные диагнозы, приписываются и другие, ненаблюдаемые симптомы (например, опасность, безответственность). Диагнозы тем самым становятся «этикетированием» (приклеиванием ярлыков) и ведут к стигматизации. В этом процессе приписывания болезни происходит усиление обобщения: вначале «лицо ведет себя так, как будто оно испытывает страх», затем оно «проявляет себя как испытывающее страх», наконец, оно «испытывает страх». В конце концов оно классифицируется как «невротик».

3. Привлекающее внимание поведение (расстройство поведения) истолковывается как симптом или знак лежащей в его основе «болезни», а не как проблема как таковая. Проявление болезни и болезнь различаются, причем последняя представляет соматическую или внутриспсихическую причину внешне видимых симптомов. Одновременно органические или биохимические причины преобладают: «Всем жизненным трудностям приписываются химико-физические процессы, которые на данный момент открыты якобы медицинским исследованием» [37. С. 45].

В органической модели представлен двойной дуализм, который с психологической точки зрения здесь уже давно непригоден. В различии между «симптомами» и «причинами» психика и soma (тело) резко разделены – можно наблюдать психические симптомы, которые соматически обусловлены. Второй дуализм в том, что психически больной видится в полной независимости от его среды (окружения) – внутренний и внешний миры представляют собой почти независимые единства.

4. Биомедицинская модель выполняет социальную функцию, поскольку «осуществляется одна из форм социального контроля, которая как таковая остается скрытой» (Кеупр, 1979).

Психосоциальная рамочная модель. Отвержение критикуемой органической парадигмы психических расстройств произошло благодаря большому числу различных теорий расстройств, общим для которых является подчеркивание психических и социальных условий при определении, идентификации, возникновении и терапии психических расстройств и проблем. Психосоциальная рамочная модель имеет очень сильную социально- и поведенческо-научную ориентацию и закреплена в этих дисциплинах. Она возникла как ответ на кризис органической парадигмы и жестко ставит на первый план психические и социальные аспекты в определении, возникновении и изменении психических расстройств. Эта модельная жесткость представляет собой так называемую «стратегию желаемой односторонности» [35], чтобы выработкой ядерных гипотез модели и их заострением стимулировать развитие альтернативных позиций.

Психосоциальная рамочная модель охватывает как социологические и интеракционные подходы (напри-

мер, этикетирование, антипсихиатрия), так и гуманистические, экзистенциальные, психоаналитические, деятельностные, системные и т.п. позиции. Это выражается чаще всего в четырех основополагающих допущениях [30. С. 72–73]: континуумном, эквивалентности, контекстного обусловливания, мультикаузальном.

Континуумное допущение постулирует, что между нарушенной (патологической) и нормальной активностью существует текучий (плавный) переход и что оба состояния отличаются друг от друга только количественно, а не качественно. Различия между обоими состояниями лежат, прежде всего, в частоте, интенсивности или ситуативности способа поведения. И лишь при привлечении особенностей носителя, оценки вызвавшей действие ситуации и контекста, а также других критериев они определяются как отклоняющиеся, нарушенные или проблематичные («больные») или нормальные («здоровые»).

От этого постулата следует отличать допущение эквивалентности. Согласно последнему, в основе нормальной и нарушенной активности (поведения) лежат одинаковые изменяющиеся условия, т.е. в обоих случаях изменения осуществляются на основе идентичных принципов, например по законам научения и обучения. Возникновение и изменение (терапевтируемый и нетерапевтируемый процесс) патофизиологических феноменов можно объяснить теми же закономерностями, что и нормальные психологические явления.

Допущение контекстного обусловливания исходит из того, что, с одной стороны, активность человека оказывается под влиянием окружающих его условий, с другой стороны, он сам формирует эти условия, свою среду. И психические расстройства также разнообразным образом являются зависимыми от среды, особенно социальной. Так, социальная среда влияет на определение расстройств, а также его возникновение, течение и терапию. Предполагается, что психическая проблематика всегда определяется социальными и психическими факторами и что эти условия при адекватном лечении учитываются в первую очередь.

Мультикаузальное допущение уточняет контекстную обусловленность психических расстройств: возникновение психических расстройств является следствием действия комплексного образования причин или каузальной сети, а не линейной причинной связи. Причины могут быть разными (например, психические, социальные, соматические) и проявлять себя могут в разное время (например, как предрасполагающие, запускающие, удерживающие) и иметь разный относительный вес. При этом разные условия возникновения могут привести к похожим расстройствам. В системной теории этот феномен обозначается как эквифинальность; он говорит о том, что в открытых системах различные начальные состояния могут вести к одинаковым конечным состояниям.

Как исследовательская программа психосоциальная рамочная модель проявляется следующими характеристиками:

1. Психические расстройства понимаются как «бросающееся в глаза», «отклоняющееся», «неадаптивное», «нарушенное» или «проблемное» поведение и переживание людей, которое отличается от нормального поведения и переживания не качественно, а количественно.

2. При возникновении психических расстройств, а также при их дефиниции, изменениях и терапии самое большое значение придается социальным психическим факторам.

3. Между психическими расстройствами и их причинами существуют не простые линейные отношения, а комплексные взаимовлияния (каузальные сети, системные связи), в результате которых различные исходные условия могут приводить к одинаковым явлениям, а одинаковые исходные условия могут приводить к разным явлениям.

4. Методологическое (методическое) основание достаточно широкое – от количественно-экспериментальных до качественно-герменевтических подходов.

5. Исследование и терапия психических расстройств осуществляются преимущественно институционально в социально-научных учреждениях.

Биопсихосоциальная рамочная модель. Поскольку клиническая психология отягощена интенсивными связями как с биолого-медицинскими, так и с социально ориентированными дисциплинами, то она оказывается также под влиянием актуальных акцентов научных течений и моды. Если в 70-е гг. прошлого столетия в клинической психологии доминировали социально-научно ориентированные исследовательские программы, то с середины 80-х гг. начали постепенно доминировать биолого-научно ориентированные исследования. В такой ситуации имеют место две опасности:

Первая опасность состоит в тенденции недопустимо генерализировать результаты с позиции модели, т.е. слишком быстро и без дальнейшей проверки с одной проблемной области, например с шизофренических расстройств, переносить их на другие психические расстройства.

Вторая опасность состоит в соблазне научного редукционизма, как биологического, так и социологического. В обоих случаях требуется дифференцированная процессуальная теория, которая включала бы различные (биологические, социальные и психические) феномены, чтобы объяснить наблюдаемые взаимосвязи.

Споры между органической и психосоциальной рамочными моделями и попытки их интеграции привели к тому, что в качестве метаконцепции, которая может интегрировать конкурирующие (органическую и психосоциальную) рамочные модели, предложила себя «биопсихосоциальная» модель. Этим странным словообразованием делается попытка выразить то, что органические, психические и социальные условия и процессы находятся во взаимоотношающихся отношениях друг к другу и тем самым могут образовать рамки для различ-

ных перспектив и факторов. Это представление было предложено психосоматиком Энгелем (Engel, 1979, 1980) на основе общей теории систем Бергаланфи (Bertalanffy, 1968). Модель исходит из того, что системы представляют собой динамические целостности, которые находятся в постоянном изменении и компоненты которых оказывают влияние друг на друга посредством обмена энергиями, информацией или материей. Системы – это части реальности, которые выбираются не только в познавательных целях (интересах), но отличаются от своего окружения своей самоорганизацией.

Биопсихосоциальная модель как система представляет иерархически организованную структуру, в которой элементарное отличается от более сложных системных частей. Иерархический спектр распространяется, по мнению автора теории общих систем, на физические системы (атом и его части), органические системы (клетки, совокупность клеток, органы системы, нервная система), личностные системы (переживания и поведение людей), психосоциальные системы (диады, семья, общины), культурные и социальные системы, вплоть до биосферы как образования более сложного системного уровня. Каждая подсистема функционирует согласно собственным закономерностям и требует для анализа и объяснения своих специфических феноменов собственных критериев. Находящиеся, согласно иерархии, по соседству подсистемы также влияют друг на друга, в них отражаются органические, психические и социальные условия. Постоянная интеракция между подсистемами осуществляется в результате комплексных причинных отношений.

Убедительной иллюстрацией этих положений может быть, например, алкогольная зависимость и ее динамика.

На предпроблемной стадии употребляющий алкоголь стимулируется преимущественно социокультурными условиями (питьевые традиции, социальный статус взрослого, социальные страхи или вообще социальная некомпетентность и т.п.), при этом используется психофизиологическое влияние алкоголя, например его расслабляющее и снимающее торможение действие. Из этого нормального социально приемлемого питья, хотя и не совсем адекватного средства решения проблем, может развиться злоупотребление алкоголем, которое становится уже «проблемным питьем», но оставаться все еще социально легитимной формой преодоления напряжения и конфликтов. Проблемное принятие алкоголя превращается в генерализованный способ реагирования, которым пьющий пытается устранять не только прежние трудности, но и любые, даже легкие, проблемы.

На более поздней стадии процессы начинают влиять друг на друга циркулярно и поэтому все труднее поддаются контролю: человек пьет, чтобы стабилизировать таким образом свое состояние (чтобы избежать конфликтов и трудностей в семье; чтобы избежать абстинентных состояний); одновременно количество ал-

коголя растет, чтобы добиваться вопреки привыканию того же эффекта; в конце концов, с увеличением дозы ухудшается физическое и психосоциальное состояние, благодаря чему круговорот значительно усиливается.

Биологические, психические и социальные факторы в этом процессе осуществляют взаимопроникновение. Биологически важными для этого процесса являются, прежде всего, позитивные психофизиологические эффекты легкого употребления алкоголя, а затем на продвинутой стадии – явления абстиненции и массивных телесных нарушений (особенно желудочных, сердечных, а также центральной и периферической нервной системы). Психическая стимуляция – вначале в виде легкого преодоления трудностей и затем избегание трудных семейных и профессиональных конфликтов и проблем, а социальное стимулирование – вначале это питейные традиции, но затем интенсивный прием алкоголя социально отвергается и пьющий социально изолируется и отвергается. Каждое из этих условий в разное время и в разной степени принимает участие в процессе развития алкоголизма. Поскольку все эти условия находятся в постоянном взаимодействии, представляется бессмысленным отдавать предпочтение какому-либо из них [30. С. 77].

Биопсихосоциальная модель как рамочная модель, без сомнения, полезна для преодоления модельного ригоризма (органическая концепция или психосоциальная концепция психических расстройств). Вместо этого следует строить исследовательские программы, учитывающие постоянно изменяющееся взаимодействие органических, психологических и социальных условий (факторов). В данном случае все три условия рассматриваются как величины одного ранга, получающие свой акцент при определенных психических проблемах. Способ и объем участия различных факторов определяются конкретно на основе эмпирических данных для специфической проблемы. Биологические, психические и социальные условия понимаются как комплексные классы условий, которые непрерывно взаимно обуславливают психическое расстройство (проблему) в процессуальном взаимодействии. Существенные признаки этой рамочной модели состоят в том, что она:

- исходит из участия биолого-органических, психических и социокультурных факторов и процессов;
- постулирует комплексные интерактивные (а не только простые линейные) причинные отношения.

Биопсихосоциопсихическая модель. Как свидетельствует уже в наше время практика оказания психологической помощи, психотерапевтической в том числе, из ее арсенала, даже в тех случаях, когда эта помощь оказывается в рамках биопсихосоциальной модели, выпадает собственно духовный аспект. Правда, в рамках экзистенциального (В. Франкл и др.) и трансперсонального (Р. Мэй и др.) подходов духовный аспект находится как бы в центре внимания, но парадокс состоит в том, что он оказывается фактически и единственным, т.е. не

встроенным в целостную модель, в которой бы учитывались «все миры» человека – биологический, психологический, социальный и духовный (Залевский Г.В., 2006; Кузьмина Ю.В., 2008; Straub, 2001).

Отмечаемая и сегодня, эта тенденция, на мой взгляд, объясняется рядом обстоятельств как исторического, так и терминологического характера. К историческим причинам можно отнести то обстоятельство, что при развитии представлений о предмете психологии из него выпал духовный аспект, а понятия «духовность», «духовный» приобрели исключительно сакральный характер и чаще всего употребляются в церковной лексике в сочетании «религиозная духовность».

Об актуальности проблемы духовности в психологической теории и практике свидетельствует, например, дискуссия, организованная журналом «Психология. Журнал высшей школы экономики» в 2007 г.: «Психология – с религией или без нее?» [18] и «Психология и религия – дискуссия продолжается» [19].

Одни участники дискуссии со всей определенностью высказались за то, что духовность и родственные ей категории несомненно являются предметом научной психологии. Так, М.Ю. Кондратьев считает, что «духовность» как личностное свойство, как характеристика личностной направленности, как базовая характеристика поведенческой активности являлась и является именно психологическим понятием, содержательно симбиозно связанным с такими категориями, как гуманность, сочувствование, в конечном счете и доброта [8. С. 21–22]. В.А. Пономаренко даже «чувствует себя неловко, когда читает статьи диспутантов в журнале», поскольку, с его точки зрения, «дух, духовность, душа, трансцендентность, хронотоп, иллюзии, мифы, сказки, аллюзии, вера, идеалы, сновидения, художественное, образное мышление, иконическая память, воля – это ведь предмет психологии» [17. С. 69]. Д.А. Леонтьев в этой связи ссылается «хотя бы на экзистенциальную философию и психологию... что в этой традиции мышления человеческая духовность, свобода, смысл, ценности и т.п. всегда принимались как основополагающая реальность вне зависимости от принятия или отвержения религиозной веры, они из нее не выводились» [12. С. 61].

Некоторые другие участники дискуссии (А. Лоргус, А.А. Гостев, В.И. Слободчиков) достаточно решительно придерживаются иной точки зрения, считая, что духовность может быть предметом психологии, если она пойдет с религией непараллельным, так сказать, одним путем. Так, А. Лоргус считает, что «главным тезисом в христианской психологии становится следующее: психология невозможна без духовно-ориентированного подхода к человеку, в котором предметом оказывается не только психика, богоподобная личность человека, но и душа и дух, и одухотворенная телесность» [14. С. 61]. «Зарождающийся новый портрет психологии в интерьере современности», – считает В.И. Слободчиков, – ха-

рактируется тем, что «базовой категорией структуризации общего развития – Зачем? – является ступень восхождения к полноте собственной реальности в ее духовно-душевно-телесных измерениях... это и есть предметно-проблемное поле исследований христианской психологии» [23. С. 92, 97].

А.А. Гостев справедливо отмечает, что «главным ценностно-образующим фактором всех отношений человека является совесть. Вне ее изучения «научные» разговоры о личности и духовности неполноценны. Но проблеме совести психологи уделяют поразительно мало внимания», в то же время он настоятельно советует «современным психологам воспользоваться теологическими описаниями предмета», опираясь на «православно-христиански ориентированное психологическое знание (ППЗ)» [2. С. 41].

Если последовать совету А.А. Гостева, то мы, мне кажется, можем оказаться во временах, когда господствовала упомянутая выше «демоническая» модель психических расстройств. По его мнению, «основой православного взгляда на личностную психопатологию является понимание греха как ее источника, освоение понятия духовно-психологической нормы. Психопатология может быть рассмотрена как болезнь души, когда человек отклоняется от данного ему Творцом предназначения, утрачивает связь с Богом и внутреннее единство. Грех есть явление метафизическое – несоответствие человека своей истинной природе и предназначению. Особенности и мера этого несоответствия и определяют патологическую телесную, душевную и духовную жизнь... В психологическом плане грехопадение является нарушением в иерархии структур в человеке, приводящим к изменению его психологической природы. На вершине должен стоять Дух, дающий ясность и стройность психической жизни, центрирующий жизнь человека на Боге» [2. С. 42].

В одном споре на обсуждаемую сейчас тему, пишет В.М. Розин, мой оппонент «отказывал мне в духовности, поскольку я человек неверующий. Я же пытался ему сказать, что духовность предполагает не веру, а особый способ жизни и жизненный путь. И, напротив, есть много верующих, живущих совершенно бездуховной жизнью» [20. С. 77]. Г.В. Иванченкова продолжает дискуссию: «Зададимся вопросом вместе с Лоргусом: «Можно ли представить себе живого конкретного человека без религиоз-

ности? Можно ли рассматривать человека, не имеющего религиозности совсем? Если это возможно, с точки зрения психологии, то какова практическая ценность такой науки? [14. С. 59]. А почему и не представить нерелигиозного, но высокодуховного человека?» [6. С. 53]¹.

Д.А. Леонтьев, полемизируя, предлагает, совершенно справедливо, на мой взгляд: «Во-первых, давайте разведем такие вещи, как вера, религия и церковь. Вера есть экзистенциальный феномен, сугубо личный. Чтобы верить во что-то, человеку не нужны ни храмы, ни священники. Именно вера, прежде всего, соотносится с такими феноменами, как духовность или совесть» [12. С. 59]. Его также «настораживает центральное положение статьи О.А. Лоргуса о том, что «психология невозможна без духовно ориентированного подхода к человеку...». Ему, как, кстати, и мне и многим другим, «очень хотелось бы уточнить, что стоит за словом «невозможно»: то ли то, что в психологии обязательно должен быть и такой подход и без него она неполна (с этим спорить сложно), то ли то, что психология должна базироваться только на таком подходе и ни на каком ином?»

Глубоко и индивидуально верующий Виктор Франкл [25. С. 334] сформулировал четкий операциональный критерий, почему религиозные категории не должны входить в структуру психологического объяснения и помощи: религия «может быть лишь предметом, но не почвой», мы должны иметь возможность помочь любому человеку, вне зависимости от его конфессиональной принадлежности, веры или ее отсутствия, в противном случае мы не сможем называться профессиональными психологами... помощь священника может быть тоже эффективной, но это будет другая форма работы, другая помощь [12. С. 60]. В конце концов, говорил В. Франкл в своей московской лекции, «Богу, если он есть, важнее, хороший ли Вы человек, чем то, верите Вы в него или нет. Духовность не исчерпывается религиозностью» [13. С. 8–9]².

В свое время Л.С. Выготский на продвинутых этапах исследования речевого поведения «ставит перед собой проблему выявления специфики одухотворенного поведения как высшей формы поведения (высшей психической функции) человека. Основной замысел теории речевого мышления Л.С. Выготского – показать специфику поведения человека, его отличие от других объектов естествознания. Речевое мышление выполня-

¹ Я лично могу даже очень легко представить такого человека – это моя мама, Залевская Юзефа Михайловна, вырастившая в невероятно трудных жизненных условиях – муж инвалид, оккупация немцами городка на Украине, где мы тогда жили, бесстрашно бросилась спасать свою дочь, мою сестру, которой в то время еще не было и 16 лет и которую уже загрузили на машину, чтобы увезти в Германию, послевоенный голод, и ее главным желанием было, чтобы ее дети (моя сестра, двое старших братьев и я) не стали «злодьями» (ворами) и «пьяницами» (пьяницами). Моя мама не была религиозной, тем более не ходила в церковь, хотя аж четыре церкви были совсем рядом, а многочисленные верующие родственники (далеко не все из них действительно были «внутренне» религиозны и с высокой духовностью) оказывали на нее довольно сильное давление.

² В. Франкл писал: «Мы изучили человека так, как его, вероятно, не изучило ни одно предшествующее поколение. Так что же такое человек? Это существо, которое всегда решает, кто он. Это существо, которое изобрело газовые камеры. Но это и существо, которое шло в эти камеры, гордо выпрямившись, с молитвой на устах» [26. С. 119]. Мне кажется, что человек – это еще и тот, кто борется против уничтожения людей в газовых камерах или, если иначе нельзя, то прихватывает с собой хотя бы одного палача.

ет здесь функцию модели одухотворенного поведения» [16. С. 19].

По мнению В.И. Кабрина, «в академической психологии эта проблема «брезжит» как проблема смысла в мозаичном многообразии масштабов и ракурсов. Феномен порождения или открытия смысла реальности не достигаем или не решаем ни в психофизиологическом соотнесении («специфическая энергия органов чувств» Гельмгольца), ни в биопсихическом ракурсе (переход от «раздражимости» как органического процесса к «чувствительности» как сигнальному процессу при эволюционном изменении жизнедеятельности. И лишь возвращение культурно-исторического контекста обретения человеком смысловых отношений с реальностью как собственно коммуникативного, диалогического (акцентированного в работах М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, Дж.Г. Мида) восстанавливается в современной психологии [7. С. 27].

Соглашаясь с теми авторами, которые считают, что духовность есть понятие психологическое и является предметом научной психологии, удивляемся тому факту, что редко в каком психологическом словаре и энциклопедии приводятся его дефиниции. Тем не менее я приведу определения духовности, которые даются в ряде работ.

Так, С. Крымский считает, что духовность – это принцип самостроительства человека, это выход к высшим ценностям ориентации конституирования личности и ее менталитета. Советский философ Л. Буева определяет «духовность как восхождение личности к своим идеалам, ценностям», а религиозный И. Ильин говорит почти то же самое, что «дух утверждает в человеке высшее достоинство и вызывает к его чести». По мнению М. Бахтина, «духовное пространство человека – это вертикаль, включающая возвышенное и земное, земное и небесное, добро и зло». Согласно Гете, «духовность противоположна не плоти, а хаосу возбужденных инстинктов, делающих человека рабом во тьме стихий» [17. С. 69–70].

Один из иностранных участников упомянутой выше дискуссии, Т. Де Чико, приводит пример определений духовности и религиозности: «Духовность определяется как неограниченный набор личностных мотиваций, норм поведения, опыта, ценностей и установок, которые основаны на поиске экзистенциального понимания, смысла, цели и трансценденции. А религиозность определяется как набор норм поведения, ценностей и установок, которые опираются на ранее установленную религиозную доктрину и институтизированную организацию» [27. С. 47].

Нозетическая проблема, по мнению В.И. Кабрина, может быть обнаружена как фундаментальная, если мы вернем современной психологической науке достойные (релевантные) ее горизонты, т.е. вернем ей изначальную триединую проблему духовно-душевно-телесного соотнесения в человеке в экзистенциальной встрече его с универсумом. Можно полагать, что основные парадигмы современной и постнеоклассической психологии

(феноменистическая, гуманистическая, экзистенциальная, трансперсональная, холистическая психология) в той или иной степени охвачены «нозетическим ренессансом» [7. С. 26, 28]. У меня лично создается впечатление, что этот ренессанс все более и более захватывает психологическую науку и практику. Я солидарен с В.М. Розиным, который говорит о необходимости «духовной навигации» для каждого человека, в том числе и для тех, «кто не религиозен, кто «обходится без этой гипотезы», им определиться с ней труднее, так как она более индивидуальна, не опирается на столь проработанные культурные формы» [21. С. 61, 68]. Поэтому новый человек – это человек не просто конституирующий себя, т.е. не только личность, а человек, вставший на путь «духовной навигации». Духовная навигация – это наблюдение за собой, продумывание своей жизни, ее смысла и назначения, это стремление реализовать намеченный сценарий жизни (скрипт), отслеживание того, что из этого получается реально, осмысление опыта своей жизни, собирание себя вновь и вновь, наконец, работа на культуру, человека и здоровье, противостояние нежизненности и разрушению [21].

Л.С. Выготский присоединяется к мнению тех исследователей и докладчиков, выступавших на Первом немецком конгрессе по лечебной педагогике (1922), которые отвергали концепцию *moral insanity* (моральной дефективности, помешательства или безумия) как душевной болезни, но понимали ее как «выпадение тех или иных ценностей или оценок, например мотивов поведения, мотивов ценностей, которые встречаются и у нормальных людей... их следует искать не во врожденном дефекте воли или извращении отдельных функций, но в среде и воспитании. Как недостаток нравственного воспитания» [1. С. 151].

Сегодня на Руси правит бал бездуховность (жизнь не в цене) – это аксиома [17. С. 65]. С этой оценкой многие, наверное, согласятся. Одним из проявлений бездуховности, или духовного нездоровья, является, несомненно, фанатизм, в разных сферах и формах сегодня проявляемый, следствием которого является терроризм и даже войны [4, 5].

Наверное, пришло время «указать людям... и другие, нерелигиозные смыслы» [24. С. 57]. И в этом должна принять участие и психологическая наука. «Ведь «научному анализу уже доступен весьма широкий спектр синхронизаций: ген – клетка – орган – организм – индивид – личность – социум – культура» [29]. Надо все сделать, чтобы «греческое название человека «антропос», т.е. «устремленный вверх», т.е. к духовности, не было забыто. Так же, как не должно быть забыто и то, что духовность не исчерпывается религиозностью, а потому можно думать о существовании и духовности нерелигиозной, светской или просто человеческой, которая со-ответственна за сохранение здоровья человека, является условием и характеристикой личностного развития и роста.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Moral insanity // Собрание сочинений. М., 1983. Т. 5. С. 150–152.
2. *Гостев А.А.* О проблемах становления религиозно ориентированного психологического знания // Психология: Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 35–45.
3. *Залевский Г.В.* Введение в клиническую психологию. [Электронный ресурс]. ИДО ТГУ, 2006.
4. *Залевский Г.В.* Личность и фиксированные формы поведения. М.: ИП РАН, 2007.
5. *Залевский Г.В.* Фанатизм как основание и характеристика деструкции системы ценностей и духовного нездоровья личности и социальных сообществ // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Под ред. В.В. Знакова, Г.В. Залевского. М.: Изд-во ИП РАН, 2008. С. 314–340.
6. *Иванченкова Г.В.* «Христианская благодатная психология»: как бы с религией и как бы с психологией // Психология: Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 53–57.
7. *Кабрин В.И.* Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005.
8. *Кондратьев В.М.* Психология и религия: параллельные проблемно-предметные плоскости // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 65–73.
9. *Кузьмина Ю.В.* Программа психологического сопровождения беременных женщин в контексте биопсихосоциальноэтической модели беременности // Сибирский психологический журнал. 2008. № 27. С. 113–115.
10. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
11. *Ленгле А.* Психотерапия: научный метод или духовная практика? // Ленгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2006.
12. *Леонтьев Д.А.* Кесарю – кесарею // Психология: Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 58–63.
13. *Леонтьев Д.А.* Упрямство духа. Предисловие // Франкл В. Сказать жизни «Да». М.: Смысл, 2008. С. 5–10.
14. *Лорус А.В.* Психология – с религией или без нее? // Психология: Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 58–64.
15. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс, 1994.
16. *Морозов С.М.* Предмет исследования и единицы анализа в психологической системе Л.С. Выготского: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
17. *Пономаренко В.А.* С верой в науки о человеке // Психология: Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 64–74.
18. *Психология: Журнал высшей школы экономики.* Специальная тема выпуска: Психология – с религией или без нее? 2007. Т. 4, № 2. С. 56–97.
19. *Психология: Журнал высшей школы экономики.* Специальная тема выпуска: Психология и религия – дискуссия продолжается. 2007. Т. 4, № 4. С. 3–123.
20. *Розин В.М.* Психология и христианство: автономия, объединение или коммуникация? // Психология: Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 74–89.
21. *Розин В.М.* Еще раз о возможности православной, святоотеческой психологии // Психология: Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 113–120.
22. *Селье Г.* На уровне целого организма. М.: Наука, 1972.
23. *Слободчиков В.И.* Христианская психология в системе психологического знания // Психология: Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 90–97.
24. *Ушакова Т.Н.* От редколлегии // Психология: Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 5.
25. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
26. *Франкл В.* Сказать жизни «Да». М.: Смысл, 2008.
27. *Чико Де Т.* Найти Я в психологии, духовности и религии // Психология: Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 46–52.
28. *Юнг К.Г.* Синхронистичность. Москва; Киев, 1997.
29. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.
30. *Bastine Reiner H.E.* Klinische Psychologie. Stuttgart; Kohlhammer, 1998. Bd. 1.
31. *Bertalanffy L.* General System Theory. N.Y.: Braziller, 1968.
32. *Bleuler E.* Das autistisch-undisziplinierte Denken in der Medizin und seine Ueberwindung. Berlin: Springer, 1975.
33. *Engel G.L.* Die Notwendigkeit eines neuen medizinischen Modells: Eine Herausforderung der Biomedizin // Keupp H. Normalität und Abweichung. Muenchen: Urban, 1979.
34. *Engel G.L.* The clinical application of the biopsychosocial model // American Journal of Psychiatry. 1980. № 137. P. 535–544.
35. *Keupp H.* Normalität und Abweichung. Muenchen: Urban, 1979.
36. *Straub R.O.* Health Psychology. N.Y., 2001.
37. *Szasz T.* Der Mythos von der seelischen Krankheit (orig. 1960) // Keupp H. Der Krankheitsmythos in der Psychopathologie. Muenchen: Urban, 1972. S. 44–56.

FROM THE «DEMONIC» TO THE «BIOPSYCHOSOCIONOETIC» MODEL OF MENTAL DISEASES
Salevskij G.V. (Tomsk)

Summary. In the article is given the analysis of one of the fundamental questionnaires of the methodology of clinical psychology not solved yet in the general psychological plan: the place of the concept spirituality in the structure of the psychological scientific knowledge. The evolution of ideas about the general models (paradigms and research programs) of mental illness, relations of psychology and religion to the role of spirituality in the personality development and its health.

Key words: model; organic, biomedical, psychosocial, biopsychosocial, biopsychosocionoeitic; spirituality; faith; health.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ СОБСТВЕННОЙ И ПРОТИВОПОЛОЖНОЙ ПОЛОВОЙ РОЛИ ЧАСТО БОЛЕЮЩИМИ ДЕТЬМИ 5–7 ЛЕТ

Ж.Г. Дусказиева, В.А. Ковалевский (Красноярск)

Аннотация. Определены особенности восприятия собственной и противоположной половой роли часто болеющими детьми 5–7 лет в сравнении со здоровыми сверстниками. Выявленная специфика эмоционального восприятия собственной половой роли часто болеющими мальчиками актуализирует проблему разработки коррекционно-развивающей программы, оптимизирующей процесс формирования гендерной идентичности у часто болеющих мальчиков в возрасте 5–7 лет.

Ключевые слова: часто болеющий ребенок; гендер; когнитивный; эмоциональный; гендерная установка; фемининный тип; маскулинный тип.

Противоречие между социальным заказом общества на формирование физически и психологически здоровой личности и ростом в последнее время уровня заболеваемости детей делает актуальной проблему изучения современной психологией особенностей развития личности часто болеющего ребенка. Количество часто болеющих детей год от года возрастает (Касаткин В.Н., 2001; Альбицкий В.Ю., Баранов А.А., 2003, 2007). Результаты Всероссийской диспансеризации детей 2002 г. подтвердили тенденции в состоянии здоровья детей, сформировавшиеся за десятилетний период: снижение доли здоровых детей (с 45,5 до 33,89%) с одновременным увеличением вдвое удельного веса детей, имеющих хроническую патологию и инвалидность. В 2004 г. число часто и длительно болеющих детей составило 70 и 75%. Несмотря на значительное количество общеукрепляющих и оздоровительных мероприятий, разработанных традиционной медициной, трудности, связанные с развитием личности часто болеющего ребенка, преодолеть не удается [4].

Некоторые исследователи выявили такие особенности, дезадаптирующие часто болеющих детей, как повышенная зависимость от матери, сенситивность, неадекватная возрасту самооценка, повышенная тревожность, неумение защитить себя в коллективе сверстников и др. (Николаева В.В., 1987; Захаров А.И., 2000; Арина Г.А., 2003; Дубовик Е.Ю., 2005; Менделевич О.В., 2007). Многие из выявленных особенностей часто болеющих детей относятся к фемининным характеристикам, что может представлять трудность для адаптации часто болеющих мальчиков к коллективу сверстников, а затем и к обществу в целом. Кроме того, находясь в среде, прививающей в основном ценности фемининного типа (послушание, пассивность, бесконфликтность и т.д.), мальчики вынуждены в реальной жизни приспособиться в своем поведении к маскулинно-ориентированным требованиям значимых взрослых: умение защищать себя и более слабого, умение добиться своего, отстаивать свою точку зрения, способность терпеть лишения, контролировать свои эмоциональные проявления (Кон И.С., 2003; Иванова М.В., Коваленко О.В., 2005). Данные противоречия в воспитании создают

предпосылки для переживания «конфликта гендерных ценностей» у мальчиков, что может негативно отразиться на восприятии ими собственной половой роли. Девочки же проходят этот возрастной период менее болезненно, так как для них изначально более понятны требования взрослых (преимущественно одного с ними пола), поэтому у них более четко формируются модели поведения, ценности, соответствующие полоролевому стереотипу поведения [1, 5].

Старший дошкольный возраст – возраст, когда начинается активное формирование гендерной идентичности, от особенностей протекания идентификации в данный период будут зависеть самооценка человека, его восприятие собственной и противоположной половой роли, желание и умение устанавливать контакты с противоположным полом, заводить семью и т.д. [1, 2, 6, 7].

В связи с этим целью нашего исследования явилось изучение восприятия собственной и противоположной половой роли часто болеющими детьми 5–7 лет. Мы использовали методику В.Е. Каган (2000) «Изучение когнитивных и эмоциональных аспектов гендерных установок у детей» [3]. Исследование проводилось в ДОУ № 176, 177, 250 г. Красноярск. Экспериментальными группами явились 30 часто болеющих мальчиков и 30 часто болеющих девочек. Результаты сравнивались с показателями контрольных групп здоровых детей – 30 мальчиков и 30 девочек.

Анализируя когнитивный аспект гендерных установок исследуемых групп, следует отметить, что независимо от гендерной принадлежности и соматического статуса все дети правильно называют свой пол, осознают его необратимость и не желают изменения собственной пола.

При анализе эмоционального аспекта гендерных установок выявлено, что у детей обоего пола эмоциональное восприятие девочек достоверно позитивнее, чем мальчиков (рис. 1–2).

С помощью метода математической статистики (подсчет χ^2 -критерия Пирсона) в особенностях эмоционального восприятия собственных и противоположных половых ролей исследуемых групп детей была определена достоверность различий. При сравнении результатов выяв-

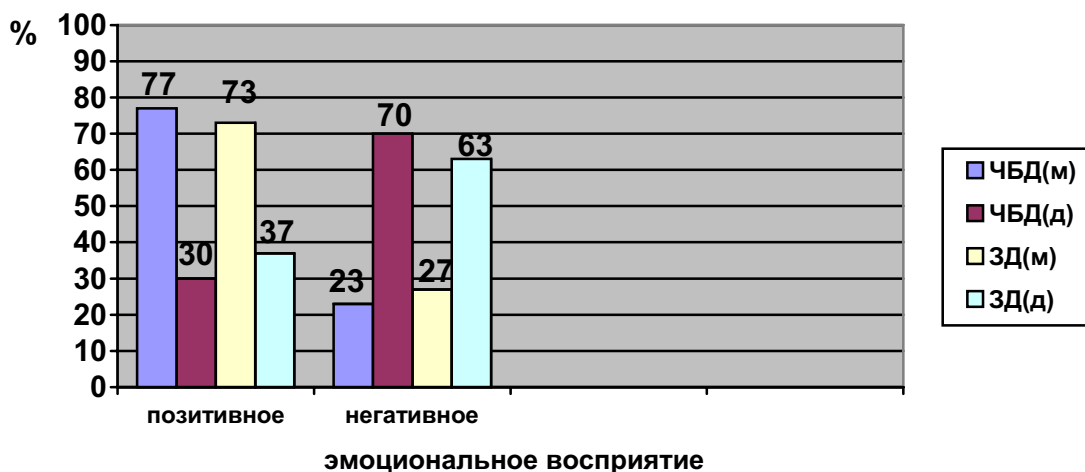

Рис. 1. Распределение выборочной совокупности часто болеющих и здоровых мальчиков и девочек старшего дошкольного возраста по определению особенностей эмоционального восприятия собственной половой роли (методика «Исследование когнитивных и эмоциональных аспектов гендерных установок у детей 5–7 лет»)

Рис. 2. Распределение выборочной совокупности часто болеющих и здоровых мальчиков и девочек старшего дошкольного возраста по определению особенностей эмоционального восприятия противоположной половой роли (методика «Исследование когнитивных и эмоциональных аспектов гендерных установок у детей 5–7 лет»)

лены достоверные различия между показателями эмоционального восприятия собственной половой роли часто болеющих мальчиков и часто болеющих девочек ($X^2=11,736$; $p \leq 0,01$), здоровых мальчиков и здоровых девочек ($X^2=12,148$; $p \leq 0,01$). Кроме того, достоверные различия выявлены между показателями эмоционального восприятия противоположной половой роли часто болеющих мальчиков и часто болеющих девочек ($X^2=12,991$; $p \leq 0,01$), а также здоровых мальчиков и здоровых девочек ($X^2=6,734$; $p \leq 0,01$). Соответственно, для часто болеющих мальчиков более характерно отрицательное эмоциональное восприятие собственной половой роли с предпочтением противоположной половой роли. Различия между здоровыми мальчиками и девочками в восприятии противоположной половой роли менее выражены.

Таким образом, количественный и качественный анализ эмоционального восприятия детьми половых ролей показал, что в ответах детей обоего пола эмоциональное восприятие девочек достоверно позитивнее, чем мальчиков: «девочки любят доброе, красивое, а мальчики любят все крутое и страшное», «девочки красивые, а мальчики – не такие красивые», «мальчики дерутся, а девочки – добрые» и пр.

В представлении об отличительных особенностях мальчиков и девочек у всех детей доминирует критерий «внешние признаки» (у мальчиков чаще, чем у девочек; у здоровых детей чаще, чем у часто болеющих). Тем не менее девочки чаще мальчиков ориентируются на качества личности, а мальчики – на предметно-действенные характеристики. Выявлено также, что часто болеющие

мальчики чаще, чем здоровые, ориентируются на признаки качеств личности в своем представлении о половых ролях, что более характерно для девочек (как здоровых, так и часто болеющих).

Полученные данные показывают, что часто болеющие мальчики (в сравнении с часто болеющими девочками и здоровыми сверстниками обоего пола) имеют более высокие показатели по отрицательному эмоциональному восприятию собственной половой роли. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что статус «часто болеющего ребенка» мальчиком переживается более болезненно, чем девочкой, и это может

негативно отражаться на его межличностных отношениях, оценке себя, собственных возможностей, спровоцировать развитие высокой тревожности.

Результаты исследования подчеркивают необходимость разработки коррекционно-развивающей программы, направленной на эффективное формирование гендерной идентичности, оптимизацию восприятия собственной половой роли у часто болеющих мальчиков 5–7 лет. Своевременная диагностика и коррекция эмоциональных аспектов гендерной идентичности ребенка позволит создать условия, необходимые для гармоничного развития ребенка.

Литература

1. Иванова И.В. Идентичность личности и ее развитие у детей 6–9 лет // Психолог в детском саду. 2006. № 2. С. 17–21.
2. Иванова М.В., Коваленко О.В. Психологические особенности формирования гендерной идентичности в младшем школьном возрасте. Иркутск, 2005. 114 с.
3. Казан В.Е. Когнитивные и эмоциональные аспекты гендерных установок у детей 3–7 лет // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 65–69.
4. Ковалевский В.А. Развитие личности соматически больного дошкольника, младшего школьника и подростка. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 1997. 124 с.
5. Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. 336 с.
6. Кончаловская М.М. Факторы, влияющие на формирование личностной идентичности у детей 5–7 лет // Психолог в детском саду. 2005. № 3. С. 32–44.
7. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Загоруйко Е.Н. Идентичность в норме и патологии. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2000. 256 с.

SPECIALITY OF EMOTIONAL SELF AND OPPOSITE SEXUAL ROLE PERCEPTION OF CHILDREN WITH WEAK HEALTH AT THE AGE OF 5–7

Duskazieva Zh.G., Kovalevsky V.A. (Krasnoyarsk)

Summary. The article defines specialties of self and opposite sexual role perception at the age of 5–7 by children with weak health in comparison with children having strong health of the same age. The exposed specification of emotional perception of self sexual role by a boy with weak health raises the problem of creating the special correctional – developing program, optimizing the process of gender identity formation among boys with weak health at the age of 5–7.

Key words: children with weak health; gender; cognitive; emotional; gender aim; feminine type; muscular type.

ВОЛЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ ЧАСТО БОЛЕЮЩИХ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: ИССЛЕДОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ

О.В. Волкова (Красноярск)

Аннотация. Описаны результаты выявления особенностей волевого действия часто болеющих детей дошкольного возраста, его взаимосвязь с такими социально-психологическими факторами, как материнское отношение и соблюдение в семье ребенка здорового образа жизни, а также показаны возможные направления его психолого-педагогической коррекции.

Ключевые слова: волевое действие; здоровые и часто болеющие дети; старший дошкольный возраст; материнское отношение; здоровый образ жизни.

В современной психологии детству отводится роль важнейшего периода жизни человека, в ходе которого закладываются основы дальнейшего развития его личности, раскрываются основной потенциал и направленность этого развития. Особым фактором, влияющим на развитие личности ребенка, является его соматическое здоровье. В настоящее время проблема развития соматически больных детей становится остро актуальной, что связано с ростом количества соматических заболеваний детей и увеличением количества часто болеющих детей дошкольного возраста. Принято считать, что часто болеющие дети – феномен специфически возрастной. Данную категорию составляют преимущественно дети дошкольного возраста, которые болеют различными респираторными заболеваниями более четырех раз в году [3, 6, 10, 12].

Анализ исследований по проблеме развития волевого поведения показывает, что его совершенствование связано с общим интеллектуальным развитием детей, с появлением мотивационной и личностной рефлексии. Волевое действие, составляющее сущность и единицу волевого поведения, требует особо пристального внимания в плане изучения степени его сформированности в период дошкольного детства. Кроме того, в контексте данной проблемы актуальным является исследование структуры волевого действия, характера влияния на его развитие как эндогенных, так и экзогенных факторов, а также изучение качественных характеристик, касающихся особенностей волевого действия в старшем дошкольном возрасте [1, 2, 4, 7–9, 11, 14].

Современные медицинские и психолого-педагогические исследования определяют ситуацию развития часто болеющего ребенка как качественно иную по сравнению с ситуацией развития здорового ребенка [3, 4, 6, 10, 12]. Одним из наиболее важных факторов развития ребенка являются взаимоотношения со взрослыми, в частности с матерью. Кроме того, в дошкольном возрасте установки ближайших взрослых становятся решающим фактором, определяющим образ жизни ребенка и направление развития его личности [1, 6, 11].

В основу нашего исследования легло предположение о том, что нарушения соматического статуса ребен-

ка в силу создаваемой болезнью особой социальной ситуации развития существенно влияют на развитие волевого действия ребенка старшего дошкольного возраста, что отражается в проявлении низкого уровня развития всех его основных компонентов. Важными социально-психологическими факторами развития волевого действия детей старшего дошкольного возраста в ситуации болезни являются материнское отношение, образовательный потенциал, род занятий и возраст родителей, а также соблюдение здорового образа жизни в семье ребенка.

В качестве представителей контрольной и экспериментальной групп были выбраны равные по демографическим признакам сверстники, посещающие детские дошкольные учреждения, а также их матери. Выбор данных категорий соматически больных детей обусловлен ростом заболеваемости в этих группах. Все обследуемые дети находились в стадии ремиссии и посещали дошкольные образовательные учреждения. Объем репрезентативной выборки составил 53 ребенка старшего дошкольного возраста и 53 матери. Эмпирическая работа проводилась на базе дошкольных образовательных учреждений развивающего типа № 35, 136 и 161 г. Красноярска.

По всем основным структурным компонентам волевого действия, выделенным в монографии Н.А. Цыркун, были подобраны следующие диагностические методики: выбор и осуществление цели – «Донеси постройку» (В.К. Котырло); принятие решения – беседа с условным названием «Да и нет» (Н.И. Гуткина); планирование – «Выкладывание узора по образцу» (Н.А. Цыркун); исполнение намеченного – «Рисуем чёточки», «Хитрая лиса» (Г.А. Урунтаева, Ю.А. Афонькина); совершение усилий – «Лабиринт» (аналог субтеста Векслера); «Графический диктант» (Д.Б. Эльконин); оценка результата – «Домик» (Т.В. Чередникова) [5, 7, 11, 13–16].

Наряду с исследованием уровня развития основных компонентов волевого действия, нами была проведена диагностика материнских отношений с помощью опросника родительского отношения (ОРО) А.Я. Варга и В.В. Столина, который направлен на изучение системы чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей

восприятия и понимания характера и личности ребенка, его поступков. Также наше внимание было уделено изучению степени соблюдения в семьях детей здорового образа жизни с помощью методики Р.А. Захаровой.

В ходе решения практических задач исследования мы получили следующие результаты.

1. Уровень развития волевого действия часто болеющих детей старшего дошкольного возраста ниже, чем уровень развития волевого действия их сверстников, относящихся к категории соматически здоровых детей. Статистически достоверные различия присутствуют на уровне 99,9%. Выводы о выявленных изменениях в сторону снижения уровня развития исследуемого качества справедливы в отношении всех компонентов волевого действия, а именно: выбор и осуществление цели, принятие решения, планирование, исполнение намеченного, совершение усилий и оценка результата.

2. Тип материнского отношения к ребенку оказывает влияние на уровень развития отдельных составляющих волевого действия детей старшего дошкольного возраста. Тем не менее исследование не выявило доминирующего типа материнского отношения, характерного для семей категории часто болеющих либо здоровых детей, что свидетельствует о наличии схожих тенденций в плане качественного и количественного проявления типов материнского отношения в исследуемых группах детей. Наиболее часто встречающимся типом материнского отношения к ребенку в семьях репрезентативных групп является тип, обозначенный в методике «ОРО» А.Я. Варга и В.В. Столина как «Симбиоз» и отражающий межличностную дистанцию в общении с ребенком, стремление удовлетворить все его потребности. На втором месте по частоте случаев находится тип «Авторитарная гиперсоциализация», характеризующая степень контроля поведения ребенка. Статистически достоверные различия в данном случае отсутствуют, что подтверждается на уровне 95%.

3. В группе часто болеющих и в группе здоровых детей в плане соблюдения здорового образа жизни наблюдаются схожие тенденции (95%), характеризующиеся несовпадением идеального представления родителей о здоровом образе жизни и реально существующей в жизни репрезентов ситуации.

Анализ корреляционных связей (на основе подсчета коэффициента корреляции Спирмена) компонентов волевого действия и таких социальных факторов, как тип материнского отношения, возраст и образовательный статус родителей, а также соблюдение здорового образа жизни, показал следующее. Стимулирующую функцию в развитии волевого действия часто болеющих детей выполняют такие факторы, как тип отношения к ребенку «Симбиоз» и возраст родителей, а тормозящую – типы отношения «Кооперация» и «Маленький неудачник», образование родителей и соблюдение в семье здорового образа жизни. Развитию волевого действия

здоровых детей способствуют отношения типа «Принятие – отвержение» и «Кооперация», а снижению – соблюдение здорового образа жизни, образование матери и тип отношения к ребенку «Авторитарная гиперсоциализация».

В части нашей работы, касающейся поисков оптимальных путей и способов психолого-педагогической коррекции, способствующей формированию волевого действия, основной задачей стало целенаправленное воздействие на волевое действие часто болеющих старших дошкольников с целью развития всех его основных компонентов (выбор и осуществление цели, принятие решения, планирование, исполнение намеченного, совершение усилий и оценка результата).

Психолого-педагогическая работа была также обращена к родителям, психологам и медицинским работникам и включала в себя такие задачи, как формирование психолого-педагогической компетенции в области возрастной и медицинской психологии, касающихся психологических особенностей часто болеющих детей старшего дошкольного возраста; освоение способов оптимизации детско-родительских отношений в сторону придания им более теплого и доверительного характера; освоение методов развития волевой сферы личности старших дошкольников; формирование устойчивых представлений о соблюдении здорового образа жизни в сознании часто болеющего дошкольника, его родителей и педагогов. Реализация данных задач внедрялась в рамках психологического консультирования, просвещения, сопровождения и организации тренингов и семинаров для родителей и педагогов.

С целью выявления изменений в уровне развития волевого действия часто болеющих детей старшего дошкольного возраста после проведения системы формирующих мероприятий был проведен контрольный срез с использованием тех же диагностических методик, что и на начальном этапе исследования.

Результаты формирующего эксперимента свидетельствуют о неравномерности распределения выявленных тенденций относительно уровня развития компонентов волевого действия. Наиболее эффективным формирующим воздействием оказалось для такого компонента волевого действия умение исполнять намеченное. Уровень достоверности различий изменился с 99,9% до их полного отсутствия. При исследовании результатов формирования умения совершать усилия были получены результаты (с 99,9 до 99,0%), подтверждающие одну из возрастных особенностей волевого действия старшего дошкольника: способность длительно выполнять задание под контролем взрослого и снижение волевых усилий в ситуации самостоятельного его выполнения. Изменения в степени достоверности различий уровня развития появились и относительно умения принимать решение: 99,9–95,0%. Данный компонент связан с умением ребенка выбирать один правильный вариант ответа

или действия из нескольких. Выбор такого рода часто связан с эмоциональной составляющей личности, а ее незрелость способствует проявлению одной из возрастных особенностей воли дошкольников: выбор в пользу более эмоционально привлекательного образа. Менее всего сближение в уровне развития произошло в таких компонентах, как умение выбирать и осуществлять цель, планировать деятельность и умение оценивать результат. Изменения в уровне достоверности: от 99,9 к 99,0%. Эти три компонента напрямую связаны с когнитивным развитием личности, и их незрелость также является возрастной особенностью.

В целом результаты формирующего эксперимента свидетельствуют об эффективности целенаправленного развития волевого действия часто болеющего дошкольника, основанного на разработке и внедрении сис-

тематизированной программы формирования каждого из компонентов волевого действия.

Полученные результаты подтвердили, что состояние болезни создает особую социальную ситуацию развития ребенка, которая, как следствие, является фактором, оказывающим тормозящее влияние на развитие волевого действия часто болеющих детей старшего дошкольного возраста. Внедрение специально разработанной программы психолого-педагогической коррекции способствует формированию волевого действия и является эффективной в отношении развития всех его основных компонентов при условии целенаправленного и систематизированного воздействия на три основные категории субъектов образовательного процесса – часто болеющих детей старшего дошкольного возраста, родителей и педагогов.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980. 336 с.
2. Божович Л.И., Славина Л.И., Ендовицкая Т.В. Опыт экспериментального изучения произвольного поведения // Вопросы психологии. 1976. № 4.
3. Веселов Н.Г. Социальная педиатрия. СПб.: Ривьера, 1996.
4. Выготский Л.С. Игра и её роль в психическом развитии ребёнка // Вопросы психологии. 1966. № 2.
5. Крайнов Г.Г. Игра как ведущая деятельность и форма организации жизни дошкольников // Игра и развитие личности дошкольника. М.: Просвещение, 1990.
6. Ковалевский В.А. Развитие личности соматически больного дошкольника, младшего школьника и подростка. Красноярск, 1997. 122 с.
7. Котырло В.К. Развитие волевого поведения у дошкольников. Киев, 1971. 199 с.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2004.
9. Лисина М.И. О некоторых условиях превращения реакций из непроизвольных в произвольные: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1955.
10. Слободчиков В.С., Ветков В.И. Частота острых заболеваний у детей дошкольного возраста // Региональные проблемы здоровья населения: Сб. науч. тр. Новокузнецк, 1991. С. 81–82.
11. Смирнова Е.О. Развитие воли и произвольности в раннем и дошкольном возрастах. М.: Институт практической психологии, 1998.
12. Таточенко В.К. Острые заболевания органов дыхания у детей. М., 1981. 207 с.
13. Урунтаева Г.А. Дошкольная психология. М.: Академия, 1999.
14. Цыркун Н.А. Развитие воли дошкольников. М., 1991.
15. Черединова Т.В. Тесты для подготовки и отбора детей в школы: рекомендации практического психолога. СПб.: Стройлеспечать, 1996.
16. Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1999.

WILL ACTION OF PRE-SCHOOL AGE CHILDREN WITH WEAK HEALTH: SPECIALITIES AND WAYS OF PSYCHOLOGICAL CORRECTION
Volkova O.V. (Krasnoyarsk)

Summary. The article is devoted to the problem of will power comparison of under school aged children with strong and weak health. The attention is paid to the influence of mothers' attitudes to their kids as well as to the attitudes to the important points of healthy life in families. The research on the matter shows that will power in this period of life is closely connected with the factor of children's health.

Key words: will power action; under school age; children with strong health; children with weak health; mothers' attitudes to their kids; healthy life style.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ МЛАДЕНЧЕСКОГО И РАННЕГО ВОЗРАСТА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СПОСОБА РОДОВСПОМОЖЕНИЯ

Ю.Г. Потребич, Н.А. Кравцова, А.В. Катасонова (Владивосток)

Аннотация. Проведено сравнительное исследование эмоциональной сферы детей младенческого и раннего возраста, рожденных естественным путем без осложнений, с асфиксией и путем кесарева сечения. Выявлена сопряженность эмоциональных проявлений в младенческом и раннем возрасте со способом родовспоможения.

Ключевые слова: кесарево сечение; асфиксия; перинатальный риск; эмоциональная сфера; психическое напряжение.

Каждый из нас, появляясь на свет, обладает особыми качествами, которые состоят из наследственного оснащения, определяемого генами, хромосомами, а также внутриутробными воздействиями, имеющими место во время беременности, и воздействиями в процессе родов [7]. Дети, рожденные естественным путем с асфиксией и путем кесарева сечения, относятся к группе детей с факторами перинатального риска.

В последние годы неоправданно возросло число случаев кесарева сечения, сделанного по желанию женщины, без прямых показаний для операции. По данным Villar J. et al., по сравнению с 1980-ми гг., когда число случаев кесарева сечения составляло 9% от числа естественных родов, в 2004–2005 гг. процент операций вырос до 23, что составляет почти четвертую часть общего числа родов [1]. По рекомендациям ВОЗ родоразрешение путем кесарева сечения не должно превышать 15% всех родов. Связано это с тем, что операция кесарева сечения сопровождается дополнительным риском осложнений для новорожденного. По данным Villar J. et al. (2007), как плановое, так и экстренное кесарево сечение сопровождалось не менее чем двукратным увеличением риска осложнений, включая материнскую смертность. Риск использования антибиотикотерапии по поводу послеоперационных инфекционных осложнений возрастал при кесаревом сечении почти в пять раз. При головном предлежании плода кесарево сечение сопровождалось увеличением риска неонатальной заболеваемости и смертности независимо от срока беременности и наличия признаков дистресса плода [1]. По данным В.И. Кулакова, новорожденные от прооперированных матерей труднее адаптируются к внеутробной жизни по сравнению с детьми, родившимися естественным путем без осложнений [4].

При доношенной беременности во время кесарева сечения ребенок не проходит все стадии родового акта, в частности продвижение по родовым путям матери. Внезапное рождение ребенка не способствует своевременному созреванию лимбико-ретикулярного комплекса, который отвечает за формирование психосоматических взаимодействий [9]. По данным Л.С. Цветковой, интенсивное развитие мозга начинается с 20-й недели внутриутробного периода и продолжается 40 недель, а

пик активности приходится на момент родов. Само время начала родов определяется зрелостью подкорковых структур мозга, а не медицинскими показаниями и календарным сроком [9]. Плановое кесарево сечение обычно делается раньше, чем случились бы естественные роды. Адаптация к внешнему миру у таких детей проходит тяжелее из-за того, что переход из одной среды в другую происходит резко, без того промежуточного этапа, каким являются естественные роды. В этом случае ребенок минует прохождение через родовые пути и сразу сталкивается с кризисом отделения от матери и перерезания пуповины. В условиях естественных родов ребенок, проходя по родовым путям матери, учится преодолевать трудности, а его воссоединение с матерью в конце пути дает его организму сигнал о том, что роды прошли нормально [6].

В естественных родах осложнения чаще всего связаны со слабостью сократительной деятельности матки и развивающейся при этом асфиксией плода (Карасева А.Э., 2005). В ситуации тяжелых родов, в том числе в условиях длительного безводного периода и нераскрытия шейки матки, возникает реальная угроза для здоровья и жизни ребенка [3].

По мнению О. Ранка, А.И. Захарова, испытываемый ребенком страх в процессе тяжелых родов может надолго оставить след в его пусть и несовершенной, но более чем чувствительной психике. По данным О. Ранка, у детей, перенесших травмирующий родовой опыт, отмечается более раннее появление страхов [6]. Перинатальный опыт в исследованиях О. Ранка и А.И. Захарова рассматривается как отражение в подсознательных психических структурах (преимущественно правого полушария) эмоционального состояния, пережитого ребенком при рождении [2, 6].

Таким образом, как естественные роды, так и роды с помощью кесарева сечения, несомненно, оказывают влияние на ребенка и являются для него стрессом. При этом родовспоможение путем кесарева сечения для ребенка есть стресс, который начинается, когда его извлекают из утробы матери, и не заканчивается, а продолжается. А естественные роды без осложнений являются для ребенка стрессом, который начинается при прохождении через родовые пути и заканчивается, как только

ребенок появится на свет. Кроме того, первичные привязанности, формируемые в первый год жизни и закладывающие основу для дальнейшего эмоционального развития, существенно зависят от наличия факторов интранатального риска. Это позволяет предполагать, что способ родовспоможения и наличие осложнений в родах могут влиять на протекание бондинга (первые двое суток после рождения) и формирование первичных эмоциональных связей между матерью и ребенком, являющихся основой эмоционального развития ребенка.

Цель исследования – сравнительный анализ проявлений эмоциональной сферы детей младенческого и раннего возраста, рожденных естественным путем без осложнений, естественным путем с асфиксией и путем планового кесарева сечения.

Материал и методы исследования. Всего обследовано 150 детей младенческого и раннего возраста. Выборка представлена тремя группами: в первую группу вошли 75 детей, рожденных путем кесарева сечения, во вторую – 42 ребенка, рожденных естественным путем без осложнений, в третью – 33 ребенка, рожденных естественным путем с асфиксией. Каждая группа поделена на возрастные подгруппы: дети в возрасте до 1 года, с 1 года до 2 лет, с 2 до 3 лет. Группы представлены мальчиками и девочками, которые воспитываются в полных и неполных семьях, родились и проживают в городе Владивостоке. Операция кесарева сечения, произведенная при рождении вошедших в нашу выборку 75 испытуемых, была плановой. Исследование проводилось на клинической базе кафедры клинической психологии и психосоматической патологии Владивостокского государственного медицинского университета.

Производилась оценка степени неблагоприятного исхода беременности матерей испытуемых в процессе беседы и заполнения «Шкалы перинатального риска». Наличие невротических реакций, тревоги и страхов у детей раннего возраста определялось методикой «Признаки психического напряжения и невротических тенденций М. Рузе», состоящей из 39 вопросов. Исследование проводится преимущественно экспертным методом [5]. Экспертами являлись матери детей. Эмоциональная сфера детей определялась с помощью «Оценочной шкалы эмоциональных проявлений Й. Шванцара», составленной чешским психологом Й. Шванцара на основе особо значимых эмоциональных проявлений детей младенческого и раннего возраста [10]. При этом по вертикали перечисляются эмоциональные проявления ребенка, а по горизонтали отмечается степень выраженности каждого из них. В итоге создается своего рода профиль чувственных проявлений конкретного ребенка.

Результаты анализа шкалы оценки перинатального риска показали, что матери, родившие детей естественным путем с асфиксией и путем кесарева сечения, относятся к группе высокого риска неблагоприятного исхода беременности. Перинатальный риск в указанных

группах составил соответственно 16 и 17 баллов, что достоверно выше, чем в группе детей, рожденных естественным путем без асфиксии, – 8 баллов ($p < 0,01$).

Анализ невротических реакций, тревоги и страхов у детей раннего возраста, определяемых методикой «Признаки психического напряжения и невротических тенденций М. Рузе», показал, что у детей, рожденных путем кесарева сечения, достоверно ($p \leq 0,05$) преобладают такие симптомы, как «беспокойный сон», «медленное засыпание с трудом» и «медленное с трудом пробуждение», «частый плач», «припадки злости». У детей, рожденных естественным путем с асфиксией, достоверно ($p \leq 0,05$) преобладают такие симптомы, как «беспокойный сон», «медленное засыпание с трудом», «частый плач», «пугливость», «повышенная тревожность», «боязнь темноты». Как видно из представленных данных, дети указанных групп имеют сходство в таких нарушениях, как «беспокойный сон» и «затруднение засыпания», а также «частый плач». При этом дети, рожденные путем кесарева сечения, достоверно чаще имеют проблемы с пробуждением и агрессивностью, а дети, рожденные естественным путем с асфиксией, более тревожны и боязливы.

Таким образом, у детей младенческого и раннего возраста с факторами интранатального риска выявлено нарушение сна. Как известно, особое место среди причин, приводящих к расстройствам сна в раннем возрасте, занимают острые и хронические психотравмы, каковыми и являются, прежде всего, асфиксия в родах и операция кесарева сечения. Несомненно, что predisposing фактором для возникновения расстройств сна является цереброорганическая недостаточность перинатального генеза.

Анализ эмоциональной сферы детей с помощью «Оценочной шкалы эмоциональных проявлений Й. Шванцара» показал, что у детей раннего возраста, рожденных путем кесарева сечения, достоверно преобладают возбуждаемость, плаксивость, обидчивость, ласковость, агрессивность, сомнение, упрямство ($p \leq 0,05$).

У детей раннего возраста, рожденных естественным путем с асфиксией, достоверно ($p \leq 0,05$) преобладают возбуждаемость, плаксивость, обидчивость, ласковость, агрессивность, сверхчувствительность. Из представленных данных видно, что у детей обеих групп по сравнению с детьми, рожденными естественным путем без асфиксии, достоверно чаще встречаются возбуждаемость, ласковость, обидчивость, агрессивность. При этом детей, рожденных путем кесарева сечения, достоверно отличает сомнение, упрямство, а детей, рожденных естественным путем с асфиксией, сверхчувствительность ($p < 0,05$).

Таким образом, полученные результаты подтверждают предположение о влиянии характера протекания интранатального периода на проявления эмоциональной сферы ребенка в младенчестве и раннем детстве. Спо-

соб родовспоможения и наличие асфиксии в родах влияют на возникновение у детей младенческого и раннего возраста признаков психического напряжения и невротических реакций. Проявления нарушений эмоциональной сферы у детей, рожденных путем планового кесарева сечения, и детей, рожденных естественным путем

с асфиксией, имеют некоторые различия. Дети, рожденные путем планового кесарева сечения, достоверно чаще имеют проблемы с пробуждением, сомнолентность, упрямство и более агрессивны, а дети, рожденные естественным путем с асфиксией, более тревожны, сверхчувствительны и боязливы.

Литература

1. Villar J. et al. Maternal and neonatal individual risks and benefits associated with caesarean delivery: multicentre prospective study // BMJ. 2007. № 335. P. 1025–1035.
2. Захаров А.И. Предупреждение отклонений в поведении ребенка. СПб., 1997.
3. Карасева А.Э. Психологические особенности женщин со слабостью сократительной деятельности матки в родах // Психотерапия и медицинская психология. 2005. № 1.
4. Кулаков В.И. Кесарево сечение. М., 1998.
5. Практикум по возрастной психологии: Учеб. пособие / Под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. СПб.: Речь, 2002. 694 с.
6. Ранк О. Травма рождения. М., 2004.
7. Рене А., Шниц У., Коблинер Г. Первый год жизни / Пер. с англ. Л.Б. Сумм; Под ред. А.М. Боковой. М.: Академический проект, 2006. 352 с.
8. Уайт Б. Первые три года жизни. М., 1982.
9. Цветкова Л.С. Актуальные проблемы нейропсихологии детского возраста. Москва; Воронеж, 2001.
10. Шванцара Й. и др. Диагностика психического развития. Прага: Авицеллум, 1978. 388 с.

THE RESEARCH OF THE EMOTIONAL SPHERE IN INFANT AND EARLY CHILDHOOD AGED CHILDREN DEPENDING ON THE OBSTETRICS WAY

Potrebich Y.G., Kravtsova N.A., Katasonova A.V. (Vladivostok)

Summary. The comparative emotional sphere research of infant and early age children born naturally without any complications with same ones born with asphyxia and by caesarean section is carried out. Connection of emotional manifestation in infant and early age children with the way of birth auxiliary aid is revealed.

Key words: caesarean section; asphyxia; perinatal risk; emotional sphere; psychic tension.

ИНТРАЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ В ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАБИЛИТАЦИИ БОЛЬНЫХ ГЕРОИНОВОЙ НАРКОМАНИЕЙ

Г.Ю. Неверова (Барнаул)

Аннотация. Анализируется роль личностных ресурсов больных героиневой наркоманией. Важнейшим условием, выступающим в качестве основания возвращения к нормальной жизни людей, испытывающих (испытывших) зависимость от психоактивных веществ, является комплекс их интраличностных ресурсов, одно из ведущих мест в числе которых занимает психическая ригидность–флексibilität.

Ключевые слова: интраличностные ресурсы; ригидность; флексibilität; психологическая коррекция; потенциалы личности; характерологические особенности; героиневая наркомания.

Вопросы зависимости от психоактивных веществ (ПАВ) на протяжении уже весьма длительного времени выступают центральной проблемой теоретической и практической психологии и психотерапии. Вместе с тем в настоящее время, на наш взгляд, нет единой концептуальной базы, рассматривающей вопросы реабилитации больных героиневой наркоманией, отсутствует единая точка зрения на возможность возвращения к нормальной, полноценной жизни лиц с зависимостью от психоактивных веществ.

В связи с этим представляется актуальной попытка рассмотрения возможностей содержательной интеграции медицинского и психологического подходов к ресоциализации лиц, страдающих героиневой зависимостью, в контексте реализации Миннесотской терапевтической модели «12 шагов».

Нам видится, что важнейшим условием, выступающим в качестве основания возвращения к нормальной жизни людей, испытывающих (испытывших) зависимость от психоактивных веществ, является комплекс их интраличностных ресурсов, одно из ведущих мест в числе которых занимает психическая ригидность–флексibilität [4–7].

Кроме того, мы можем с уверенностью утверждать, что процессы медицинского лечения и психологической коррекции, идущие параллельно, также должны опираться на потенциалы личности – биологические, социальные и психологические, а базисным условием существования и развития индивида является его способность сохранять равновесие с внутренним и внешним стимулами и событиями, что, безусловно, обеспечивается высоким уровнем выраженности психической флексibility, а также рядом факторов (структура личности, характерологические особенности, семейные отношения и т.д.) [3, 9]. Реабилитационная терапевтическая программа «12 шагов» в рамках поэтапного психотерапевтического воздействия на поведение больных наркоманией в малых динамических группах предполагает комплексное изменение когнитивной, эмотивной и поведенческой активности личности. Прежде всего, мы ведем речь об изменении отношения к себе, своему окружению и, конечно, заболеванию, что также говорит о необходимости целевого воздействия на «интегративный

личностный континуум психическая ригидность–флексibilität» [8].

В связи со способностью зависимостей «перетекать» друг в друга требуется выработка у пациента ресурса чувствительности, сенситивности к изменениям своего состояния, к возникновению новых, неадекватных потребностей, ожиданий, ощущений, каковая (чувствительность) также базируется на выраженном уровне психической флексibility.

В современных исследованиях психическая ригидность–флексibilität определяется как (относительная) неспособность личности в случае требований объективной ситуации «изменить свою психическую установку», «реагировать на новую ситуацию», «переконструировать способы поведения», «усвоить средства приспособления», «корректировать программу деятельности» [6].

В контексте основной идеи нашей работы мы рассматриваем психологические (интраличностные) ресурсы наших пациентов в смысле выраженности психической ригидности–флексibility в рамках методологического подхода Г.В. Залевского. Были обследованы больные героиневой наркоманией, состоящие на учете в Алтайском краевом наркологическом диспансере.

Таким образом, для решения поставленных задач нами проведено исследование психической ригидности–флексibility с применением Томского опросника ригидности Залевского (ТОРЗ), были использованы также методики, направленные на изучение характерологических особенностей пациентов, – личностный опросник Бехтеревского института (ЛОБИ), Миннесотский многопрофильный личностный опросник (MMPI), опросник УНП – уровень невротизации и психопатизации, цветовой тест МЦВ М. Люшера, осуществлялось наблюдение за поведенческой динамикой участников реабилитационной программы, рассматривались психологический анамнез и психологический катамнез, а также анализировалась внутренняя картина болезни.

Осуществлен сравнительный анализ в группе, где работа проводилась без учета индивидуальных особенностей и изучения уровня выраженности психической ригидности–флексibility, и в группе, где работа проводилась с учетом индивидуально-личностных особенностей и уровня выраженности интраличностного

ресурса психической ригидности–флексibilityности в структуре личности больных героиневой наркоманией.

Также нами проведено сравнительное изучение распространенности употребления психоактивных веществ среди жителей Алтайского края, дана сравнительная оценка характера употребления среди городского и сельского населения. При этом отмечено, что среди жителей городов уровень употребления ПАВ существенно выше, чем среди сельского населения. Изучены психологические факторы формирования, развития героиневой наркомании с учетом индивидуальных и личностных особенностей зависимых. На основе полученных данных разработаны и уточнены подходы к дифференцированной психологической реабилитации больных с опиоидной наркоманией в ходе реализации программы «Поэтапное воздействие на поведение больных наркоманией и алкоголизмом в малых динамических группах» и программы «12 шагов».

На основании полученных данных разработана и внедрена комплексная модель психокоррекционной программы, включающая проведение мероприятий на трех взаимосвязанных периодах: предреабилитационном, собственно реабилитационном (основная часть лечебно-реабилитационного процесса) и профилактическом (постреабилитационном). Выявлен механизм влияния интегративного интраличностного ресурса психической ригидности–флексibilityности на эффективность социально-психологической реабилитации и реадaptации больных наркологического профиля.

Определены дифференциально-диагностические значения психической ригидности–флексibilityности как интраличностного ресурса больных героиневой наркоманией в качестве одного из оснований построения и реализации реабилитационных программ с учетом особенностей ее проявления при наркотической зависимости. Разработаны критерии и методы дифференциальной оценки психической ригидности–флексibilityности, опираясь на результаты сравнительного исследования здоровых лиц (нормы) и больных наркоманией, что позволило определить среднегрупповые показатели (нормы и патологии) по всем параметрам психической ригидности–флексibilityности – интенсивности, экстенсивности – для групповой дифференциальной оценки.

В качестве одного из наиболее патогномичных (в отношении развития патологического пристрастия к психоактивным веществам) типов акцентуации характера и психопатий рассматривается «неустойчивый тип», своеобразие которого определяется неустойчивостью мотивационно-потребностной сферы в сочетании с импульсивностью и ведомостью.

Предрасположенность к зависимости кроется не в конкретном спектре акцентуаций характера и психопатий, но в отдельных интраличностных особенностях индивида. Эти уязвимые места обеспечивают своеоб-

разную психологическую готовность к формированию патологического влечения к психоактивному веществу в силу того, что оно быстро интегрируется в структуру индивидуальности таких людей, выполняя задачу компенсации личностных аномалий (выражаясь языком психиатрии) либо психологической защиты (согласно терминологии психотерапии) и своеобразной формы адаптации. Естественно, что такая компенсация (защита) является «суррогатной», патологической, психоактивное вещество выступает несовершенным, чреватым пагубными последствиями модулятором психического состояния. Личность в силу тех или иных условий не располагает внутренними, собственно психическими ресурсами совладания и адаптации и уступает перед аддитивной силой того или иного психотропного химического вещества.

Исследования устанавливают [1, 4], какие именно «болезненные зоны» личности являются наиболее задействованными в патогенезе зависимостей от ПАВ, от чего аддикт тщетно пытается «защититься», употребляя алкоголь либо наркотики, и какие интрапсихические задачи он тем самым пытается решить. Большое значение имеют психические травмы раннего детского возраста. Основа аддитивных расстройств – это прежде всего страдание и лишь во вторую очередь поиск удовольствия и сопутствующее ему стремление к саморазрушению. В большинстве случаев психотравмирующее воздействие в детском анамнезе аддиктов носит неявный, скрытый, «условно патогенный» характер, если пользоваться терминологией взрослой психиатрии. Речь идет, как правило, о неспособности ближайшего окружения создать для ребенка атмосферу доверия, защищенности, эмоционального резонанса. Ситуация эмоциональной депривации может скрываться за внешне вполне благополучной домашней обстановкой. В частности, за ситуацией гиперопеки и гиперпротекции, когда никто даже и не подозревает о том, что в отношениях родителей с детьми не хватает очень важных чувственных и поведенческих компонентов.

Большое значение имеет нарушение функции внутреннего контроля. Недостаток контроля в эмоциональной сфере, проявляющийся феноменами эмоциональной лабильности, невозможности овладеть собственными эмоциями, охваченности чувствами и т.п., приводит к необходимости использования внешних средств, способных повлиять на эмоциональное состояние, в том числе к употреблению наркотиков. Недостаток контроля в когнитивной сфере обуславливает невозможность точной оценки риска и собственных действий. Низкая способность к рефлексии исключает возможность опираться на свой жизненный опыт и прогнозировать результаты своих действий, что может служить дополнительным фактором начала и развития наркотизации и вызывать трудности психологической коррекции больных наркоманией. Недостаток контроля в мотивацион-

но-потребностной сфере становится причиной ее недостаточной структурированности, а в результате доминирования сиюминутных побуждений и неспособности подчинить свою деятельность более отдаленным целям, при этом отсутствие интериоризованных социальных норм приводит к импульсивности и даже склонности к насилию и антисоциальному поведению.

В области межличностных взаимодействий аддиктов отличает тенденция к формированию кататимно окрашенных сверхценных отношений с первостепенно значимыми близкими, получившая в наркологической литературе определение «созависимость». Такая тенденция восходит к ранним стадиям онтогенеза, в которых взаимосвязь с объектом сосредоточения основных жизненных потребностей (чаще с матерью) приобретает симбиотический характер. При оптимальном завершении данной стадии формируется зрелая, «нормальная» амбивалентность в отношении к значимым фигурам окружения, объединяющая в реальной пропорции восприятие их «плохих» и «хороших» сторон. Если процесс формирования «объектных отношений» по каким-то причинам (конституционально-биологического, посттравматического стрессового характера) нарушается, то последующие оценки близких людей сохраняют элементы двойственности, «расщепления», а поведение в наиболее актуальных интеракциях приобретает черты непредсказуемости и необязательности. Как показывают наблюдения, тенденция к формированию таких взаимоотношений не коррелирует с какими-либо патохарактерологическими типами преморбиды и поэтому является относительно специфическим личностным фактором предрасположения.

Важно, что патологическое влечение к наркотическим веществам, помимо биологической составляющей, имеет определенные психологические функции, а употребление наркотических веществ представляет собой поведение, обладающее личностным «смыслом». При планировании психотерапевтической работы необходимо учитывать, что влечение и прием ПАВ – это патологический способ саморегуляции, смещение нормальных влечений и потребностей человека на «суррогатный» объект. Употребление наркотиков обеспечивает защиту

от невыносимых для осознания глубинных чувств одиночества, вины и стыда и удовлетворяет инфантильное стремление к незамедлительной разрядке потребности в удовольствии.

Психоактивное вещество создает иллюзию целостности Я (единства идентичности) и помогает справиться с фрустрацией нарциссических желаний. Оно временно обеспечивает аффективную толерантность, является патологическим средством модуляции настроения и в патологическом виде воссоздает картину ранних отношений созависимости (объектных отношений).

Из вышесказанного следует, что основная задача специалистов, работающих с данной категорией больных, в частности медицинских психологов, в наркологических учреждениях должна заключаться в том, чтобы помочь зависимому «запустить» продуктивные механизмы, обеспечивающие процесс его личностного развития в новых, порой неблагоприятных условиях, т.е. сформировать необходимую адаптивность к текущим ситуациям. К таким механизмам относятся способность к позитивной дезинтеграции, принятие решений в направлении будущего, готовность к изменениям и способность видеть альтернативы, тенденция исследовать и эффективно использовать свои ресурсы. Не случайно именно поэтому в контексте данного исследования мы поставили перед собой задачу изучения возможностей развития психической флексибильности как адаптивного ресурса психической устойчивости зависимых от психоактивных веществ.

Развитие различных психокоррекционных форм помощи наркозависимым способствует стабилизации ремиссий у больных героиновой наркоманией. Применение поэтапной формы психологической коррекции повышает противорецидивную устойчивость за счет приобретения новых поведенческих навыков, которые развиваются благодаря актуализации интраличностного ресурса психической ригидности–флексибильности [8], что также способствует укреплению мотивации на отказ от употребления ПАВ и в самом широком смысле повышает жизнеспособность индивида, обеспеченную полноценным развитием и функционированием психического аппарата.

Литература

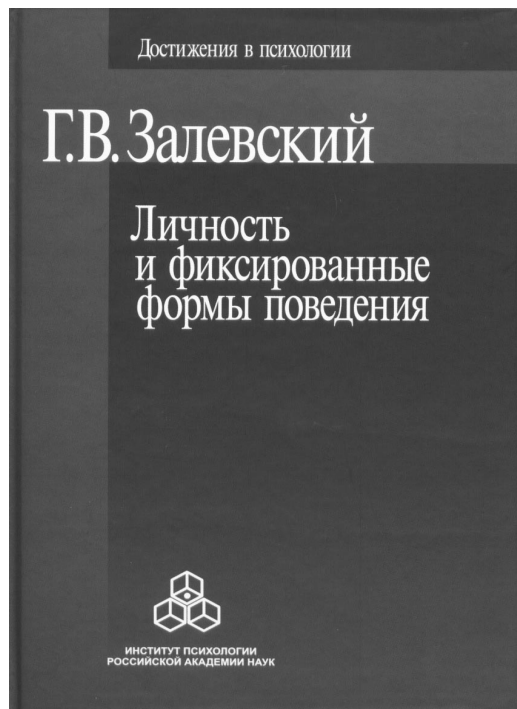
1. Александровский Ю.А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация. М., 1976. 272 с.
2. Бохан Т.Г., Залевский Г.В. К проблеме необходимости и возможности психологической коррекции ригидности у детей // Сибирский психологический журнал. 1997. № 5. С. 15–19.
3. Вассерман Л.И. Психодиагностическая шкала для оценки уровня социальной фрустрированности // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1995. № 2. С. 73–79.
4. Залевский Г.В. Психическая ригидность–флексибильность в структуре личности людей с субъект-субъектной профессиональной ориентацией: Дис. ... канд. психол. наук. Томск, 1999.
5. Залевский Г.В. «Принцип экономии» в объяснении психической ригидности // Сибирский психологический журнал. 1996. Вып. 3. С. 21–39.
6. Залевский Г.В. Психическая ригидность в норме и патологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 272.
7. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. 192 с.
8. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). Москва; Томск: Томский государственный университет, 2004. 460 с.

9. Кабанов М.М. Роль психических факторов в современной клинической медицине // Сов. медицина. 1982. № 12. С. 91–98.
10. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск, 2001. 274 с.
11. Семке В.Я., Аксенов М.М. Пограничные состояния: региональные аспекты. Томск: ТГУ, 1995. 182 с.

INTRAPERSONAL RESOURCES IN EFFICIENCY OF REHABILITATION SICK HEROIN THE NARCOTISM
Neverova G.J. (Barnaul)

Summary. In clause the role of intrapersonal resources sick heroin is analyzed by a narcotism. The major condition which is representing itself as the basis of returning by a normal life of people, testing (tested) dependence from drug substances, their complex of the intrapersonal resources, one of leading places among which is, borrows mental rigidity-flexibility.

Key words: intrapersonal resources; rigidity; flexibility; psychological correction; potentials of the person; characterologically features; heroin a narcotism.

Залевский Г.В.

Личность и фиксированные формы поведения. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 336 с. (Достижения в психологии)

В монографии проанализированы и систематизированы отечественные и зарубежные данные, материалы собственных многолетних экспериментально-психологических исследований фиксированных форм поведения на основе системно-структурного подхода. В центре экспериментально-психологического анализа находятся ригидность–флексibilität в континууме predispositional фактора феноменологии фиксированных форм поведения отдельного человека как индивидуальной системы, семьи, организационных сообществ, школы, этносов как групповых систем.

В последнем разделе монографии аргументируются дифференциально-диагностическое, прогностическое, реабилитационное значения проблемы фиксированных форм поведения для медико-психологической практики, а также практик образовательной, инновационной, научного творчества и межэтнических отношений.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ РЕБЕНКА (НА ПРИМЕРЕ БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМЫ)

С.В. Смирнова (Благовещенск), Г.В. Залевский (Томск)

Аннотация. Рассматриваются сравнительные психологические характеристики личности матерей, имеющих детей, страдающих бронхиальной астмой.

Ключевые слова: психическая адаптация; этиопатогенез; бронхиальная астма; психосоматоз.

Бронхиальная астма – одно из самых распространенных и тяжелых психосоматических заболеваний. Распространенность этой патологии среди детей, проживающих в промышленных городах нашей страны, колеблется от 0,6 до 1%.

За последние три десятилетия распространенность бронхиальной астмы в детской популяции в России увеличилась на 300%. При этом до 25–30% больных детей страдают тяжелой формой бронхиальной астмы, характеризующейся частыми приступами удушья и практически постоянно сохраняющимися признаками нарушения проходимости бронхов [13].

В Амурской области за последние десять лет увеличилась доля наблюдаемых в педиатрической сети детей, страдающих соматическими расстройствами, хотя и не имеющих органической патологии, с 40 до 70% [13]. Это отражает общие тенденции изменения структуры детской заболеваемости: уменьшение представленности болезней эпидемической группы при увеличении неэпидемической группы болезней, в том числе психосоматических [5].

Взаимосвязь между психологическими особенностями личности и этиологией бронхиальной астмы не вызывает сомнений ни у врачей-аллергологов, ни у психологов. На роль психогенных факторов в формировании и рецидивировании бронхиальной астмы обращалось внимание во многих фундаментальных исследованиях, посвященных этиологии психосоматозов [1, 4–6].

По данным Д.Н. Исаева, психогенные факторы играют существенную роль у 44% детей с бронхиальной астмой. В этой группе пациентов наиболее четко прослеживается связь между обострениями болезни и их эмоциональным состоянием. При этом эмоциональные факторы могут не только провоцировать приступ удушья, но и модулировать клинический ответ больного на контакт со специфическими аллергенами. Так, положительный эмоциональный фон может препятствовать развитию приступа бытовой бронхиальной астмы при пребывании больного в запыленном помещении, а даже приближение к дому, в котором у ребенка закономерно возникают приступы удушья, может сопровождаться выраженным затруднением дыхания [5].

Сегодня, пожалуй, никто из родителей, не будет возражать против утверждения о том, что здоровье ребенка, его психика и личностные качества во многом опре-

деляются взаимоотношениями, которые складываются в течение жизни между формирующейся личностью ребенка и его ближайшим взрослым окружением. Но каждый из взрослых по-своему представляет и реально строит взаимоотношения с ребенком. Это во многом определяется разным пониманием сути воспитания – того, что является стержнем взаимоотношений между ребенком и взрослым, – воспитательных отношений [5].

Искаженные взаимоотношения в семье из-за недостаточной откровенности, бесплодных споров, неспособности договориться между собой для решения семейных проблем, сокрытие семейных тайн от ребенка – все это крайне затрудняет ему возможность приспособления к жизни. Следует ли говорить, что такая неопределенная и, как правило, напряженная обстановка, в которой воспитывается ребенок, чревата риском для его здоровья [11].

Обсуждая вопрос этиопатогенеза бронхиальной астмы, нельзя не остановиться на концепциях представителей психоаналитического направления, определяющих психологические особенности личности и внутрисемейные отношения как первичное звено в развертывании клинической картины бронхиальной астмы. Так, Ф. Александер рассматривает бронхиальную астму в детском возрасте как конверсионную реакцию, символическое выражение крика ребенка, тоскующего в связи с недостатком материнского внимания [1].

Некоторые психологические особенности членов семьи представляют для любого ребенка потенциальный риск психосоматического расстройства. Это может быть связано, во-первых, с генетической передачей ребенку повышенной сенситивности, во-вторых, с влиянием психологических качеств личности родителей на жизнь в семье. Раздражительность и излишняя тревожность родителей лишают ребенка покоя, чувства уверенности. Родительские страхи могут стать причиной ограничения детской активности, так как ввиду идентификации с родителями ребенок, так же как и они, может переживать тревогу или страхи [12].

Для изучения роли личностных особенностей родителей в этиопатогенезе бронхиальной астмы нами проведено исследование на базе Амурской областной детской клинической больницы г. Благовещенска.

Выборка формировалась из матерей находящихся на стационарном лечении детей. Первая группа была сфор-

мирована из матерей детей, находящихся на лечении по поводу бронхиальной астмы, а вторая группа включала матерей детей, находящихся на лечении по поводу острой травматологической и хирургической патологии. Средний возраст исследуемых матерей – 34,5 года, а возраст детей – 7,5 года.

В ходе исследования применялись следующие методики: тест Кетелла, опросник нервно-психической адаптации И.Н. Гурвич (1992), Томский опросник ригидности Г.В. Залевского (2000), модифицированный вариант диагностики межличностных отношений Л.Н. Собчик (1998).

Психическая адаптация родителей является фактором, влияющим на динамику и течение заболевания ребенка [10]. Большое внимание при исследовании данной характеристики привлекло то, что уровень нервно-психической дезадаптации у обеих групп испытуемых оказался невероятно высок. В группе матерей детей с бронхиальной астмой средний количественный показатель данного признака составил 37,6, что соответствует статусу вероятно болезненного состояния дезадаптации, т.е. самому высокому, тогда как во второй выборке родителей – 21,9, что соответствует патологической дезадаптации (рис. 1).

Ю.А. Александровский определяет дезадаптацию как «поломку» в механизмах психического приспособления

при остром или хроническом эмоциональном стрессе, которые активизируют систему компенсаторных защитных реакций [7]. Аналогичные проявления нарушений приспособления, носящие обратимый характер, В.Я. Семке (1988) были обозначены как психозадаптационные состояния. Наряду с утратой адаптивного характера реагирования, ломкой сложившихся механизмов психологической защиты эти проявления характеризуются проявлениями новых форм реагирования в виде тревожности или ригидности, выступающих основным фактором превращения аномальных личностных реакций в стойкие патохарактерологические расстройства. Можно предположить, что нарушения психической адаптации матерей, с одной стороны, являются реакцией на заболевание ребенка и факт госпитализации, а с другой – выступают в виде вторичных психогенных факторов, приводящих к еще большему усугублению болезненного состояния ребенка по типу «замкнутого круга».

В ходе исследования были получены сведения о наличии тесной положительной корреляционной связи ($r = 0,597$ при $p < 0,95$) в первой группе респондентов между параметрами психическая ригидность и нервно-психическая дезадаптация.

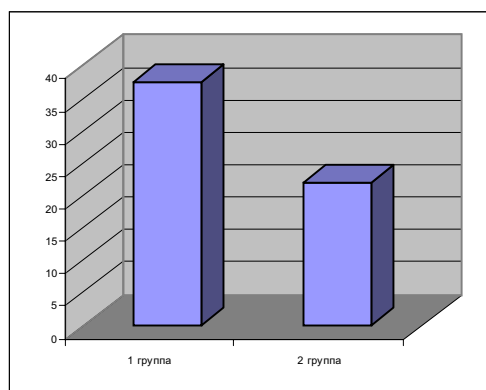

Рис. 1. Сравнительные показатели по тесту нервно-психической дезадаптации

Для оценки достоверности различий было проведено диагностическое исследование сравниваемых групп. Анализируя с помощью U-критерия Манна–Уитни полученные данные, мы констатировали наличие достоверных различий по признаку нервно-психической дезадаптации, измеренной тестом Гурвича.

Исследование показало, что признаки нервно-психической дезадаптации у мам детей с бронхиальной астмой выражены в более значительной степени, $U_{\text{эмп}} = 294$ при $U_{\text{кр}} = 338$, $p < 0,05$, что не удивительно, если обратить внимание на указанный выше коэффициент корреляции между данным показателем и уровнем их психической ригидности.

На основании анализа значимых корреляционных связей нами выделены следующие сочетания личностных характеристик матерей первой исследовательской

выборки: авторитарный стиль поведения, неадекватная самооценка, импульсивность и недостаточный самоконтроль, обособленность, недоверчивость и подозрительность, конформность, инертность в принятии решений, переоценка значимости мнения других. Выявлена закономерность влияния опыта в переживании субъективно трудных ситуаций на усугубление психической дезадаптации, снижение самооценки, повышение конформности и интравертированности.

В ходе исследования нам удалось выяснить, что в выборке матерей детей с бронхиальной астмой отмечаются более высокие показатели психической ригидности в отличие от умеренных во второй группе матерей. Психическая ригидность, по данным Г.В. Залевского, сопровождается такими особенностями личности, как скованность, отчужденность, замкнутость [8].

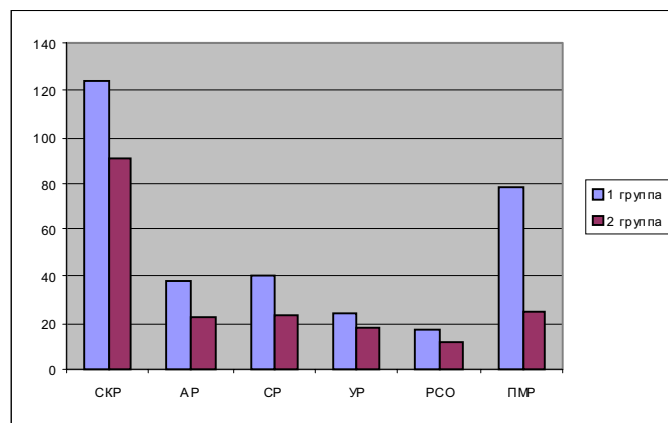

Рис. 2. Сравнительные показатели по TOP3

Можно предположить, что именно эти особенности затрудняют для ригидной личности родителя процесс успешной коммуникации с собственным ребенком. Коммуникабельность, в узком смысле, – это способность к установлению контактов. Нами была выявлена отрицательная корреляционная зависимость между показателями психической ригидности и данными, полученными по шкале коммунибельности теста Кетелла ($r = -0,412$ при $p < 0,95$).

С помощью критерия Манна–Уитни удалось установить, что по шкале коммунибельности Кетелла вторая выборка превосходит первую при $p < 0,05$.

Следовательно, в группе родителей детей, болеющих бронхиальной астмой (группа 1), показатели коммунибельности снижены по сравнению с группой родителей детей, больных острыми заболеваниями (группа 2).

Немного меньше, но тем не менее достоверно превосходит вторая выборка родителей первую по шкале интеллекта (теста Кетелла) при $p < 0,05$.

По признаку неуверенности в себе первая группа превосходила вторую при $p < 0,05$. Снижение уверенности в себе характерно для родителей, воспитывающих ребенка с бронхиальной астмой, в большей степени, чем для группы сравнения. Следует отметить наличие корреляционной связи в первой выборке между показателями психической ригидности и шкалой уверенности в

себе теста Кетелла ($r = -0,491$ при $p < 0,95$), тогда как во второй группе подобной зависимости не наблюдается.

Полученные данные еще раз подтверждают выводы Г.В. Залевского о том, что ригидной личности свойственна неуверенность в себе, включающая неосознанное чувство вины, чувство неполноценности, покорность по отношению к авторитетам [8], тогда как для ребенка базальной потребностью является чувство безопасности, базирующееся на родительской уверенности.

При исследовании шкалы радикальность – ригидность по тесту Кетелла выявилось, что вторая группа превосходит первую по признаку гибкости при $p < 0,05$. Эти сведения подтверждаются данными, полученными в ходе применения TOP3.

Таким образом, в ходе данного исследования были обнаружены специфические психологические особенности матерей, воспитывающих детей, страдающих бронхиальной астмой. Выяснилось, что группа матерей детей, страдающих бронхиальной астмой, значительно превосходит группу сравнения по количественным показателям выраженности таких качеств, как ригидность и неуверенность в себе, а уступают по показателям коммуникативности и интеллекта. Следует отметить невероятно высокий уровень психической дезадаптации в обеих группах испытуемых.

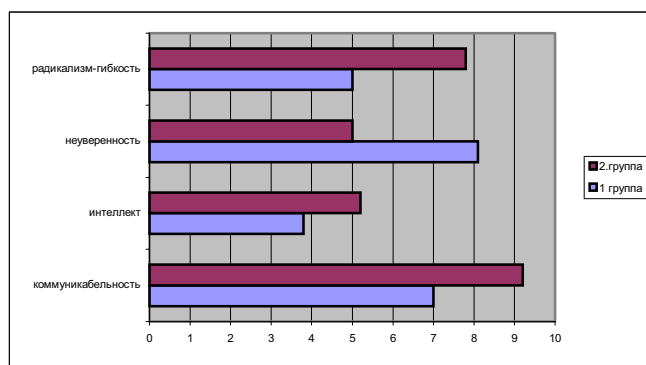

Рис. 3. Сравнительные показатели по тесту Кетелла

Все вышесказанное указывает на острую необходимость создания и внедрения в медицинские учреждения специальных психокоррекционных программ, направленных на профилактику психосоматических расстройств у детей в условиях непосредственной работы с родителями. Установление места и роли пси-

хологических особенностей родителей в индивидуальном этиопатогенезе болезни ребенка и решение вопроса о необходимости и методах их коррекции является, на наш взгляд, необходимым условием успешного лечения психосоматических заболеваний в детском возрасте.

Литература

1. Александр Ф., Селесник Ш. Психосоматический подход в медицине // Психосоматика: взаимосвязь психики и здоровья: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко. Минск: Харвест, 1999. С. 129–151.
2. Антропов Ю.Ф., Шевченко Ю.С. Психосоматические расстройства и патологические привычные действия. М.: Изд-во Института психотерапии, 1999. 98 с.
3. Бебчук М.А., Житловский В.Е. К вопросу об аффективных расстройствах при бронхиальной астме в подростковом возрасте // Научно-практическая конференция по неврологии и психиатрии детского и подросткового возраста. Калуга, 1988. С. 103.
4. Браун Дж. Психосоматический подход // Психосоматика: взаимосвязь психики и здоровья: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко. Минск: Харвест, 1999. С. 42–69.
5. Исаев Д.Н. Психосоматические расстройства у детей: руководство для врачей. СПб.: Питер, 2000. 285 с.
6. Губачев Ю.М., Стабровский Е.М. Клинико-физиологические основы психосоматических соотношений. Л.: Медицина, 1981. 320 с.
7. Гурвич И.Н. Социальная психология здоровья. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 1023 с.
8. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке и патологии). Томск: Томский государственный университет, 2004. 460 с.
9. Кравцова Н.А. Роль детско-родительских отношений в формировании психосоматических нарушений у детей и подростков (динамическая модель психосоматического дизонтогенеза) // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22. С. 13.
10. Клиническая психология. 2-е междунар. изд. / Под ред. М. Перре, У. Баумана. СПб.: Питер, 2002. 1312 с.
11. Ключева Т.Н. Особенности состояния здоровья детей дошкольного возраста // Прикладная психология. 2001. № 4. С. 66–76.
12. Козидубова В.М. Особенности психосоматических нарушений при депрессиях у детей и подростков // Материалы научно-практической конференции по неврологии и психиатрии детского и подросткового возраста. Калуга, 1988. С. 94.
13. Моногарова Л.И., Бабцева А.Ф., Поддубная С.М. Динамика заболеваемости детей и подростков в Амурской области // Материалы областной научно-практической конференции «Состояние здоровья детей и подростков в йоддефицитном регионе». Благовещенск, 2008. С. 73–86.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF PARENTS AS THE FACTOR OF FORMATION PSYCHOSOMATICAL OF DISEASE OF THE CHILD
Smirnova S.V. (Blagoveshensk), Salevski G.V. (Tomsk)

Summary. In clause comparative psychological characteristics of the person of the parents having children suffering bronchial asthma are considered.

Key words: mental adaptation; a bronchial asthma; psychosomatically disease.

ТРЕВОГА И ДЕПРЕССИЯ У ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ С СОПУТСТВУЮЩЕЙ ИШЕМИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ СЕРДЦА И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ

Г.А. Ткаченко (Москва)

Аннотация. Послеоперационный период у онкологических больных часто сопровождается тревогой и депрессией – факторами риска возникновения сердечно-сосудистых осложнений. Для улучшения результатов хирургического лечения онкологических больных с сопутствующей ишемической болезнью сердца показана психологическая коррекция тревожно-депрессивного состояния.

Ключевые слова: тревога; депрессия; психологическая коррекция; ишемическая болезнь сердца; злокачественные новообразования торакоабдоминальной локализации.

Многочисленные исследования, завершившиеся в конце 1990-х гг., позволили доказать, что стресс и стресс-индуцированные состояния, прежде всего тревога и депрессия, являются независимыми факторами риска сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ) [4, 5, 9, 13, 14, 17]. Эти состояния утяжеляют течение уже имеющихся сердечно-сосудистых заболеваний, а также многократно повышают риск неблагоприятных сердечно-сосудистых исходов, таких как инфаркт миокарда, мозговой инсульт, внезапная смерть [6–8, 10, 15, 16, 19]. Источником стресса является факт установления серьезного угрожающего жизни диагноза, что осложняется укоренившимися представлениями о неизлечимости онкологического заболевания [3]. Кроме того, хирургические вмешательства сопровождаются негативными эмоциональными переживаниями. Их результатом становятся различные по характеру и степени выраженности нарушения нервно-психической сферы, прежде всего астеноневротические, тревожные и депрессивные расстройства [4, 12].

В связи с вышеизложенным в плане комплексной подготовки к хирургическому лечению важным становится своевременная коррекция тревоги и депрессии онкологических больных с ишемической болезнью сердца (ИБС).

Цель настоящего исследования – оценка возможности психологической коррекции тревоги и депрессии для улучшения результатов хирургического лечения онкологических больных с ИБС.

Материал и методы исследования. Изучены сведения о 82 больных злокачественными новообразованиями торакоабдоминальной локализации, оперированных в РОНЦ им. Н.Н. Блохина в 2006–2007 гг. В анализируемой группе 58 мужчин и 24 женщины. Средний возраст составил $60,8 \pm 9,9$ года. Пациентам проводилось только хирургическое лечение.

Диагноз ишемической болезни сердца как сопутствующего заболевания был установлен во всех случаях в соответствии с рекомендациями Всероссийского научного общества кардиологов [2] и МКБ-10. Всем больным проводилась традиционная предоперационная подготовка.

Для выявления расстройств эмоциональной сферы применяли госпитальную шкалу тревоги и депрессии

(HADS), которая выявляла и разделяла субклинический и клинический уровни изучаемых состояний.

Методы психологической коррекции включали комбинацию релаксационных и аутоусугестивных ресурсных техник с поддержкой аудиальной модальности восприятия специальными музыкальными композициями и звуками.

Методы психологического тестирования проведены до операции при поступлении (1-й этап), после курса психологической коррекции (2-й этап) и в послеоперационном периоде на 10–14-е сутки (3-й этап).

Сведения о больных систематизированы в базе данных ACCESS, статистическая обработка данных выполнена в программе SPSS 10.0. Достоверность различий показателей устанавливалась при $p \leq 0,05$.

Результаты исследования. Мониторинг по материалам историй болезней, сведениям о клиническом течении послеоперационного периода, а также по данным госпитальной шкалы тревоги и депрессии (HADS) обнаружил наличие тревожно-депрессивного состояния у 31,7% больных. Повышение тревоги отмечено у всех без исключения больных. Клиническое проявление тревожного состояния характеризовалось преобладанием напряжения, растерянности, отмечались эмоциональная лабильность и раздражительность, у 43,9% больных на фоне тревожного состояния выявлены психогенно обусловленные инсомнии.

У трети пациентов обнаружено депрессивное состояние (31,7%). В клинической картине депрессивной симптоматики преобладали подавленность, сниженное настроение, тоска, апатия, у женщин – плаксивость.

Из 82 случаев послеоперационное развитие сердечно-сосудистых осложнений отмечено у 12 (14,6%) пациентов; ни в одном из указанных случаев осложнения не привели к летальному исходу. В структуре сердечно-сосудистых осложнений отмечены случаи нефатального инфаркта миокарда (4,9%), нарушения мозгового кровообращения (9,8%).

Очевидна важность своевременного выявления и коррекции факторов риска сердечно-сосудистых осложнений, отягощающих течение послеоперационного периода. При этом особое значение придавалось диагнос-

тике тревоги и депрессии как повышающих риск неблагоприятных послеоперационных сердечно-сосудистых осложнений.

Проанализированы две группы больных: пациентам первой группы (42 чел.) проведены сеансы психологической коррекции перед операцией; пациентам второй группы (40 чел.) осуществлена диагностика без психологического воздействия.

При первичном обследовании у пациентов обеих групп выявлен одинаково повышенный уровень тревоги ($10,8 \pm 2,8$ и $10,9 \pm 1,9$ балла соответственно) (табл. 1).

Наличие депрессивных нарушений различной степени тяжести выявлено у трети пациентов в каждой группе (33,3 и 30,0% соответственно). Средние значения депрессивного состояния в сравниваемых группах находились в пределах нормальных значений, однако проявления депрессии были клинически выраженными (более 11 баллов по шкале HADS) у 22,0% общего числа

обследованных больных, без достоверной разницы по частоте между группами ($p > 0,05$).

Проанализирована динамика тревоги и депрессии в процессе психологической коррекции.

До операции психологическая коррекция достоверно снизила уровень тревожности у больных группы психологической коррекции ($p < 0,01$), у 61,9% пациентов уровень тревоги был нормализован. У 73,8% больных, страдающих инсомнией, без применения седативных препаратов восстановился сон. В группе без коррекции показатели уровня тревожности существенно не менялись.

Психологическая коррекция достоверно не влияла на показатели уровня депрессии ($5,9 \pm 3,2$ и $6,0 \pm 3,1$ балла; $p > 0,05$ соответственно). В группе без коррекции выраженность депрессивного состояния нарастала без достоверных различий ($7,1 \pm 4,1$ и $9,2 \pm 3,8$; $p > 0,05$ соответственно) (табл. 2).

Таблица 1

Динамика уровня тревоги у больных злокачественными новообразованиями торакоабдоминальной локализации с сопутствующей ИБС

Этапы обследования	Группа психологической коррекции	Группа без коррекции	P
1-й	$10,8 \pm 2,8$	$10,9 \pm 1,9$	$p > 0,05$
2-й	$7,6 \pm 1,3$	$10,9 \pm 2,3$	$p < 0,01$
3-й	$6,8 \pm 2,3$	$7,8 \pm 2,5$	$p < 0,05$

Таблица 2

Динамика уровня депрессии у больных злокачественными новообразованиями торакоабдоминальной локализации с сопутствующей ИБС

Этапы обследования	Группа психологической коррекции	Группа без коррекции	P
1-й	$5,9 \pm 3,2$	$7,1 \pm 4,1$	$p > 0,05$
2-й	$6,0 \pm 3,1$	$9,2 \pm 3,8$	$p > 0,05$
3-й	$8,4 \pm 3,7$	$11,6 \pm 4,4$	$p < 0,05$

В послеоперационном периоде у больных группы психологической коррекции уровень тревоги нормализовался.

У больных группы коррекции средний уровень послеоперационной депрессии недостоверно возрос с $6,0 \pm 3,1$ до $8,4 \pm 3,7$ балла ($p > 0,05$), при этом отмечено достоверное снижение частоты депрессивного состояния ($p < 0,05$).

В послеоперационном периоде у пациентов без психологической коррекции выявлено аналогичное снижение уровня тревоги ($p < 0,05$) по сравнению с предоперационным периодом, однако среднее значение уровня тревоги в этой группе достоверно превышало анализируемый показатель при сравнении с группой психологического воздействия ($7,8 \pm 2,5$ и $6,8 \pm 2,3$ балла соответственно; $p < 0,05$).

После операции у пациентов этой группы отмечено дальнейшее нарастание уровня депрессии до высокого ($11,55 \pm 4,44$ балла; $p < 0,05$) и достоверное увеличение ее частоты ($p < 0,05$).

Таким образом, психологическая коррекция достоверно снижает уровень тревоги как до хирургического

вмешательства, так и в послеоперационном периоде и оказывает аналогичное воздействие на депрессивное состояние в послеоперационном периоде.

Среди пациентов группы с психологической коррекцией частота сердечно-сосудистых осложнений была ниже, чем в группе сравнения (3; 7,1 и 9; 22,5% соответственно). Течение послеоперационного периода одинаково часто в группах осложнялось развитием инфаркта миокарда (4,8 и 5,0% соответственно). Нарушения мозгового кровообращения после операции у пациентов группы психологической коррекции составили 2,4%, в группе сравнения – 17,5%.

Обсуждение. У больных злокачественными новообразованиями торакоабдоминальной локализации радикальным методом лечения является хирургическое вмешательство. Большинство больных испытывают страх перед операцией. Особенно это относится к пациентам с сопутствующей ишемической болезнью сердца, у которых в значительной степени увеличивается риск развития сердечно-сосудистых осложнений в послеоперационном периоде. Повышенный уровень тревоги перед хирургическим лечением можно охарактеризовать как

ситуативно-обусловленное состояние, связанное с тяжелым психогенным стрессом, в основе которого лежит боязнь операции. Таким образом, предоперационная тревога, по мнению многих авторов, является типичной реакцией на предстоящее хирургическое вмешательство у людей любого возраста [18].

Установлено, что психосоциальные вмешательства способны снижать частоту развития инфаркта миокарда и смертность от ишемической болезни сердца. Еще в 1985 г. N. Frasure-Smith и соавт. [11] показали, что своевременная коррекция высокого уровня стресса (с использованием релаксации) у больных, перенесших инфаркт миокарда, сопровождается снижением показателей смертности за 1 год наблюдения. В 2005 г. был проведен обзор результатов 27 исследований, посвященных клинической и прогностической эффективности релаксационных методик при ИБС. В 21 исследовании релаксационные методики применялись изолированно, в 8 — с элементами когнитивной психотерапии. В ряде исследований установлено, что релаксационная терапия сопровождается снижением частоты сердечных сокращений, повышением вариабельности ритма сердца, толерантности к физической нагрузке и уровня холестерина липопротеидов высокой плотности. В некоторых работах показано позитивное влияние релаксационной терапии на психологическое состояние больных ИБС (уменьшение выраженности тревожной и депрессивной симптоматики), снижение частоты приступов стенокардии, эпизодов аритмии, а также ишемии во время нагрузочных тестов. Уменьшение числа кардиальных катастроф и случаев кардиальной смерти у больных ИБС, длительно практиковавших релаксационную терапию, показало в 5 и 4 исследованиях соответственно [20].

Механизм влияния релаксационных методик заключается в снижении повышенной активности лимбической и гипоталамической структур мозга. Состояние релаксации сопровождается снижением артериального давления, урежением частоты сердечных сокращений и частоты дыхания, уменьшением потребления кислорода, расширением периферических сосудов, снижением уровня катехоламинов, холестерина в плазме крови, т.е. развитием физиологических и биохимических реакций, противоположных тем, что возникают при стрессе [1].

Результаты нашего исследования показали возможность эффективной коррекции тревоги психологическими методами. Психологическая помощь, оказываемая па-

циентам с момента поступления, способствовала более успешному выходу из стресса и приводила к нормализации эмоционального состояния в более короткие сроки (7–10-й день после операции) у большего числа больных. У больных без психологического сопровождения тревожное состояние встречалось достоверно чаще. Это свидетельствовало о «застревании» пациента в стрессовой ситуации, невозможности самостоятельного преодоления кризиса, связанного с угрозой для жизни.

Повышенный уровень тревоги в предоперационном периоде негативно сказывался на психическом состоянии больного, подавляя эмоциональную сферу, и трансформировался в депрессивное состояние на послеоперационном этапе. Депрессивное состояние указывало на истощение психических ресурсов больных, что препятствовало благополучной их адаптации после хирургического вмешательства. Нарастание депрессии в послеоперационном периоде у пациентов без психологической коррекции сопровождалось увеличением частоты сердечно-сосудистых осложнений.

Снижение тревоги до операции предупреждало нарастание депрессии в послеоперационном периоде. Таким образом, можно говорить о том, что психологическая коррекция способствовала профилактике депрессии в послеоперационном периоде.

Анализ полученных в ходе исследования данных позволяет сделать заключение, что применение психологической коррекции с использованием техник релаксации и аутоусуггестии снижает проявление тревоги и депрессии в послеоперационном периоде и является методом, рекомендуемым онкологическим больным с сопутствующей ИБС для профилактики сердечно-сосудистых осложнений после торакоабдоминальных вмешательств.

Выводы:

1. Ситуативно обусловленное состояние тревоги и депрессии выявлено у 31,7% пациентов злокачественными новообразованиями торакоабдоминальной локализации с сопутствующей ишемической болезнью сердца.

2. В плане комплексной подготовки к онкохирургическим вмешательствам больных с сопутствующей ишемической болезнью сердца для профилактики сердечно-сосудистых осложнений и предупреждения тревоги и депрессии рекомендована психологическая коррекция с использованием релаксационных и аутоусуггестивных ресурсных техник.

Литература

1. Айвазян Т.А. Основные принципы психокоррекции при гипертонической болезни // Кардиология. 2002. № 1(2). С. 5–7.
2. Диагностика и лечение стабильной стенокардии: Российские рекомендации. М., 2004.
3. Коган Б.М. Стресс и адаптация. М.: Знание, 1980. 64 с.
4. Погосова Г.В. Депрессия — новый фактор риска ишемической болезни и предиктор коронарной смерти // Кардиология. 2002. № 4. С. 86–91.
5. Anda R., Williamson D., Jones D. et al. Depressed affect, hopelessness, and risk of ischemic heart disease in cohort of US adults // Epidemiology. 1993. № 4. P. 285–294.
6. Bush D.E., Ziegelstein R.C., Tayback M. et al. Even minimal symptoms of depression increase mortality risk after acute myocardial infarction // Am J. Cardiol. 2001. № 88. P. 337–341.

7. Denollet J., Dyd S.U., Stoobant N. et al. Personality as independent predictor of long-term mortality in patients with coronary heart disease // *Lancet*. 1996. № 347. P. 417–421.
8. Folks D.G., Feldman M.D., Ford C.V. Somatoform disorders, factitious disorders, and malingering in Psychiatric Care of the Medical Patient. N.Y.: Oxford University Press, 2000. P. 458–475.
9. Ford D.E., Mead L.A., Chang P.P. et al. Depression is a risk factor for coronary artery disease in men: the precursors study // *Arch Intern Med*. 1998. № 158. P. 1422–1426.
10. Frasure-Smith N., Lesperance F., Talajic M. The impact of negative emotions on prognosis after myocardial infarction: it is more than depression? // *Health Psychol*. 1995. № 14. P. 388–398.
11. Frasure-Smith N., Prince R. The ischemic heart disease life stress monitoring program: impact on mortality // *Psychosom Med*. 1985. № 7. P. 31–445.
12. Gander M., von Kanel R. Myocardial infarction and post-traumatic stress disorder: frequency, outcome, and atherosclerotic mechanisms // *Eur J. Cardiovasc Prev Rehab*. 2006. № 2. P. 165–172.
13. Jonas B.S., Francis P., Ingram D.D. Are symptoms of anxiety and depression risk factors for hypertension? Longitudinal evidence from the National Health and Nutrition Examination Survey I Epidemiological Follow-up Study // *Arch Fam Med*. 1997. № 6. P. 43–49.
14. Kubansky L., Kawachi I., Weiss S.T. et al. Anxiety and coronary heart disease: a synthesis of epidemiological, psychological, and experimental evidence // *Am Behav Med*. 1998. № 20. P. 47–58.
15. Larson S.L., Owens P.L., Ford D., Eaton W. Depressive disorder, dysthymia, and risk of stroke. Thirteen-year follow-up from Baltimore Epidemiologic Catchment Area Study // *Stroke*. 2001. № 32.
16. Penninx B.W., Beekman A.T., Honig A. et al. Depression and cardiac mortality // *Arch Gen Psychiat*. 2001. № 58. P. 221–227.
17. Pratt L.A., Ford D.E., Crum R.M. et al. Depression, psychotropic medication, and risk of myocardial infarction: prospective data from Baltimore ECA follow-up // *Circulation*. 1996. № 94. P. 3123–3129.
18. Spilberger C.D. Theory and research on anxiety // *Anxiety and behavior* / Ed. C.D. Spilberger. N.Y.: Academic Press, 1986. P. 3–20.
19. Rozanski A., Blumenthal J.A., Kaplan J. Impact of psychological factors on the pathogenesis of cardiovascular disease and implications for therapy // *Circulation*. 1999. № 99. P. 2192–2197.
20. Dijkstra J. van, White A. Relaxation therapy for rehabilitation and prevention in ischemic heart disease: a systematic review and meta-analysis // *Eur J. Cardiovasc Prev Rehab*. 2005. № 3. P. 193–202.

ANXIETY AND DEPRESSION OF CANCER PATIENTS WITH CONCOMITANT ISCHEMIC HEART DISEASE AND METHODS PSYCHOLOGICAL CORRECTION

Tkachenko G.A. (Moscow)

Summary. Often postoperative period of cancer patients accompanied by anxiety and depression – risk factors for development cardiovascular complications. For improvement of results of surgical treatment of cancer patients with accompanying ischemic heart disease psychological correction of anxious-depressive state is indicated.

Key words: anxiety; depression; psychological correction; ischemic heart disease; malignant tumors of toracoabdominal localization.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ У ЛИЦ С НАРУШЕНИЕМ ФУНКЦИЙ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

О.Л. Якоцуц (Абакан)

Аннотация. Раскрывается специфика основных теоретических подходов в изучении профессиональных интересов молодежи на современном этапе развития общества, представлены результаты исследования особенностей профессиональных интересов лиц с нарушением функций опорно-двигательного аппарата.

Ключевые слова: профессия; профессиональные интересы; профессиональное самоопределение; профессиональная мобильность.

В настоящее время, как отмечается в психолого-педагогической литературе, все более актуальной становится проблема профессиональной ориентации обучающихся, имеющих нарушения двигательной активности [2, 3]. Целью профориентации являются социальная адаптация и интеграция данной категории лиц с обществом, включение их в общественно полезную деятельность [4, 8, 9].

Своевременное выявление профессиональных интересов у обучающихся, имеющих ограниченные возможности в двигательной активности [1, 10], позволит данной категории лиц удовлетворить профессиональные интересы с учетом своих физических возможностей [6, 9].

Настоящее исследование нами проведено с целью выявления особенностей профессиональных интересов у лиц с нарушением функций опорно-двигательного аппарата.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили данные, полученные нами в ходе проведения эксперимента. В эксперименте приняли участие учащиеся девятых классов муниципальной специальной коррекционной общеобразовательной школы для обучающихся воспитанников с отклонениями в развитии Специальной (коррекционной) общеобразовательной школы VI вида № 27 г. Абакана Республики Хакасия, имеющие отклонения в двигательной активности вследствие недоразвития и деформации опорно-двигательного аппарата. Учащиеся данной школы обучаются по традиционной программе. Другую категорию информантов составили учащиеся средней общеобразовательной школы №15 г. Черногорска Республики Хакасия с нормальной двигательной активностью. Средний возраст испытуемых – 15,5 года. Количество школьников, вовлеченных в эксперимент, составило 106 человек.

Для достижения поставленной цели нами был сформирован банк диагностических методов, адекватных цели исследования. В него вошли: 1) дифференциально-диагностический опросник (ДДО) Е.А. Климова [7], позволяющий получить данные, информирующие об интересах, предпочтениях учащихся; 2) методика «Карта интересов» (А.Е. Голомшток) [5], которая использу-

ется в целях профориентации и при приеме на работу; 3) методика Д. Голланда, предназначенная для определения профессионального типа личности испытуемых [10]; 4) опросник для определения профессиональных интересов подростков, позволяющий выявить профессиональные предпочтения учащихся [1]. В качестве интерпретационных методов нами выбран критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера.

Результаты и их обсуждение

Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить следующие особенности профессиональных интересов у обучающихся, имеющих нарушения функций опорно-двигательного аппарата.

Анализ данных, полученных с помощью дифференциально-диагностического опросника (ДДО) Е.А. Климова [7], позволил установить, что тип «Человек – Техника» является популярным типом профессий в группе исследуемых с нарушением функций опорно-двигательного аппарата (43,4% случаев) и в группе учащихся с нормальной двигательной активностью (17,3% случаев); ($\phi^*=1,9$; $p<0,05$). Выявленный тип профессий требует от человека развитых моторных навыков, поэтому в отношении данного случая нужно отметить, что профессиональные предпочтения испытуемых с отклонениями в двигательной сфере в некоторой степени не соответствуют их физическим возможностям.

В группе лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата в 37,4% случаев выявлен показатель типа «Человек – Человек», что указывает на желание данной категории лиц активно взаимодействовать в будущей профессиональной деятельности с окружающими их людьми.

Типу профессий «Человек – Знаковая система» группа опрошиваемых с нарушением функций опорно-двигательного аппарата отдает предпочтение в наименьшей степени – в 8,6% случаев. Это может указывать на то, что большинство школьников данной категории не привлекает деятельность, предполагающая усидчивость, сосредоточенность, устойчивость внимания по сравнению с группой испытуемых с нормальной двигательной активностью, которые в 34,7% случаев отдают предпочтение именно типу профессий «Человек – Знаковая система» ($\phi^*=2,3$; $p<0,05$).

В результате исследования, проведенного на основе дифференциально-диагностического опросника (ДДО) Е.А. Климова, нами установлено, что интересы группы обучающихся с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата сводятся к типам профессий «Человек – Техника» и «Человек – Человек». Группа учащихся с нормальной двигательной активностью отдает предпочтение типам профессий «Человек – Человек» и «Человек – Знаковая система».

Данные, полученные по «Карте интересов» А.Е. Голломштока, позволили выявить следующее: обучающиеся с нарушением опорно-двигательного аппарата из 24 видов деятельности отдают предпочтение лишь части из них, причем круг интересов группы испытуемых с нормальной двигательной активностью шире. Так, группу обучающихся с отклонениями в двигательной сфере привлекает математика (43,4% случаев), география (34,7% случаев). Значительное число испытуемых данной категории проявляют интерес к творческим видам деятельности (30,4% случаев). Группа учащихся с нормальной двигательной активностью отдает предпочтение общественной деятельности (47,8% случаев), истории (43,4% случаев) и математике (34,7% случаев) ($\phi^*=1,9$; $p<0,05$).

Исследование контрольной и экспериментальной групп обучающихся по методике Д. Голланда показало, что испытуемым с отклонениями в двигательной сфере в большей степени присущ такой профессиональный тип личности, как реалистический, – в 43,4% случаев, а в 13,04% случаев – для учащихся с нормальной двигательной активностью ($\phi^*=2,4$; $p<0,01$). Данный факт может указывать на то, что категория лиц с отклонениями в двигательной сфере не всегда осознает свои реальные возможности либо, наоборот, выбирает сложные виды деятельности, тем самым пытаясь овладеть компенсационными навыками, необходимыми для любой профессии. Для значительной части испытуемых с нарушениями двигательной сферы характерен конвенциональный профессиональный тип личности (30,4% случаев), характеризующий их как практичных, консервативных деятелей. Значимые показатели по артистическому типу личности выявлены в группе обучающихся с нарушением функций опорно-двигательного аппарата (26,1% случаев), что говорит о склонности к креативности, о развитом воображении данной группы испытуемых. Среди опрошенных с отклонениями в двигательной активности лишь 13,04% присущ социально-профессиональный тип личности ($\phi^*=1,8$; $p<0,05$).

Преобладающие показатели по интеллектуальному типу (52,1% случаев), по социальному и профессиональному типам личности (34,7% случаев) выявлены у учащихся с нормальной двигательной активностью ($\phi^*=2,2$; $p<0,05$), что указывает на наличие у данной категории обучающихся развитых мыслительных операций, логического мышления. Для наименьшего числа испытуемых с нормальной двигательной

активностью характерен артистический тип личности (8,6% случаев).

Данные, полученные по группе испытуемых с отклонениями в двигательной активности, выявили реалистический и конвенциональный типы, что указывает на активное желание данной категории обучающихся максимально развить свои способности и структурировать характер своей профессиональной деятельности. В группе учащихся с нормальной двигательной активностью, напротив, выявлены высокие показатели по интеллектуальному и социальному типу, свидетельствующие о развитом абстрактном мышлении, наличии вербальных и коммуникативных способностей.

Результаты, полученные с помощью опросника определения профессиональных интересов, позволили установить наиболее популярную профессию среди испытуемых с нарушением опорно-двигательного аппарата и с нормальной двигательной активностью. Ею, в частности, является социальный работник – 34,7 и в 30,4% соответственно. Наиболее престижным, по мнению обучающихся из контрольной и экспериментальной групп, является также служащий бюро/клерк (34,7 и 26,1% случаев соответственно). В 30,4% случаев учащиеся с отклонениями в двигательной сфере отдают предпочтение профессии нотариуса, а 23,4% опрошенных предпочитает профессию врача.

Таким образом, на основании психодиагностических данных нами выявлены отличные от интересов группы испытуемых с нормальной двигательной активностью особенности профессиональных интересов у учащихся с нарушением функций опорно-двигательного аппарата, заключающиеся в предпочтении профессий, направленных на взаимодействие с людьми. Профессиональные интересы учащихся с отклонениями в двигательной активности в некоторой степени не соответствуют их физическим возможностям, для них характерен реалистический тип личности, требующий развитых моторных навыков. В данной группе выявлена также, как было уже сказано, склонность к выбору профессий, направленных на взаимодействие с людьми; предпочитаемыми профессиями у испытуемых с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата являются социальный работник, служащий бюро/клерк, что говорит о популярности указанных профессий.

Проведенное исследование установило, что выбор и проектирование профессионального пути учащимися с нарушением функций опорно-двигательного аппарата является сложным процессом, требующим от индивида умения осознавать свои возможности и способности устанавливать соответствие между своими личностными особенностями и требованиями профессии. В связи с тем, что двигательная функция организма – одна из основных функций, обеспечивающих адекватность жизни, которая влияет на социальную и профессиональную адаптацию, учащимся с нарушением функций опорно-двигательного

аппарата необходима квалифицированная помощь специалистов службы профориентации.

Результаты проведенного нами эмпирического исследования подтвердили, что профессиональные интересы испытуемых с нарушением двигательной активности не

всегда зависят от осознания ими своих физических возможностей. Сказанное позволяет заключить, что своевременное и профессиональное консультирование представителей данной категории позволит адекватно оценить перспективы своей профессиональной деятельности.

Литература

1. Архангельский С.Н. Схема профориентационного описания профессий // Школа и производство. 1966. № 10. С. 24–25.
2. Борисова Е.М. Индивидуальность и профессия. М.: Знание, 1991. 80 с.
3. Брылякова Л.Л. Руководство выбором профессии: Учеб. для вузов. М.: Наука, 1983. 279 с.
4. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. 1994. № 3. С. 43–52.
5. Голомшток А.Е. Выбор профессии и воспитание личности школьника: Учеб. для вузов. М.: Педагогика, 1972. 160 с.
6. Захаров Н.И. Профессиональная ориентация школьников: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1988. 170 с.
7. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: Учеб. пособие. М.: Академия, 1996. 512 с.
8. Коломинский Я.Л. Человек: профессия: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1986. 223 с.
9. Особенности психофизического развития учащихся специальных школ для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата / Под ред. Т.А. Власовой. М.: Просвещение, 1985. 120 с.
10. Психология популярных профессий / Под ред. Л.А. Головей. СПб.: Наука, 2003. 190 с.

THE FEATURES OF PERSONS' PROFESSIONAL INTERESTS WITH DIFFERENT LEVEL OF MOVING ACTIVITY

Yakotsuts O.L. (Abakan)

Summary. In this article the features of the main theoretical approaches in the study of youth's professional interests are opened. The examination's results of features of persons' professional interests with different level of moving activity are presented.

Key words: profession; professional interests; professional self-determination.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922.4

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ДИНАМИКУ МЕЖГРУППОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.Д. Гуриева (Санкт-Петербург)

Аннотация. Рассмотрены межгрупповые отношения в зарубежной научной литературе с акцентированием внимания на роли и значении этнического фактора. Основной целью является систематизация теоретического материала по изучаемой проблеме.

Ключевые слова: межэтнические отношения; межгрупповые отношения; соперничество; конкуренция; кооперация; агрессия; «авторитарная личность».

Процесс формирования устойчивой в своих взглядах мировоззренческой поведенческой позиции личности во многом определяется современной ситуацией в обществе. Какие основные направления и концепции представлены и доминируют в обществе, что является критериями выбора поведенческой тенденции отдельно взятой личности в отношении к социальной, этнической, культурной группе? Проблема изучения межгрупповых, межнациональных, межэтнических отношений в настоящее время остается одной из сложных и актуальных проблем современного общества. Т.Г. Стефаненко отмечает, что «в мировой науке нет четкости в обозначении рассматриваемой нами области: термины «межгрупповые отношения», «межгрупповое поведение», «межгрупповое взаимодействие» и даже «межгрупповой конфликт» употребляются почти как равнозначные» [1. С. 202]. Из всех перечисленных понятий, по мнению Т.Г. Стефаненко, наиболее широким и содержательным является термин «межгрупповые отношения». «С точки здравого смысла кажется достаточно очевидным, что межгрупповые отношения – это отношения между группами, в том числе между этническими общностями, т.е. отношения, объектом и субъектом которых являются группы» [1. С. 204].

«Межгрупповыми, – высказывает свое мнение Н.В. Гришина, – принято называть взаимодействие как между собственно группами людей, так и между отдельными представителями этих групп, а также любые ситуации, в которых участники общения взаимодействуют в межгрупповом изменении, воспринимая друг друга как членов разных групп» [2. С. 101]. Аналогичной точки зрения придерживался Г. Тэшфел, который считал, что систему отношений можно расположить на континууме, полюсами которого являлись межличностные и межгрупповые отношения [3]. Межгрупповые отношения проявляются в межличностных отношениях, когда включенные в этот процесс люди воспринимают друг друга как представителей отличных от них социальных групп: этнических, культурных, религиозных и т.д.

Именно в состоянии конфликта эти межгрупповые противоречия становятся наиболее очевидными и наиболее ярко проявляющимися. Межгрупповые отношения, по мнению Т.Г. Стефаненко, – «это не только отношения *между* группами – соперничество либо сотрудничество. В эту область нужно включить и отношения *к* группам, которые проявляются в представлениях о них – от позитивных образов до предрассудков» [1. С. 203]. Мы исходим из понимания межгрупповых отношений как отношений, возникающих между группами людей, дифференцирующихся на основании различных критериев, среди которых можно выделить социальные, статусные, этнические, полоролевые, возрастные, конфессиональные, культурные, профессиональные и т.д. Рассмотрим исследования межгрупповых отношений в зарубежной научной литературе, в которых в той или иной степени, форме, мере проявлялся этнический фактор или подразумевалось наличие такового.

Рассмотрим более подробно основное содержание представленной таблицы.

Психоаналитическое направление З. Фрейда. Идея неизбежности враждебного, агрессивного поведения по отношению к аутгруппам становится своеобразной точкой отсчета для изучения области межэтнических отношений. Позиция З. Фрейда относительно области межгрупповых (межэтнических) отношений может быть описана следующими тезисами. Во-первых, в постулате неизбежной аутгрупповой враждебности. Во-вторых, в определении функции аутгрупповой враждебности как средства поддержания идентификации и стабильности группы. Содержание концепции «нарциссизм малых различий», об открытии которой писал З. Фрейд, представлено следующим образом: «...однажды я занимался явлением, которое показывает, что как раз соседние и во многом близкие друг другу коллективы враждуют между собой и насмехаются друг над другом... Я дал этому явлению название “нарциссизм малых различий”» [4]. По мнению З. Фрейда, враждебность между группами неизбежна, т.к. конфликт между группами может

Исследование межгрупповых отношений в зарубежной научной литературе

Теоретические подходы	Межгрупповые отношения понимаются как...	Авторы
<i>Психоаналитическое направление</i>		
«Нарциссизм малых различий»	Неизбежность аутистической враждебности как средства поддержания идентификации своей группы	З. Фрейд
Теория «внутреннего и внешнего антагонизма»	Неизбежность межгрупповой агрессии	Р. Ардри (R. Ardrey)
<i>Бихевиористское направление</i>		
Теория авторитарной личности	Синдром авторитарной или этноцентрической личности	Т. Адорно (T.W. Adorno), И. Брунстик (E. Frenkel-Brunswick), Д. Левинсон (D.J. Levinson)
<i>Ситуационное направление</i>		
Фрустрационная теория агрессии	Целенаправленное побуждение к агрессии	Н. Миллер, Д. Доллард, А. Бандура
<i>Когнитивное направление</i>		
Когнитивный неассоцианизм – концепция «относительной депривации»	Объектом агрессии может быть тот, кто ассоциируется с таковой по тем или иным признакам	Л. Берковитц (L. Berkowitz)
Теория коммуникативных актов	Отношение к третьему	Т. Ньюком
Когнитивный подход	Система интеллектуальных, эмоциональных оценок	Д. Креч, Р. Кратчфилд, И. Баллачи (D. Krech, R.S. Crutchfield, E.L. Ballachey)
<i>Интеракционистское направление</i>		
Социально-интеракционистская теория принудительных действий	Модель принудительного социального взаимодействия: угроза, наказание, физическая сила	Дж. Тедeschi, Р. Фелсон (J.T. Tedeschi, R.B. Felson)
Теория реального конфликта	Межгрупповое соревнование ведет к проявлению враждебности	М. Шериф (M. Sherif)
Концепция маргинальной личности	Трудности в идентификации	Э.В. Стоунквист (E.V. Stonequist)
Теория социальной идентичности	Аутистическая враждебность и интрагрупповой фаворитизм как способ, необходимое условие и единственная возможность снятия «катарсиса»	Г. Тэшфел (H. Tajfel)

быть разрешен только посредством насилия. Враждебность благотворна для человека и является способом объединения внутри группы в борьбе с другими группами. Говоря о влиянии «фрейдовского подхода» к анализу межгрупповых отношений, возможно, следует отметить одно обстоятельство, важное для понимания дальнейшего развития исследований межгрупповой проблематики, в частности исследования межэтнических отношений. Идея неизбежности враждебного, агрессивного поведения по отношению к аутистическим группам становится своеобразной точкой отсчета для последующего изучения области межгрупповых отношений.

Теория «внутреннего и внешнего антагонизма» Р. Ардри. Новый акцент в оправдании агрессивного поведения в межгрупповых отношениях был поставлен Р. Ардри в работе «Территориальный императив», в которой он различает два типа общества: «поуан» – общество, которое основано на «внутренних антагонизмах» своих членов, и «биологическую нацию» – общество, которое основано на внешнем антагонизме. Согласно концепции, изложенной в работе Р. Ардри, избежать агрессии в межгрупповых отношениях невозможно, так как это «не поддающаяся уничтожению черта человечества» [5. С. 117].

Теория авторитарной личности. Т. Адорно (T.W. Adorno), И. Брунстик (E. Frenkel-Brunswick), Д. Левинсон (D.J. Levinson) в работе «Авторитарная личность» сформулировали «синдром авторитарной, или этноцентрической, личности». Основные черты «автори-

тарной личности»: слепое следование авторитетам, механическое подчинение общепринятым правилам и ценностям, стереотипность мышления, агрессивность, цинизм, подверженность суевериям, сексуальное ханжество, злобное отношение ко всему человеческому. «Авторитарная личность», по мнению авторов, характеризуется жесткой, ригидной системой социальных установок, которые проявляются, прежде всего, в сфере межличностных отношений [6]. Выделяются следующие типы авторитарной личности: манипулятивная, конвенциональная, авторитарная. Согласно мнению авторов, «авторитарная личность» характеризуется негативными социальными установками по отношению ко всем аутистическим группам, предпочитая следовать жестким социальным стереотипам [7]. В связи с этим Т. Адорно приходит к заключению, что для науки необходимо найти «оружие» против потенциальной угрозы распространения синдрома авторитарной личности в обществе, поскольку «лечить» авторитарную личность психологическими средствами представляется проблематично, т.к. они (авторитарные личности) многочисленны и ни в коем случае не считают, что им необходимо избавление от этого синдрома (т.е. что они больны) [7. С. 269].

Фрустрационная теория агрессии. Концепция фрустрационной теории агрессивного поведения была представлена в работах Н. Миллера [8], А. Бандуры, С. Уолтерса [9], и согласно ей универсальное агрессивное побуждение перерастает в агрессивное поведение только

в том случае, если человек подвергается фрустрации, понимаемой как любое условие, блокирующее достижение желаемой цели. Переживание фрустрации вызывает агрессивное действие против источника фрустрации, что в свою очередь выступает катализатором проявления агрессивного поведения. Авторами была сформулирована теория агрессивного межгруппового (межэтнического) поведения, суть ее заключалась в том, что наличие агрессивного поведения всегда предполагает существование фрустрации и, наоборот, существование фрустрации всегда ведет к некоторой форме агрессии. При этом может иметь место феномен – «смещенная агрессия», т.е. направление не против непосредственного источника фрустрации, а на какой-нибудь другой, как правило, «безобидный объект», но выбранный по этническому признаку. Тот факт, что инструментально-агрессивные действия, направленные на определенный объект/субъект, не обязательно представляют собой следствие предшествующей фрустрации, было опровергнуто одним из авторов первоначальной версии «фрустрационной теории агрессии». Н. Миллер скорректировал ранее выдвинутое предположение о существовании детерминистской связи между фрустрацией и агрессивным поведением, утверждая, что «фрустрация создает побуждения к разного типа реакциям, одно из которых – побуждение к какой-либо форме агрессии» [8. С. 338].

Концепция относительной депривации Л. Берковитца. Л. Берковитц (L. Berkowitz) в работе «Агрессия – социально-психологический анализ» расширил границы объекта агрессии до целой этнической общности. Общая схема агрессивного поведения может быть представлена следующим образом: фрустрация (включающая и относительную депривацию, т.е. разочарование, обусловленное неосуществленными ожиданиями); возникновение чувства гнева; открытая агрессия (в том случае когда наличествует объект, в отношении которого направлена агрессивная реакция) [10]. Самым важным в концепции феномена «относительной депривации» Л. Берковитца (L. Berkowitz) является то, что объектом открытой агрессии может быть не обязательно отдельная личность, но и тот, кто ассоциируется с таковой по тем или иным признакам. Ясно, что в качестве таких признаков, прежде всего, выступает именно групповая, и в частности *этническая*, принадлежность. Концепция «относительной депривации» была попыткой Л. Берковитца доказать неизбежность переноса агрессии на всех «других», «похожих» на тех, кто оказал фрустрирующее воздействие в прошлом. Таким образом, утверждалось, что избежать проявления агрессивного поведения невозможно в ситуациях межгрупповых отношений, особенно если проявляется фактор этнической или национальной принадлежности членов групп. В своих последних трудах Л. Берковитц разработал неоассоциативную когнитивную модель поведения, в которой приводит тщательно проработанную схему от столкновения с неблагоприятным событием до возникновения чувства гнева

[10. С. 263–285].

Теория коммуникативных актов Т. Ньюкома. В теории Т. Ньюкома главный тезис может быть сформулирован следующим образом: «...когда два человека позитивно воспринимают друг друга и строят какое-то отношение к третьему (лицу или объекту), у них возникает тенденция развивать сходные ориентации относительно третьего, а развитие сходных ориентаций может быть увеличено за счет развития межличностной коммуникации». Согласно теории Т. Ньюкома, «важным (и, возможно, уникальным) во взаимоотношениях людей является то, что эти взаимоотношения в значительной степени связаны с процессами составления общего мнения друг о друге и обмена мнениями друг с другом» [11. С. 21]. Т. Ньюком находился в поиске источника враждебности индивида к членам другой группы. Источником враждебности, возникающей по отношению к членам другой группы, Т. Ньюком видел действие социальных установок. «Когда степень враждебности установок или поведения членов одной группы по отношению к другой нарастает, следует рассматривать взаимодействие между членами этой группы как один из источников (и, я думаю, главный) изменения» [11. С. 25].

Когнитивный подход Д. Креча, Д. Кратчфилда, И. Баллачи представляет собой систему интеллектуальных, эмоциональных оценок, а также доброжелательных или враждебных действий по отношению к объекту. Следовательно, формирование определенной установки относительно объекта подразумевает формирование однозначного отношения к данному объекту. Если другой человек вызывает в субъекте отрицательные эмоции и испытывает тенденцию враждебного отношения к себе, то при таких обстоятельствах субъект замечает и видит в другом человеке в основном только отрицательные стороны. И наоборот, когда происходят определенные изменения в познавательной оценке объекта, за этим следуют соответствующие изменения по отношению к данному объекту [12].

Модель социального взаимодействия: агрессия как принудительное социальное воздействие. Дж. Тедeschi и Р. Фелсон (J.T. Tedeschi, R.B. Felson), изучая причины агрессивного межгруппового поведения, создали «социально-интеракционистскую теорию принудительных действий». Согласно представленной модели «принудительных действий», методы принуждения могут использоваться действующим субъектом для достижения трех целей: чтобы контролировать поведение других людей, восстановить справедливость и отстоять свою репутацию [13]. Ядро «социально-интеракционистской теории принудительных действий» составляют три формы принудительного действия: угроза – сообщение объекту воздействия о намерении причинить ему вред, с особым ударением на ультимативном характере угрозы, который ставит причинение вреда в зависимость

от отказа человека уступить определенным требованиям; наказание – действие с намерением причинить вред; физическая сила – использование физического контакта с целью подчинить себе или ограничить поведение другого человека. В рамках данного подхода подчеркивается, что агрессия как определенная форма принудительных действий представляет собой лишь одну из потенциально возможных стратегий влияния по отношению к объекту воздействия. В результате человек рассматривается не как побуждаемый к действию инстинктами, наследственной враждебностью и агрессивностью, а как умеющий контролировать и управлять собственным стратегическим потенциалом агрессивных реакций.

Теория реального конфликта М. Шерифа. В работах Музафера Шерифа (М. Sherif) наметился принципиально иной путь анализа межгрупповых взаимодействий [14, 15]. М. Шериф подчеркивал важность референтной группы в связи с тем, что ее нормы превращаются в социальные установки индивидов. В ставшем классическим эксперименте М. Шериф в летнем лагере для подростков разделил 22 не знакомых друг с другом 11–12-летних мальчика на две группы и отправил их в бойскаутский лагерь порознь, поселив в разных местах. Почти неделю каждая из групп ничего не знала о существовании другой. Проводя большую часть времени вместе в разных совместных делах и играх, дети сдружились между собой, образов две сплоченные подгруппы, с чувством групповой принадлежности. Тогда экспериментатор позволил им «обнаружить» друг друга и предложил устроить турнир с различными видами соревнований (бейсбол, перетягивание каната, поиск кладов и пр.). Все призы доставались победителям. Результат оказался весьма наглядным: мирный лагерь стал местом «боевых действий». Конфликт начался с простой перебранки во время соревнований и постепенно достиг стадии взаимных «набегов» и потасовок. Причем их никто не провоцировал на агрессивные действия: в роли спускового механизма межгрупповой враждебности оказалась сама ситуация конкуренции за ограниченный ресурс, в роли которого выступали медали и прочая амуниция. Проведя исследование на реальных группах в летнем лагере для подростков, М. Шериф выдвинул предположение, что взаимозависимость двух групп в форме конкуренции непосредственно ведет к враждебности, которая проявляется во враждебных стереотипах и социальных установках, а также в росте групповой сплоченности. Были проведены исследования в летних лагерях для мальчиков. Соревнования между двумя сплоченными группами мальчиков приводили к социально-психологическим аффектам, которые однозначно ассоциируются как конфликт. Исследования, проведенные М. Шерифом, показали, что источник враждебности может находиться в соотношении различных форм взаимодействия: кооперации и конкуренции [14].

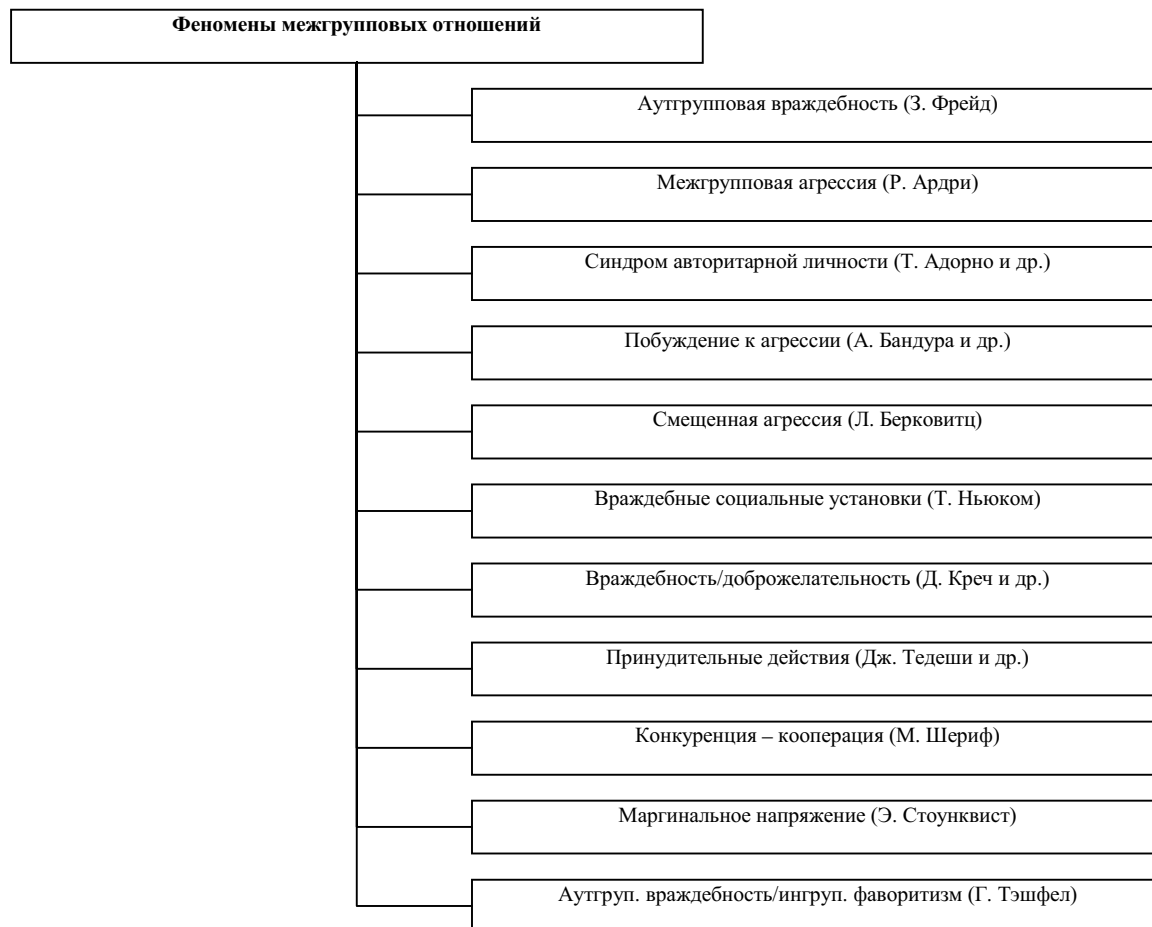
Концепция маргинальной личности – Э.В. Стоунквист. В концепции маргинальной личности в качестве основной причины межгрупповой напряженности рассматривается принадлежность личности одновременно к разным группам, в результате чего возникают трудности в идентификации себя с одной из групп. Э.В. Стоунквист (E.V. Stonequist), познакомившись с концепцией «маргинального человека» Р. Парка, предложил концепцию маргинальной культурной зоны. Основная суть концепции заключается в том, что в тех ситуациях, когда две культуры перекрывают друг друга, местная культура соединяет в себе элементы обеих культур. Такие маргинальные культурные зоны могут привести к появлению маргинального человека, в результате чего будет иметь место конфликт. Поэтому, считает Э. Стоунквист, наилучшим способом для маргинального человека является ассимиляция, или обращение к национальному, или стратегия играть посредническую роль [16].

Теория социальной идентичности Г. Тэшфела. Исследование межгрупповых отношений было отражено в работах Г. Тэшфела (H. Tajfel) [2, 17]. Британскими социальными учеными во главе с Г. Тэшфелом были получены интересные данные – несовместимые групповые цели не являются обязательным условием возникновения межгрупповой конкуренции и враждебности. Достаточным условием может оказаться осознание принадлежности к группе, т.е. социальная идентичность и связанные с ней когнитивные и перцептивные процессы. Согласно Г. Тэшфелу, враждебность по отношению к аутгруппам понимается как способ реализации разрешения внутриличностных эмоциональных (или мотивационных) состояний и противопоставлений, а само существование аутгруппы – как совершенно необходимое условие и единственная возможность снятия «катарсиса» конфликтов, возможность, которую следовало бы изобрести, если бы она не существовала в действительности. Таким образом, согласно изложенной концепции относительно процессов межгруппового взаимодействия, можно «изначально предположить межгрупповую дискриминацию в форме ингруппового фаворитизма и аутгрупповой враждебности» [2].

Обобщив и систематизировав теоретический материал по исследованиям межгрупповых отношений в зарубежной научной литературе, представленный различными направлениями, школами, подходами, предлагаем следующую схему. Данные, представленные в схеме, наглядно показывают, что изучение межгрупповых отношений в зарубежной литературе фокусировалось на проявлениях агрессивного, враждебного отношения, с различными особенностями интерпретации агрессии и враждебности. Так, например, межгрупповая агрессия понималась как код агрессии, смещенная агрессия, вражда, негативное отношение, неприятие, враждебность, раздражение, напряжение, угроза, физическая сила и т.д. Возникновению чувства межгрупповой аг-

рессии способствовали следующие обстоятельства: фрустрация, оценочное отношение, социальные установки, социальные условия, ситуация «приближение–избегание», генетика, процесс категоризации, ситуативные факторы, интернализация ролей, маргинальное положение, осознание групповой принадлежности и др.

ние», генетика, процесс категоризации, ситуативные факторы, интернализация ролей, маргинальное положение, осознание групповой принадлежности и др.

Объяснительные модели, разработанные зарубежными авторами разных школ, подходов и направлений, посвященные изучению межгрупповых отношений, в основном были сконцентрированы на изучении негативных факторов, усиливающих такие явления, как соперничество и конкуренция. Основное внимание ученых было направлено на выявление негативных феноменов, которые проявляются в межгрупповых отношениях, а также на поиск механизмов, их вызывающих. Наиболее часто в объяснении межгрупповых отношений присутствовали такие явления, как синдром авторитарной личности; неизбежность аутгрупповой враждебности; модель принудительного социального взаимодействия; межгрупповая агрессия; межгрупповая враждебность; ингрупповой фаворитизм. Принцип полярности, который проявляется и сохраняется в отношениях, «доброжелательность или враждебность», «максимизация раз-

личий, минимизация сходства или минимизация различий, максимизация сходства», был представлен в одном направлении. Появление в ситуации межгруппового взаимодействия тех, кто ассоциируется с представителями той или иной этнической или любой другой социально-культурной группы, усиливает действие ингруппового фаворитизма. Этнический фактор является катализатором межгрупповых отношений, «ускорителем» заложенных в человеческой природе процессов социальной категоризации. В определенной степени можно сказать, что представленные концепции находились под влиянием социокультурной среды, в которой они были разработаны. Следует согласиться с мнением В.Г. Агеева, который считает, что объяснительные концепции изучения межгрупповых отношений, «работающие в одном социокультурном контексте, могут оказаться нерелевантными в другом» [18. С. 12].

Литература

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН; Академический проект, 1999. С. 202.
2. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2001. С. 101.

3. *Tajfel H.* Differentiations between social groups. London: Academic Press, 1999. P. 63.
4. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого Я. М.: Аспект-пресс, 1925.
5. *Ardrey R.* The Territorial Imperative. A Personal Inquiry into the Animal Origins of Property and Nations. N.Y., 1966. P. 59–62.
6. *The Authoritarian Personality* / Ed. by M. Horkheimer, S.H. Flowerman // Science Editions. N.Y., 1964. Pt. I.
7. *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности / Под общ. ред. В.П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001. С. 269.
8. *Miller N.E.* The frustration-aggression hypothesis // *Psychological Review*. 1941. № 48. P. 337–342.
9. *Бандура А., Уолтерс С.* Принципы социального научения // Современная зарубежная социальная психология. М.: МГУ, 1984. С. 55–61.
10. *Berkowitz L.* Aggressive personalities / Ed. by D.F. Barone, M. Hersen. N.Y.: Plenum Press, 1998. P. 263–285.
11. *Ньюком Т.М.* Социально-психологическая теория: интеграция индивидуального и социального подходов // Современная зарубежная социальная психология: Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: МГУ, 1984. С. 21–25.
12. *Individual in Society. A Textbook of Social Psychology* / Ed. by D. Krech, R.S. Crutchfield, E.L. Ballachey. University of California, Berkeley, New York, San-Francisco, Toronto, London, 1962.
13. *Tederschi J.T., Felson R.B.* Violence, aggression, and coercive actions. Washington DC: American Psychological Association, 1994.
14. *Sherif M.* In common predicament: Social psychology of intergroup conflict and cooperation. N.Y.: Houghton Mifflin, 1966.
15. *Sherif M.* Group conflict and cooperation: their social psychology. London, 1966. 343 p.
16. *Stonequist E.V.* The marginal man: A Study in personality and culture conflict. N.Y., 1961. 228 p.
17. *Tajfel H.* Intergroup behavior, social comparison and social change. Katz-Newcomb lectures. Ann-Arbor, 1974.
18. *Агеев В.Г.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990. С. 12.

INFLUENCE THE ETHNIC FACTOR ON THE STUDYING INTERGROUP RELATIONS

Gurieva S.D. (Sankt-Petersburg)

Summary. The presented work is devoted to studying of intergroup relations in the foreign scientific literature, with accentuation of attention to roles and value of the ethnic factor. The basic purpose is ordering theoretical literature on a studied problem, which evidently presented in the form of tables.

Key words: interethnic relations; intergroup relations; rivalry; a competition; cooperation; aggression; «the authoritative person».

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУПРУГОВ В ЗРЕЛОЙ СЕМЬЕ

И.Г. Дорошина (Пенза)

Аннотация. Описываются причины супружеских конфликтов в зрелых семьях, дается авторская типология сфер супружеских конфликтов, приводятся результаты эмпирического исследования конфликтного поведения супругов в зрелых семьях.

Ключевые слова: зрелая семья; супружеские конфликты; типология конфликтов; гендерная идентичность.

Любая семья в процессе своей жизнедеятельности сталкивается с проблемными ситуациями, связанными с противоречием индивидуальных потребностей, мотивов и интересов ее членов. В психологии под конфликтом понимается противостояние—оппозиция—столкновение индексно противоположных целей, интересов, мотивов, позиций, мнений, замыслов, критериев или же концепций субъектов-оппонентов в процессе общения-коммуникации [1. С. 59]. Ситуацию семейного конфликта можно рассматривать как ограниченный пространственными, временными и информационными рамками фрагмент жизненного процесса, представляющий собой совокупность противоречивых условий и обстоятельств, связанных со значимыми событиями семьи, несовместимыми личностными характеристиками и поведением действующих лиц, а также напряженными межличностными отношениями [8].

Изучение семейного конфликта различными научными дисциплинами показывает сложный и многогранный характер данного явления. Философско-исторический анализ позволяет определить роль конфликта в развитии семьи, его природу и функции. Социологический подход рассматривает причины, последствия, частоту и периодичность семейных конфликтов. Медико-биологические исследования выявляют влияние конфликтов на психическое и физическое здоровье родителей и детей. Демография исследует взаимосвязь возрастных показателей и причин семейных конфликтов. Предметом педагогических исследований является влияние семейного конфликта на взаимоотношения родителей и детей, а также на развитие ребенка. Психология изучает механизмы возникновения, причины и формы проявления семейного конфликта, социально-психологические особенности супругов, способствующие или препятствующие возникновению и развитию конфликтов.

Можно выделить следующие категориальные основания анализа конфликта: содержание, форма, структура, динамика, функции, типология.

Содержание семейного конфликта определяется как сфера несовпадения интересов, цепей, мотивов и т.д. как у супругов, так и у других членов семьи. Уровень и глубина имеющихся противоречий позволяют определить степень развития конфликта, выявить его основные причины. Семья проходит в своем развитии несколько этапов, переход к каждому из которых связан с риском воз-

никновения конфликтов, относимых к группе противоречий развития. Выделяют также противоречия функционирования, отражающие недостатки во взаимодействии членов семьи с позиции их семейных ролей [5].

Значимой характеристикой межличностного взаимодействия супругов в конфликте является его форма. Она отражается в трех основных компонентах — когнитивном, эмоциональном, поведенческом.

Эти компоненты описывают весь диапазон возможных проявлений конфликтного взаимодействия. Они могут обладать различной выраженностью, и в ряде случаев некоторые из них могут доминировать над остальными по степени проявления. Отсутствие выраженности какого-либо из компонентов не является признаком отсутствия данной сферы психического, так как может иметь место скрытый (замаскированный) характер ее проявления.

Следует отметить, что на разных этапах процесса конфликтного взаимодействия форма его проявления может быть различной. Так, например, если в начальной стадии может доминировать когнитивный аспект взаимодействия, то в дальнейшем могут преобладать эмоциональные и поведенческие реакции супругов [6].

Возникающие в процессе супружеского общения противоречия могут носить различный характер и зависеть как от особенностей противоборствующих сторон, так и от условий, в которых протекает данный конфликт.

Таким образом, выделяют две основные сферы конфликтов. Первая обусловлена взаимосвязью семьи с обществом, тем кругом проблем, который возникает при функционировании семьи как социального института.

Вторая сфера проблематики семейных конфликтов связана с функционированием семьи как малой социальной группы, с социально-психологическими и психофизиологическими различиями личностей супругов.

Участники семейных конфликтов часто не являются противоборствующими сторонами, адекватно осознавшими свои цели, скорее они жертвы собственных неосознаваемых личностных особенностей и неправильного, не соответствующего реальности видения ситуации и самих себя. Для семейных конфликтов характерны крайне неоднозначные и потому неадекватные ситуации, связанные с особенностями поведения людей в конфликтах. Демонстрируемое поведение часто маскирует истинные чувства и представления о конфликтной ситуации и друг о друге.

Так, за грубыми и шумными столкновениями супругов могут скрываться привязанность и любовь, а за подчеркнутой вежливостью – эмоциональный разрыв, хронический конфликт, иногда и ненависть.

Структура конфликта характеризуется конфликтной ситуацией (участники и объект конфликта) и инцидентом (открытое столкновение участников конфликта). В динамике конфликта выделяются этапы: возникновение объективной предконфликтной ситуации; осознание этой ситуации как конфликтной; инцидент; разрешение (завершение конфликта); послеконфликтная ситуация [2].

В протекании конфликта как процесса выделяют четыре основные стадии: возникновение объективной конфликтной ситуации; осознание объективной конфликтной ситуации; переход к конфликтному поведению; разрешение конфликта.

Конфликт становится реальностью только после осознания противоречий, так как только восприятие ситуации как конфликтной порождает соответствующее поведение (из этого следует, что противоречие может быть не только объективным, но и субъективным, мнимым). Переход к конфликтному поведению – это действия, направленные на достижение своих целей и блокирование стремлений и намерений противоположной стороны. Существенно, что и действия оппонента также должны осознаваться им как конфликтные. Эта стадия связана с обострением эмоционального тона взаимоотношений и прогрессирующей их дестабилизацией. Однако действия участников выполняют одновременно и своеобразную познавательную функцию, когда развитие конфликта приводит к более глубокому, хотя и не всегда более точному пониманию ситуации. Возможны два основных пути разрешения конфликтов: изменение объективной конфликтной ситуации и преобразование ее «образов», представлений о сути и характере конфликта, имеющихся у оппонентов.

Семейные конфликты обычно связаны со стремлением людей удовлетворить те или иные потребности или создать условия для их удовлетворения без учета интересов партнера.

Причин семейных конфликтов очень много: разные взгляды на семейную жизнь; нереализованные ожидания и неудовлетворенные потребности, связанные с семейной жизнью; пьянство одного из супругов; супружеская неверность; грубость, неуважительное отношение друг к другу; нежелание мужа помогать жене в домашних делах; бытовая неустроенность; неуважительное отношение к родственникам супруга; различия в духовных интересах и потребностях и т.п. [12].

А.И. Кочетов называет семь основных причин семейных конфликтов [3]:

– *Нарушение этики супружеских отношений* (измена, ревность). Измена супруга является болезненной для любого человека и даже несмотря на подчас терпимое внешнее отношение переживается как предательство,

обман и отсутствие любви. Беспочвенная ревность воспринимается как недоверие со стороны партнера и вызывает чувство обиды.

– *Биологическая несовместимость*. Довольно часто супружеские союзы заключаются по любви, являющейся высшим чувством, связанной в значительной степени с общим мировоззрением, ценностными ориентациями, системой мотивации и направленностью личности. Однако индивидуальные особенности, такие как особенности нервной системы и гормональный фон, не всегда принимаемые будущими супругами в расчет, могут стать причиной сексуальной неудовлетворенности или несовпадения биоритмов «жаворонка» и «совы».

– *Неправильные взаимоотношения супругов* (одного из них) с окружающими их людьми – родственниками, знакомыми, сослуживцами и т.д. Конечно, наиболее распространенной причиной конфликтов является некорректное отношение одного из супругов к родителям другого супруга. Не случайно нелегкие отношения тещи и зятя нашли свое отражение в фольклоре. Многие родители, заботясь о семейном счастье своего выросшего ребенка, нарушают структуру взаимоотношений молодых (и не очень) супругов, провоцируя массу конфликтов.

– *Несовместимость интересов и потребностей*. Довольно часто сходство интересов и потребностей лежит в основе создания семьи, однако они не могут полностью совпадать у двух разных людей, а также меняются с течением времени, что порождает разногласия и столкновения.

– *Различие педагогических позиций по отношению к ребенку*. Непоследовательный стиль воспитания одного родителя, так же как и различные цели и средства воспитания, не только не приносят желаемого эффекта, но и просто делают ребенка несчастным. У него не складывается целостная картина мира, так как не понятно, что же на самом деле хорошо, а что плохо, что можно, а что можно, пока мама или папа не видит. Ребенок вынужден подстраиваться под родителей, и они, видя эту ситуацию, начинают борьбу за него.

– *Наличие личностных недостатков или отрицательных качеств* у одного, а подчас и у обоих супругов. Грубость, вспыльчивость, лживость, неряшливость и многие другие качества вызывают недовольство у второй половины, и только наличие у нее такого положительного качества, как терпение, способно предотвратить супружескую ссору.

– *Отсутствие взаимопонимания между родителями и детьми*. Если предыдущие причины в основном касались супружеских взаимоотношений, то последняя относится к проблемам отцов и детей. По сути, она основывается на различных ценностях, потребностях и интересах разных поколений и неумении понимать друг друга точку зрения.

Возникновение конфликтов связано со стремлением людей удовлетворять те или иные потребности или

создать условия для их удовлетворения без учёта интересов другого супруга или члена семьи.

В классификации В.А. Сысенко делается акцент на неудовлетворенности базовых потребностей: физиологических, в любви, уважении и признании:

- неудовлетворенность сексуальных потребностей одного из супругов;
- неудовлетворенность потребности в ценности и значимости своего «Я» (нарушение чувства собственного достоинства со стороны другого партнера, его пренебрежительное, неуважительное отношение, обиды, оскорбления, постоянная критика);
- неудовлетворенность потребности одного или обоих супругов в положительных эмоциях (отсутствие ласки, нежности, заботы, внимания и понимания, психологическое отчуждение супругов друг от друга, эмоциональная холодность);
- пристрастие одного из супругов к спиртным напиткам, азартным играм и тому подобным вещам, приводящим к большим затратам денежных средств;
- финансовые разногласия супругов (вопросы взаимного бюджета, содержания семьи, вклада каждого из партнеров в ее материальное обеспечение);
- неудовлетворенность потребности во взаимопомощи, взаимной поддержке, потребности в кооперации и сотрудничестве, неудовлетворенность ведением домашнего хозяйства [11].

Мы предлагаем классифицировать причины супружеских конфликтов по сферам:

1. Когнитивные. Различные взгляды на значимые события.
2. Поведенческие. Поведение, не соответствующее желаниям партнера.
3. Личностные. Особенности личности, негативно влияющие на взаимоотношения: конфликтность, агрессивность, лживость и т.д.
4. Коммуникативные. Проблемы в общении между супругами: недостаток общения, отсутствие общих интересов, не устраивающая партнера коммуникативная позиция.
5. Социальные. Несоответствие каких-то характеристик одного партнера представлениям другого, несогласованность семейных ролей, различное социальное происхождение супругов, отношение к данному браку референтных лиц.
6. Экономические. Ощущение недостатка семейного бюджета, обвинение партнера в недостаточном заработке или излишних тратах.
7. Эмоциональные. Негативные эмоции в отношении супруга: раздражение, обида, ревность и т.д.
8. Сексуальные. Количественная или качественная неудовлетворенность сексуальными отношениями.

Структура супружеского конфликта включает в себя следующее: супруги как субъекты конфликта; конфликтная ситуация, возникшая в результате межличностного

взаимодействия; конфликтное взаимодействие супругов как основной способ разрешения конфликтной ситуации; условия возникновения, протекания и завершения супружеского конфликта.

В качестве сопутствующего фактора, влияющего на конфликтность супружеских отношений, можно выделить кризисные периоды в развитии семьи [9].

Первый год супружеской жизни характеризуется конфликтами адаптации друг к другу, когда два «Я» становятся одним «Мы». Происходит изменение чувств, влюбленность рано или поздно проходит, и супруги предстают друг перед другом без романтического ореола, со своими, возможно ранее не виденными, недостатками. На первый год приходится самое большое число разводов [10].

Второй кризисный период связан с появлением детей. На последний план отступает совместное времяпрепровождение, а особое значение приобретают хозяйственно-бытовая и воспитательная функции. Молодая семья сталкивается с множеством проблем:

- Ухудшаются возможности профессионального роста супругов.
- У них становится меньше возможностей для свободной реализации в лично-привлекательной деятельности (увлечения, хобби).
- Усталость жены, связанная с уходом за ребенком, может привести к снижению сексуальной активности, а также ее привлекательности в глазах мужа.
- Возможны столкновения взглядов супругов и их родителей по проблемам воспитания ребенка.

Третий кризисный период совпадает со средним супружеским возрастом, который характеризуется конфликтами однообразия. В результате многократного повторения одних и тех же впечатлений у супругов наступает насыщение друг другом. Это состояние называют голодом чувств, когда наступает «сытость» от старых впечатлений и «голод» по новым [4].

Четвёртый период конфликтности отношений супругов наступает после 18–24 лет совместной жизни. В этот период часто проявляется так называемый «синдром пустого гнезда», обусловленный отделением выросших детей и появлением чувства одиночества. Дополнительным стрессовым фактором для женщины является снижение собственной привлекательности и стремление многих мужчин сексуально проявить себя на стороне «пока не поздно» [9].

На наш взгляд, в современной науке недостаточно изучены конфликты именно в зрелых семьях, а также нам не встречались работы, рассматривающие супружеские конфликты с позиции гендерного взаимодействия супругов. Для нас представляет интерес исследование конфликтов в зрелых семьях, особенности их протекания, распространенные причины. Мы предполагаем, что особенности конфликтного взаимодействия взаимосвязаны с гендерной идентичностью супругов.

Целью нашего эмпирического исследования было выявление взаимосвязи гендерной идентичности и особенностей конфликтного поведения в зрелых семьях. Нами были получены следующие результаты. Более маскулинные мужчины чаще используют стратегию соперничества в конфликте ($r = -0,528$, $p < 0,01$), и реже приспособление ($r = 0,374$, $p < 0,01$). Такое поведение является одной из черт патриархальных семейных отношений, при которых муж является главой семьи и в одиночку принимает решения и разрешает спорные ситуации. Примечательно, что у таких мужчин жены чаще проявляют стремление к автономии ($r = 0,5$, $p < 0,05$). Этот факт можно объяснить тем, что современные женщины больше ориентированы на равноправные отношения, нежели мужчины, и авторитаризм мужа порождает противодействие и стремление к свободе и самостоятельности. Еще больше взаимосвязей установлено у женщин, что, на наш взгляд, связано с ведущей ролью женщины в формировании семейной атмосферы.

У более фемининных женщин мужа чаще используют стратегию сотрудничества ($r = -0,43$, $p < 0,05$). Маскулинные женщины чаще стремятся доминировать в конфликте ($r = -0,513$, $p < 0,01$). То есть мы видим, что гендерная идентичность взаимосвязана со стратегиями конфликтного поведения, но не связана со сферами возникновения конфликтов.

Мужчины, склонные к доминированию, чаще ссорятся с женами из-за стремления к автономии ($r = -0,491$, $p < 0,01$). Если мужа часто прибегают к компромиссу, то жены избегают конфликтов ($r = 0,412$, $p < 0,05$). Мужчины, приспособляющиеся к партнеру, обычно женаты на женщинах, склонных к доминированию ($r = 0,408$, $p < 0,05$), причем такое поведение жены не является поводом для ссор ($r = 0,533$, $p < 0,01$), также у них редки конфликты из-за денежных вопросов ($r = 0,398$, $p < 0,05$). У женщин, склонных к сотрудничеству, чаще бывают конфликты, связанные с воспитанием детей ($r = -0,536$, $p < 0,01$). У женщин, склонных к компромиссу, мужа конфликтуют из-за нарушения ролевых ожиданий ($r = -0,407$, $p < 0,05$), что довольно-таки странно, так как компромисс соответствует феминному стереотипу. Можно предположить, что поскольку в нашей выборке нашелся только один союз маскулинного мужчины и фемининной женщины, то и представление о гендерных ролях наших испытуемых может отличаться от распространенных стереотипов.

Мы сгруппировали изучаемые семьи на основании гендерной идентичности супругов. Из девяти возможных вариантов в нашей выборке представлено 5:

1. Маскулинный муж и фемининная жена (1 пара).
2. Маскулинный муж и андрогинная жена (1 пара).
3. Андрогинный муж и андрогинная жена (20 пар).
4. Андрогинный муж и фемининная жена (5 пар).
5. Фемининный муж и андрогинная жена (2 пары).

Подсчитав средние значения и критерий достоверности отличий Стьюдента между характеристиками кон-

фликтного поведения в семьях каждого типа по отношению к выборке в целом, мы описали специфические черты каждого типа семьи.

В семье 1-го типа наблюдается преобладающая стратегия соперничества у мужа и сотрудничества у жены.

Конфликтными сферами для мужа являются отношения с родственниками, воспитание детей, проявление стремления к автономии, нарушение ролевых ожиданий, проявление доминирования одним из супругов, отношение к деньгам. Для женщины отмечаются те же сферы и еще рассогласование норм поведения и проявление ревности, т.е. все представленные в методике варианты. В целом данную семью можно назвать конфликтной, индекс конфликтности – 0,9.

В паре 2-го типа муж также проявляет доминирующую позицию в споре, а жена склонна к поискам компромисса.

Для мужа проблемными зонами являются вопросы, связанные с отношениями с родственниками, проявлением автономии, нарушением ролевых ожиданий, проявлением доминирования. У жены к ним добавляются ревность и денежные вопросы. Индекс конфликтности достаточно высок ($-0,42$).

В семьях 3-го типа, где оба супруга являются андрогинами, наиболее распространенными являются избегание (у мужчин) и компромисс (у женщин). Соперничество используется реже всего. Несмотря на то, что оба супруга имеют андрогинную гендерную идентичность, замечается небольшой уклон в сторону патриархальных установок – мужчины чаще соперничают, а женщины чаще приспособляются. В этом типе семей отмечается наибольшее разнообразие стратегий поведения.

Наиболее типичными причинами конфликтов для супругов обоего пола являются отношения с родственниками и друзьями и доминирование одного из супругов, которое, правда, не обнаружилось с помощью методики Томаса «Стиль поведения в конфликте». Женщины также отмечают проблемы из-за нарушения ролевых ожиданий, денежные вопросы и ревность. Индекс конфликтности меньше, чем у предыдущих типов ($-0,2$).

В семьях 4-го типа, состоящих из андрогинных мужчин и фемининных женщин, в конфликтных ситуациях супругами применяются компромисс и избегание. Мужчины в большинстве случаев прибегают к сотрудничеству, совершенно не свойственному женщинам этой группы.

Наиболее частыми причинами конфликтов являются отношения с родственниками и друзьями, нарушения ролевого ожидания. Женщины ссорятся из-за денежных вопросов и доминирующей позиции одного из супругов, а мужчины – из-за ревности. У этих супругов совершенно не наблюдается рассогласования норм поведения. У женщин этого типа семей по отношению к общей выборке достоверно меньше проявляются ссоры из-за отношений с родственниками и друзьями ($r = 2,12$, $p < 0,05$) и воспитания детей ($r = 2,353$, $p < 0,05$). Отмеча-

ется значительное снижение общей конфликтности по сравнению с предыдущими типами семей ($-0,064$).

Мужчины из семей 5-го типа склонны к сотрудничеству и компромиссу, а женщины – к сотрудничеству и приспособлению.

Для женщин наиболее проблемными сферами являются отношения с родственниками и друзьями, стремление к автономии одного из супругов и денежные вопросы ($r = -2,431$, $p < 0,05$). Примечательно, что только эти женщины не ссорятся из-за нарушения ролевых ожиданий ($r = 4,87$, $p < 0,001$), хотя их мужья выступают в нетрадиционной фемининной роли. Конфликты проявляются и в других сферах: воспитание детей, ревность и доминирование одного из супругов. Мужчины определяют другие проблемные зоны: рассогласование норм поведения (достоверно чаще, чем другие мужчины: $r = -4,25$, $p < 0,001$), нарушение ролевых ожиданий. Возможно, их не устраивает большая маскулинность их жен по отношению к собственной гендерной идентичности. Совпадающими сферами конфликтов являются отношения с родственниками и друзьями, доминирование одного из супругов и ревность. Этот тип семьи является наименее конфликтным ($-0,05$).

Таким образом, наше исследование показало, что зрелые семьи бывают разного типа в зависимости от гендерной идентичности супругов. В нашей выборке присутствуют 5 типов семей: маскулинный муж и фемининная жена, маскулинный муж и андрогинная жена, андрогинный муж и андрогинная жена, андрогинный муж и фемининная жена, фемининный муж и андрогинная жена. Наиболее распространенными являются союзы двух андрогинов.

Маскулинность как гендерная характеристика лиц любого пола взаимосвязана с конкуренцией в ситуациях конфликта.

Наиболее конфликтными можно назвать патриархальные семьи, где маскулинный мужчина женат на андрогинной или фемининной женщине.

Только женщины из наиболее матриархальных семей, состоящие в браке с фемининными мужчинами, удовлетворены распределением гендерных ролей, что указывает на изменения гендерных представлений в сознании современных женщин.

Уровень общей конфликтности семей выше в парах с высокой маскулинностью.

Литература

1. Ануцов А.Я., Шитлов А.И. Конфликтология: Учеб. для вузов. М.: ЮНИТИ, 1999. С. 59.
2. Витек К. Проблемы супружеского благополучия. М.: Прогресс, 1988.
3. Кочетов А.И. Начало семейной жизни // Мужчина и женщина: отношения полов. Минск: Полымя, 1989.
4. Рюриков Ю. Любовь на исходе XX века. М.: Рипол классик, 1998.
5. Малярова Н.В. Особенности социологического анализа семейных конфликтов // Социол. исслед. 1984. № 1. С. 18–27.
6. Мариновская И.Д., Цветков В.Л., Гришин А.А. Конфликтология: Учеб. пособие. М.: Фит., 2001.
7. Навайтис Г.А. О выборе брачного партнера // Семья и личность / Под ред. А.А. Бодалева. М., 1981. 235 с.
8. Петрулевич С.А. Эмоциональная составляющая неконструктивных стереотипов межличностного взаимодействия в ситуации семейного конфликта: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.
9. Станислав Кратохвил. Психотерапия супружеских отношений / Пер. с чеш. Т.В. Даниловой; Под ред. Г.С. Васильченко. М.: Медицина, 2008.
10. Дорно И.В. Современный брак: проблемы и гармония. М.: Педагогика, 1990.
11. Сысенко В.А. Супружеские конфликты. М.: Мысль, 1989.
12. Шуман С.Г., Шуман В.П. Конфликты в молодой семье: причины, пути устранения. Минск: Университетское, 1989.

THE RESEARCH of SPOUSES' DISPUTED INTERACTION IN A MATURE FAMILY
Doroshina I.G. (Pensa)

Summary. This article is devoted to the problem of matrimonial conflicts in mature families. The conflicts reasons are described, the author's typology of spheres of spouses' conflicts is also given here. In the article the results of empirical research of disputed behaviour of spouses in mature families are resulted.

Key words: mature family; matrimonial conflicts; typology of conflicts; gender identity.

МОДЕЛЬ СЕМЬИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ УСТАНОВОК И ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ МОЛОДЕЖИ

Е.А. Морозова, Т.Ю. Сорокина (Самара)

Аннотация. Рассматривается проблема взаимосвязи модели семьи с брачными установками и качествами личности современной молодежи. Результаты исследования подтверждают предположение о том, что чем более традиционны установки семьи, тем в большей степени сформирована готовность молодежи к браку и выражены такие качества личности, как альтруизм, духовность, нравственность.

Ключевые слова: модели семьи; молодежь; полиморфизм взглядов; личность; брачные установки; духовность; альтруизм.

Современная семья находится в глубочайшем кризисе, который имеет различные деструктивные проявления. Не случайно 2008 г. был объявлен годом семьи, что позволило привлечь внимание общества к ее накопившимся проблемам. Среди них в первую очередь следует отметить катастрофическое падение значимости и ценности самой семейной жизни – все больше людей сознательно избирают одиночество как способ существования. По данным социологических исследований, в настоящее время число разводов в стране выросло на 700% по сравнению с Россией начала XX в., по Самарской области на 1000 образовавшихся пар приходится 786 распавшихся. Исследователи современной семьи отмечают низкий уровень информированности молодежи о проблемах семьи и семейных отношениях, слабую ориентацию подрастающего поколения на создание семьи и недостаточную подготовку к семейному образу жизни (Т.И. Дымнова [8], В.Т. Лисовский [13], Е.М. Черняк [25], Л.Б. Шнейдер [26]).

Некоторые исследователи кризис института семьи связывают с разрушением традиционной модели семьи и считают, что для российского менталитета нормативной является традиционная патриархальная семья (Т.И. Дымнова [8]; С.К. Нартова-Бочавер, Г.К. Кислицина, А.В. Потапова [16] и др.). Л.Г. Лысюк [14] считает, что христианская модель супружеских отношений обладает четкостью, простотой мудрости и завершенностью, использование такой модели в качестве нормативной модели супружеских отношений позволяет решить многие семейные проблемы и обозначить пути выхода ее из кризиса.

В настоящее время институт традиционной семьи претерпевает трансформацию. Патриархальная семья сдала свои позиции в 1960–1970-е гг. в результате антипатриархальной пропаганды. Семья преимущественно становится эгалитарной, в обществе утверждается понятие «социалистическая семья» как прогрессивная форма брака. В этой связи рассмотрим точки зрения различных исследователей относительно ведущих моделей семьи. В.Н. Дружинин типичную советскую семью рассматривал как вариант модели аномальной языческой семьи с рудиментами православной модели. Аномальность этой семьи состоит в том, что мужчина не несет ответственности за семью в целом [7. С. 45]. Ю.И. Семенов, изучав-

ший происхождение брака и семьи, считает, что главенствующее положение матери в семье нельзя считать нормальным: на плечи женщины взваливается непомерная тяжесть, в семье нарушается психологическое равновесие [18. С. 14]. В.М. Целуйко говорит, что кризис семьи в некотором плане связан со снижением роли мужчины как стабилизирующего фактора внутреннего равновесия [24]. Существует и ряд других ученых, которые свидетельствуют о сегодняшней популярности, хотя и чуть в меньшей степени (по сравнению с эгалитарной), традиционной модели семьи (Е.А. Володарская, Н.Ю. Логинова [4]; А.И. Сорокин [21]).

Однако некоторые авторы считают вообще неправомерным говорить о мужском главенстве в демократическом обществе, более того, они усматривают негативное влияние патриархальных отношений на функционирование семьи, отстаивая позицию равноправия в семье (Т.А. Гурко [6], В.И. Зацепин [9], О.А. Карабанова [11], Е.М. Черняк [25] и др.). Об активном процессе эгалитаризации семейных отношений говорят и многие другие исследователи (например, С.И. Голод [5], Н. Смелзер [20]). Хотя некоторые исследователи считают, что все же на определенных этапах развития семьи, в «кризисные», «переходные» периоды более жесткое распределение ролей и традиционализация отношений способствуют более эффективному решению стоящих перед семьей задач и функционированию семьи в целом (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская [1], И.Ю. Борисов [3]).

Таким образом, в современной психологической науке существует полиморфизм взглядов относительно того, какая модель семейного взаимодействия наиболее эффективна: патриархальная или эгалитарная.

Разрушение семейного образа жизни приводит к тому, что все больше людей тяготеют к так называемым альтернативным моделям устройства семейных отношений: это «открытый» брак, фактически узаконивающий право на измену, сознательно бездетный брак, свингерство («шведская семья»), внебрачные интимные отношения, гомосексуальные пары, «гостевой» брак, предполагающий встречи супругов лишь по необходимости, и т.д. Наиболее распространенной формой альтернативных семейных отношений стал так называемый гражданский брак, или сожительство, в котором мужчина и женщина строят свою совместную жизнь без

официальной регистрации. Исследования подтверждают, что такого рода опыт совместной жизни не оказывает особого влияния на дальнейшую регистрацию отношений: лишь пять процентов таких пар официально регистрируют свои отношения [2, 11]. Психологические мотивы выбора «гражданского брака» современными мужчинами и женщинами связаны с наличием глубинного страха близких межличностных отношений, которые подразумевают взаимные обязательства и ответственность.

Одиночество – еще одна альтернатива супружеству. Все больше людей сознательно избирают одиночество как способ существования. Так, по данным социологических исследований, 2/3 молодых людей в 25-летнем возрасте (наиболее оптимальном для деторождения) не состоят в браке, в возрасте около 35 лет – 1/3 не имеют своей семьи. Однако традиционным показателем личностной зрелости в нашей стране считается готовность мужчины и женщины вступить в брак [17. С. 18]. В качестве одной из причин трансформации отношения к супружеству следует отметить тот факт, что в матримониальном (брачном) менталитете отсутствует четко заданный идеал семейного взаимодействия. Российская семья начинает ориентироваться на западные ценности: ценности индивидуализма (собственного «я»), жизни для себя, что составляет отличительную черту западного стиля жизни, в то время как российский менталитет изначально направлен на соборность, единение (понятие «мы»), превознося социальное или общественное в человеке. Сегодня зачастую супружеские отношения молодыми людьми перестают восприниматься как проявление духовного единства, самопожертвования, альтруизма, стремления «стать одной плотью» и перерождаются в эгоистическое удовлетворение собственных потребностей в браке.

Отсутствие четко заданного идеала семейного взаимодействия, ломка традиционных стереотипов семейной жизни приводят к потере авторитета семьи, что в свою очередь ведет к дезориентации в личностном пространстве. Это находит свое выражение в появлении различных форм дезадаптации – сексуальных, невротических реакций, агрессивности, алкоголизма, наркомании, потери смысла жизни и др. Исследователи говорят о социальных и личностных деформациях в молодежной среде, проявляющихся социальной пассивностью, позицией иждивенчества, потребительским отношением к жизни и др. (И.Ю. Кулагина [12], Д.И. Фельдштейн [22], К. Янк [27] и др.). В частности, Е.М. Черняк говорит о том, что молодые браки разрушаются из-за завышенных ожиданий, инфантильности, безволия, эгоистических установок у вступающих в брак молодых людей [25. С. 217].

Остановимся на практическом исследовании, которое показывает взаимосвязь традиционных основ семьи с личностными качествами и установками на брак современной молодежи. Приведем краткое описание програм-

мы эксперимента, который проводился в два этапа. Первый этап был посвящен исследованию брачно-семейных установок студентов. Второй этап был направлен на исследование взаимосвязи традиционной модели семьи с личностными качествами студентов. В рамках эксперимента было сформировано две выборки. Первая выборка составила 525 студентов различных вузов (средний возраст обследованных 19,2 года). Выборка второго этапа эксперимента составила 105 человек (средний возраст – 18,3 года), которая включала в себя три подгруппы: 1) учащиеся вечерних школ Самары (35 человек: 21 юноша и 14 девушек) с девиантным поведением, которое проявилось в таких формах дезадаптации, как стойкие прогулы, неуспеваемость, эпизодическое употребление алкоголя и наркотиков; 2) студенты-семинаристы (35 человек: 19 юношей-семинаристов и 16 девушек-регентов), обучающиеся на пастырском и регентском отделениях Самарской православной духовной семинарии; 3) студенты-железнодорожники (35 человек: 20 юношей и 15 девушек), обучающиеся в Самарском государственном университете путей сообщения.

Общая цель эксперимента – выявить взаимосвязь между устоями традиционной модели семьи, брачно-семейными установками студентов и их личностными качествами.

Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие задачи: 1) составить диагностический алгоритм исследования; 2) исследовать модели семьи у современной молодежи; 3) исследовать брачно-семейные установки и личностные качества юношей и девушек (духовность, нравственность, альтруизм); 4) провести корреляционный анализ полученных данных.

Диагностический алгоритм включал в себя следующие методики: 1) для выявления моделей семейных отношений и брачных установок: авторская анкета; сочинение-конструкт «Идеальная семья» (Т.Ю. Сорокина), «Реальная семья» (модификация Е.А. Морозовой) для исследования традиционных устоев семьи; опросник Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовской «Измерение установок в семейной паре» для выявления взглядов испытуемых по наиболее значимым сферам семейного взаимодействия (альтернатива между чувством долга и удовольствием, отношение к зависимости или автономности супругов в семье, отношение к разводу и др.); 2) для диагностики личностных качеств: проективная методика Е.К. Веселовой, С.А. Черняевой «Друг-советчик-1» для изучения нравственных качеств студентов; проективная методика Е.Б. Фанталовой «Свободный выбор ценностей», направленная на выявление системы наиболее значимых ценностей; опросник «Иерархия личности» Е.В. Шестуна, Е.А. Морозовой, И.А. Подоровской [15], позволяющий выявить иерархию личностных уровней [10, 19, 23]: духовный (духовно-нравственная сфера человека: способность к самопожертвованию, значимость духовного развития личности, аль-

труизм), душевный (эмоциональная сфера человека, потребность в общении, значимость принятия в отношениях с людьми), телесный (психофизиологическая сфера человека: значимость материальных благ, удовлетворение физиологических потребностей в еде, пище, сексуальных отношениях).

При анализе данных были использованы следующие математико-статистические методы: анализ средних значений, метод процентного соотношения; критерий Манна–Уитни, метод Вилкоксона, корреляционный ранговый анализ Спирмена. Математико-статистическая обработка данных осуществлялась при помощи программы «SPSS-13».

В процессе первого этапа эксперимента было выявлено, что у студентов существуют следующие типы брачно-семейных установок: эгоцентрическая, социоцентрическая, традициоцентрическая. При этом традициоцентрическая брачно-семейная установка в большей степени благоприятно влияет на психологическую готовность молодежи к браку. Об этом свидетельствует корреляционная связь между традиционной установкой в сфере семьи и брака и 1) установкой на большее количество детей при реальных ($R = 0,446$, $p \leq 0,01$) и идеальных условиях ($R = 0,434$, $p \leq 0,01$); 2) положительным отношением к многодетности ($R = 0,484$, $p \leq 0,01$); 3) «значимостью семьи» в системе личностных ценностей ($R = 0,425$, $p \leq 0,05$); 4) воспитательной функцией семьи ($R = 0,506$, $p \leq 0,01$); 5) установкой на долг в семейной сфере, нежели на получение удовольствия ($R = 0,412$, $p \leq 0,05$). Таким образом, традиционная установка в области брака предполагает высокую значимость семьи в системе ценностей личности современных юношей и девушек, а также создает благоприятные репродуктивные и воспитательные установки и соотносится с понятием семейного долга, что способствует преодолению потребительских тенденций в браке.

Результаты второго этапа эксперимента показали следующее. В группе студентов-семинаристов представления о реальной и идеальной модели семьи в большинстве своем носят традиционный характер, подразумевающий иерархию, главенство в семье мужчины, выполнение женщиной традиционных женских ролей, соподчиненность младших старшим. В группе студентов-железнодорожников представления о семье в большинстве своем носят социоцентрический характер, т.е. ориентированы на партнерство, товарищество, демократизм в отношениях, равное распределение ролей и обязанностей. В группе учащихся-вечерников (дезадаптивных юношей и девушек) отмечается значительное расхождение между идеальной и реальной моделями семей: реальная семья в большинстве своем носит эгоцентрический характер, имеющий в своем основании ориентацию на личные интересы, потребности членов семьи, а идеальная семья тяготеет к социоцентрической моде-

ли. Средние значения гармоничных (эмоционально близких) отношений в семье значимо выше в семьях студентов-семинаристов. В большей степени конфликтными являются семьи учащихся вечерней школы.

Семейные традиции (празднование Нового года, дней рождения и т.д.) значимо выше у студентов-железнодорожников ($p \leq 0,01$), тогда как у учащихся-вечерников духовные и семейные традиции зачастую отсутствуют, каждый член семьи живет своей жизнью. Что касается духовно-религиозных традиций (совместное посещение храма, празднование церковных праздников и т.д.), то они выше в семьях студентов-семинаристов по сравнению с семьями студентов-железнодорожников и студентов-вечерников.

Исследование духовно-нравственной направленности личности показало следующие результаты: индекс нравственности значимо выше у студентов-семинаристов (среднее значение 19,4) по сравнению со студентами-железнодорожниками (13,6) и учащимися вечерних школ (13,2).

Подобное соотношение отмечается и по категории «альтруизм»: на первом месте по шкале «альтруизм» находятся студенты-семинаристы (11,7), на втором – студенты-железнодорожники (8,1), затем следуют учащиеся вечерних школ (7,21).

Исследование личностных уровней (духовный–душевный–телесный) показал, что категория «духовность» в иерархии личности максимальна у студентов-семинаристов (43,7), ниже у студентов-железнодорожников (32,1) и значительно ниже у студентов-вечерников (27,1). Категория «душевность» выше у студентов-железнодорожников (35,4), на втором месте находятся студенты-вечерники (34,9), далее следуют студенты-семинаристы (31,8), что, возможно, объяснимо доминированием в личности духовных тенденций. Подобное соотношение наблюдается и в категории «телесность».

Корреляционный анализ Спирмена выявил взаимосвязь между устоями традиционной семьи и личностными качествами студентов. Традиционные представления об идеальной и реальной семье значимо прокоррелировали с индексом нравственности ($R = 0,635$, $p \leq 0,01$; $R = 0,702$, $p \leq 0,01$), шкалой «альтруизм» ($R = 0,567$, $p \leq 0,01$; $R = 0,582$, $p \leq 0,01$), показателем «духовность» ($R = 0,485$, $p \leq 0,01$; $R = 0,549$, $p \leq 0,01$), показателем «телесность» ($R = -0,551$, $p \leq 0,01$; $R = -0,510$, $p \leq 0,01$). Кроме того, показатель «реальная семья» прокоррелировал с показателем «душевность» ($R = -0,198$, $p \leq 0,01$). То есть чем в большей степени представления об идеальной семье и реальной семье соответствуют традиционным, тем выше нравственное и духовное развитие личности, альтруизм и ниже значимость телесной сферы человеческого бытия, т.е. тем менее человек придает значение удовлетворению личностных психофизиологических и материальных потребностей.

Духовные традиции прокоррелировали со шкалой «альтруизм» ($R = 0,563$, $p \leq 0,01$), показателем «духовность» ($R = 0,462$, $p \leq 0,01$), индексом нравственности ($R = 0,271$, $p \leq 0,01$), показателем «телесность» ($R = -0,533$, $p \leq 0,01$). То есть соблюдение в семье духовно-религиозных традиций способствует духовно-нравственному развитию личности, альтруистическому поведению и отодвигает на задний план удовлетворение личностных потребностей.

Итак, на основании полученных данных можно констатировать существующие взаимосвязи между моделями семей и исследуемыми характеристиками молодежи. При этом модель семьи можно рассматривать как фактор формирования брачно-семейных установок и личностных качеств молодежи, что подтверждается корреляционным анализом. Традиционная модель семьи (по сравнению с эгоцентрической и социоцентрической) в большей степени влияет на зрелость личности, что находит свое выражение в установках и качествах личности. По всей видимости, в основе подобного механизма влияния лежит возможность идентификации личности молодежи с традиционными внутрисемейными паттернами, в результате чего происходит их есте-

ственная интериоризация и последующее воплощение в соответствующих характеристиках.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Теоретический анализ литературы показал, что существует полиморфизм взглядов исследователей в области семьи и брака относительно того, какая модель семейного взаимодействия наиболее эффективна.
2. Практическое исследование показало, что традициоцентрическая брачно-семейная установка в большей степени благоприятно влияет на психологическую готовность молодежи к браку.
3. Экспериментальное исследование выявило взаимосвязь между устоями традиционной модели семьи и личностными качествами современной молодежи (духовностью, нравственностью и альтруизмом); девиантное поведение молодежи может быть связано с разрушением традиционных устоев семьи.
4. Для профилактики кризисных тенденций в брачно-семейной сфере и негативных проявлений в развитии личности необходимо духовно-нравственное просвещение молодежи, включающее в себя проведение лекций, информирующих об устоях традиционной семьи.

Литература

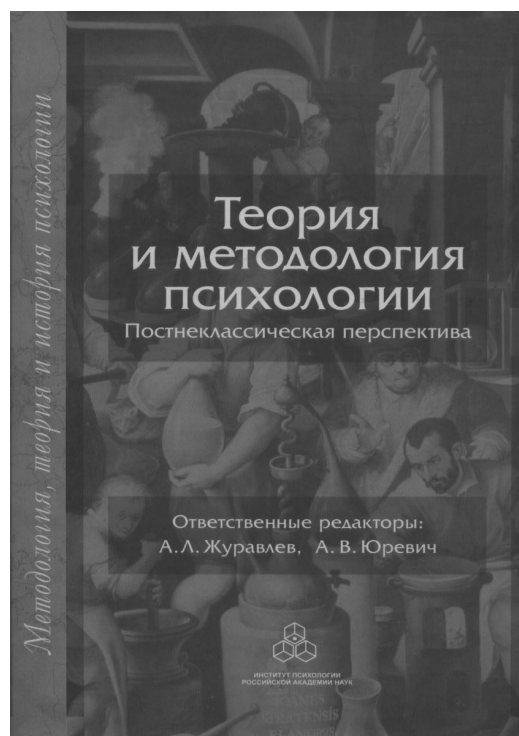
1. Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: Спецпрактикум по социальной психологии. М.: Изд-во МГУ, 1987. 120 с.
2. Алешина Ю.Е., Борисов И.Ю. Полоролевая дифференциация как комплексный показатель межличностных отношений супругов // Психология семьи: Учеб. пособие / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: БАХРАХ-М, 2002. С. 308–320.
3. Борисов И.Ю. Полоролевая дифференциация во взаимоотношениях супругов на различных стадиях жизненного цикла семьи // Психология семьи: Учеб. пособие / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: БАХРАХ-М, 2002. С. 321–323.
4. Володарская Е.А., Логинова Н.Ю. «Родительская» и «студенческая» модели представлений о семейной жизни // Психологический журнал. 2005. № 5. С. 26–34.
5. Голод С.И. Стабильность семьи: Социологические и демографические аспекты / Под ред. Г.М. Романевской. Л.: Наука, 1984. 136 с.
6. Гурко Т.А. Влияние добрачного поведения на стабильность молодой семьи // Психология семьи: Учеб. пособие / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: БАХРАХ-М, 2002. С. 486–492.
7. Дружинин В.Н. Психология семьи. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 160 с.
8. Дымнова Т.И. Психология семейного образа жизни: Учеб.-практ. пособие. М.: Педагогическое общество России, 2005. 144 с.
9. Зацепин В.И. Брак и семья // Психология семьи: Учеб. пособие / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: БАХРАХ-М, 2002. С. 3–32.
10. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики (психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова): Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2002.
11. Карабанова О.А. Психология семейных отношений: Учеб. пособие. Самара: Изд-во СИОКПП, 2001.
12. Кулагина И.Ю., Колоцкий В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека: Учеб. пособие. М.: ТЦ Сфера, 2005. 464 с.
13. Лисовский В.Т. Молодежь: любовь, брак, семья: Социологическое исследование. СПб.: Наука, 2003. 368 с.
14. Лысюк Л.Г. Христианская модель семьи как основа семейного консультирования // Православная психология и проблемы современного человека: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Е.А. Ходыревой. Ульяновск: УлГУ, 2001. С. 166–178.
15. Морозова Е.А. Личность: целостный взгляд. Самара: СамГУПС, 2008.
16. Нартова-Бочавер С.К., Кислицина Г.К., Потапова А.В. Семейный психолог отвечает. М.: Генезис, 2004. 310 с.
17. Ромашевская Е., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную? М.: Academia, 1990.
18. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974.
19. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии: Психология человека: Введение в психологию субъективности: Учеб. пособие. М.: Школа-Пресс, 1995.
20. Сметзер Н. Семья // Психология семьи: Учеб. пособие / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: БАХРАХ-М, 2002. С. 113–152.
21. Сорокин А.И. Российская семья и три законопроекта по ее охране. М.: Экономика, 1999.
22. Фельдштейн Д.И. Социализация и индивидуализация – содержание социального взросления и социально-психологической реализации детства // Мир психологии. 1998. № 1. С. 5–11.
23. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии: Наука о душе. М.: ВЛАДОС, 2001.
24. Фелдуйко В.М. Психология современной семьи: Книга для педагогов и родителей. М.: ВЛАДОС, 2004.
25. Черняк Е.М. Социология семьи: Учеб. пособие. М.: Дашков и К, 2006.
26. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений: Курс лекций. М.: Апрель-Пресс; ЭСМО-Пресс, 2000. 512 с.

27. Янк К. Опасность ранних сексуальных отношений для психического развития и будущей жизни в браке // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 160–163.

MODEL OF FAMILY AS THE FACTOR OF FORMATION OF MARRIAGE-FAMILY INSTALLATIONS AND PERSONAL QUALITIES OF YOUTH
Morozova E.A., Sorokina T.Ju. (Samara)

Summary. Article is devoted to a problem of interrelation of model of family (hierarchy, a degree of emotional affinity, translation of traditions) with marriage installations and qualities of the person of modern youth. Results of research confirm the assumption of what foundations of family are more traditional, that in a greater degree generates readiness of youth for marriage and such qualities of the person, as altruism, spirituality, morals are expressed.

Key words: model of family; youth; polymorphism of sights; the person; family aims; spirituality; altruism.

Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 528 с. (Методология, теория и история психологии)

В книге, представляющей собой сборник статей ведущих отечественных методологов психологии, рассматриваются ее наиболее актуальные методологические проблемы – как «вечные», сопровождающие психологическую науку с ее первых шагов, так и новые, обострившиеся на постнеклассической стадии ее развития. Описывается судьба ряда базовых исследовательских направлений отечественной психологии, их современное состояние и перспективы. Анализируются возможности интеграции психологии, традиционно разобранной на разные школы и исследовательские направления, перспективы построения единой психологии в условиях легализации методологического плюрализма, характерного для современного этапа ее развития.

Книга предназначена для психологов, не безразличных к методологическим проблемам психологической науки и практики, а также для представителей смежных наук, интересующихся методологией социогуманитарного познания.

ИНФОРМАЦИЯ

О ТРЕТЬЕМ СИБИРСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ФОРУМЕ (СПФ-3) «ЧЕЛОВЕК И СОВРЕМЕННОСТЬ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Форум состоится 24–26 сентября 2009 г. на базе факультета психологии Томского госуниверситета с участием факультета философии и НИИ психического здоровья ТНЦ СО РАМН.

В рамках форума будет организовано три конференции:

1. «Биопсихосоционоэтическая модель развития человека и его здоровья: кризис как вызов и возможности его преодоления».
2. «Когнитивные науки: междисциплинарные исследования мышления и интеллекта».
3. «Актуальные направления психологии инновационного поведения в регионе с высоким научным потенциалом».

Предполагается организация видеоконференции.

Желающим принять участие в работе форума необходимо прислать заявки до 15 июня 2009 г. в адрес Программного комитета: omega@psy.tsu.ru, den@psy.tsu.ru Залевскому Г.В., Краснорядцевой О.М., Черниковой И.В.

К началу форума будет подготовлен тематический выпуск Сибирского психологического журнала, а по итогам форума планируется издание сборника трудов участников. Правила оформления материалов для публикации размещены на сайте <http://SPJ.tsu.ru> и <http://vestnik.tsu.ru>

Оргкомитет СПФ-3

Тел. (3822)–52-95-80; 52-97-10

ABOUT THE THIRD SIBIRIAN PSYCHOLOGICAL FORUM (SPF) «A MEN AND CONTEMPORANEITY: INTER-SCIENCES RESEARCHES»

The Forum will take place on the 24–26 September 2009 on the bases of the Psychological Fakulty with the participation of the Philosophical Fakulty and the Institute of Mental health of TSC of SD of RAMS.

Within the bounds of Forum will be organized 3 conferences:

1. «Biopsyhosocioetic model of the development of a men and his health».
2. «Cognitive sciences: inter-sciences study of thinking and intellect».
3. «Actual directions of psychology of innovative behavior in region with high scientific potential».

It is supposed to organize the video-conference to the theme of SPF.

Persons interested to take place in the Forum are to send an order to the Program committee to the 15 June 2009 omega@psy.tsu.ru, den@psy.tsu.ru Salevskij G.V., Krasnoryadtseva O.M., Tchernikova I.V.

To the Forum beginning will be prepared a special number of Siberian Psychological Journal. Volume and rules of designing of articles are to find on cites <http://SPJ.tsu.ru> and <http://vestnik.tsu.ru>

Organizer committee

(3822)–52-95-80; 52-97-10

ИЗ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ

В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрразования России от 30 мая 2008 г. № 937-801 открыт диссертационный совет Д 212.267.16 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии», 19.00.04 – «медицинская психология».

Председатель диссертационного совета – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ведущий кафедрой генетической и клинической психологии ТГУ Г.В. Залевский; заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор В.Е. Ключко; ученый секретарь – кандидат психологических наук Т.Г. Бохан.

26 и 27 марта 2009 года состоялись заседания диссертационного совета по защите:

– диссертации Сычева О.А. «Личностная обусловленность прогнозирования» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии»;

– диссертации Бородиной В.Н. «Темпоральные проявления эффекта резкой перестройки сложившегося образа жизни (на примере военнослужащих)» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии»;

– диссертации Мажириной К.Г. «Личностные особенности и динамика самореализации в процессе игрового биоуправления: психологический анализ» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии»;

– диссертации Шульмина М.П. «Феноменология субъективных миров инвалидов» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии»;

– диссертации Лебединской С.В. «Самореализация личности в коммуникативном процессе тренинга метафоричности» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии».

22 июня 2009 года состоятся заседания диссертационного совета по защите:

– диссертации Катаасоновой А.В. «Особенности развития высших психических функций у часто болеющих детей школьного возраста» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология»;

– диссертации Дусказиевой Ж.Г. «Взаимосвязь родительского отношения и гендерных особенностей проявления тревожности часто болеющими детьми старшего дошкольного возраста» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология».

*Ученый секретари совета
кандидат психологических наук,
доцент Т.Г. Бохан*

В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 30 мая 2008 г. открыт диссертационный совет Д 212.267.20 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям 19.00.13 – «психология развития, акмеология»; 13.00.01 – «общая педагогика, история педагогики и образования».

Председатель диссертационного совета – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой управления образованием ФП ТГУ Г.Н. Прокументова; заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, зав. кафедрой психологии личности, декан факультета психологии ТГУ Э.В. Галажинский; ученый секретарь – кандидат педагогических наук, доцент И.Ю. Малкова.

25 марта 2009 г. состоялись заседания диссертационного совета по защите:

– диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук О.Е. Богдановой «Образовательная деятельность как условие развития когнитивных оснований межкультурной компетентности личности (на материале лингвистического образования)» (научный руководитель – доцент С.К. Гураль, научный консультант – профессор Г.Н. Прокументова);

– диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук В.В. Пустоваловой «Самопроектирование управленческой деятельности методистов муниципальной методической службы как механизм развития их профессиональной компетентности» (научный руководитель – профессор Т.А. Костюкова).

*Ученый секретарь совета
кандидат педагогических наук,
доцент И.Ю. Малкова*

НАШИ АВТОРЫ

Баланев Дмитрий Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: balanev@mail.ru

Богомаз Сергей Александрович, доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: bogomazsa@mail.ru

Волкова Олеся Владимировна, аспирант кафедры психологии детства Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, старший преподаватель кафедры психологии Сибирского института бизнеса, управления и психологии (Красноярск). E-mail: olesyavl.volkova@mail.ru

Гуриева Светлана Дзахотовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург). E-mail: gurievasv@gmail.com

Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Пензенской государственной технологической академии (Пенза). E-mail: kukareke@rambler.ru

Дусказиева Жанна Геннадьевна, аспирант, старший преподаватель кафедры психологии детства Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск). E-mail: jossee@mail.ru

Залевский Генрих Владиславович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: usya9@sibmail.com

Ипполитова Елена Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: E.Ippolitova@ruscrane.com

Кадыров Руслан Васитович, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой общепсихологических дисциплин Владивостокского государственного медицинского университета (Владивосток). E-mail: rusl-kad@yandex.ru

Катасонова Анна Васильевна, ассистент кафедры клинической психологии Владивостокского государственного медицинского университета (Владивосток). E-mail: calvaria@mail.ru

Ковалевский Валерий Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор кафедры психологии детства Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск). E-mail: jossee@mail.ru

Кравцова Наталья Александровна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры клинической психологии Владивостокского государственного медицинского университета (Владивосток). E-mail: kranatali@yandex.ru

Морозова Елена Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Самарского государственного университета путей сообщения (Самара). E-mail: eamorozova063@rambler.ru

Муравьева Ольга Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Томского государственного университета (Томск). E-mail: muravey59@mail.ru

Неверова Галина Юрьевна, ассистент кафедры психологии, психотерапии и педагогики Алтайского государственного медицинского университета (Барнаул). E-mail: evgal@rambler.ru

Петрова Валерия Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и гуманистической психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: social_sf@psy.tsu.ru

Петросян Елена Юрьевна, доктор медицинских наук, доцент кафедры медицинской психологии и психотерапии Красноярского государственного медицинского университета (Красноярск). E-mail: elenapetrosyan@mail.ru

Потребич Юлия Геннадьевна, старший преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин Владивостокского государственного медицинского университета (Владивосток). E-mail: upotrebich@mail.ru

Преображенская Анастасия Олеговна, кандидат психологических наук, доцент факультета психологического консультирования Московского городского психолого-педагогического университета (Москва). E-mail: org-hid@land.ru

Ральникова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной психологии Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: uis_70@mail.ru

Савченков Юрий Иванович, доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН, заведующий кафедрой физиологии Красноярского государственного медицинского университета. E-mail: uis_70@mail.ru

Салихова Наиля Рустамовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Казанского государственного университета (Казань). E-mail: Nailya.Salihova@ksu.ru

Смирнова Светлана Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Амурского государственного университета (Благовещенск). E-mail: smirnova2001@mail.ru

Сорокина Татьяна Юрьевна, кандидат психологических наук, психолог ОАО «Самарская жилищная инвестиционная компания» (Самара). E-mail: aveera-8@yandex.ru

Ткаченко Галина Андреевна, кандидат психологических наук, медицинский психолог отделения функциональной диагностики и госпитальной терапии ГУ «Российский онкологический научный центр им. Блохина» РАМН (Москва). E-mail: mitg71@mail.ru

Чернецкая Надежда Игоревна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии филиала Иркутского государственного университета г. Ангарска (Ангарск). E-mail: cherna@yandex.ru

Якоцуц Ольга Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и методик национального и поликультурного образования Института саяно-алтайской тюркологии ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (Абакан). E-mail: yakotsuts08@rambler.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «СИБИРСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

1. Рукопись объемом до двенадцати страниц должна быть представлена в электронном и распечатанном виде на лазерном принтере в формате А4 (2 экз.). Формат страницы А4; поля: левое – 20 мм, правое – 20 мм, верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм. Параметры абзаца: выравнивание по левому краю, отступ слева и справа – 0; первая строка – 10 мм; интервал: до и после – 0 пт; межстрочный – полуторный. Параметры шрифта: Times New Roman, кегль – 12 пт., интервал – масштаб 100%, обычный, смещения нет. Нумерация страниц с первой, кегль 12 пт., с установкой внизу, по центру, отступ от края текста до нижнего колонтитула – 1,25 мм (по умолчанию). Автоматический перенос выключен. Нумерация строк и абзацев, установка маркеров выключены.

2. В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК). Приводятся (каждый раз с новой строки):

- название статьи;
- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы/учебы (кафедра/лаборатория, факультет, институт, вуз/НИИ и т.д.) без сокращений;
- почтовый адрес;
- телефоны (служебный, домашний, сотовый), факс, адрес электронной почты (E-mail).

3. Ниже располагаются краткая аннотация статьи (3–4 предложения) и список из 5–7 ключевых слов.

4. В конце статьи (после списка литературы) размещается информация на английском языке: название статьи, фамилии авторов с инициалами, название города, аннотация и ключевые слова.

5. Все аббревиатуры в статье должны быть расшифрованы.

6. Текст должен содержать не более двух рисунков (графиков) и не более трех таблиц, которые в электронной версии расположены внутри текстового файла.

7. Список литературы должен быть пронумерован и расположен в алфавитном порядке. Его оформление должно соответствовать общепринятым требованиям. Литературные ссылки в тексте даются только в квадратных скобках. Количество ссылок не должно превышать 20 (за исключением обзорных статей).

8. При оформлении рукописи **нельзя** использовать табуляции, устанавливать свои стили абзацев (кроме принятых по умолчанию), расставлять автоматические списки (нумерации строк и абзацев), ставить двойные, тройные и т.д. пробелы между словами. Рекомендуется использовать только один тип кавычек (“ ”) или (« »). Необходимо различать дефис (-) и тире (–). Тире в WinWord набирается клавишами «Ctrl+» (клавиша «-» – справа на клавиатуре, вверху) или Alt+0150 при включенной клавише NumLock. В тексте, в таблицах и в подписи к рисункам при записи десятичных дробей следует ставить запятую (не точку). Рекомендуется во избежание ошибок и опечаток проводить проверку орфографии средствами редактора WinWord.

9. Бумажный вариант должен быть подписан **всеми** авторами статьи..

10. Статьи аспирантов публикуются на бесплатной основе.

Внимание! Рукописи, оформленные с нарушением вышеперечисленных правил, не публикуются.

**С июня 2009 года изменяются правила приема статей. Информация представлена
на сайте журнала: <http://spj.tsu.ru>**

Со всеми вопросами о публикации, размещении рекламы и приобретении журнала обращаться в редакцию по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, ТГУ, факультет психологии. Телефон/факс (3822) 52-97-10, телефон редакции (3822) 52-95-80. E-mail: den@psy.tsu.ru

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Г.В. Залевский

№ 32. 2009 г.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии,
редакция Сибирского психологического журнала.
Телефон редакции (3822) 52-95-80; факс (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru
Залевский Генрих Владиславович

Редактор К.Г. Шилько
Корректоры: К.В. Полькина, Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки А.В. Бабенко

Подписано к печати 10.05.2009 г.
Формат 60x84/8. Бумага белая офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Ризография. Усл. печ. л. 12,8. Тираж 1000 экз.

Издательство «ТМЛ-Пресс»
634050, г. Томск, ул. Гагарина, 31, оф. 49
Тел. 8-3822-52-66-83